

август:

**ФЕНОМЕН
УЛИЧНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

**ТАЙНА
СОЗДАТЕЛЕЙ
ДРЕВНИХ
ГОСУДАРСТВ**

**ЮБИЛЕЙ
В ОБЛАКАХ**
80-летний парапланерист
делится жизненным опытом

**В ПОИСКАХ
СОКРОВИЩ**
новая повесть А. Папченко

между **ЕСТЬ**
ПРОШЛЫМ
ТОЛЬКО **и БУДУЩИМ**
ИМ

Мария ПЕТРУШКО
фото Максима ФИРСОВА

самолеты отдыхают

На время проведения байк-шоу в аэропорту Уктус были отменены все рейсы.

Такое количество мотоциклов и мотоциклистов Уктусский аэродром видел всего второй раз за время своего существования. Второе байк-шоу собрало и объединило людей, для которых байкинг не только способ передвижения и вид спорта, но и образ жизни, образ мышления. Около двух тысяч байкеров и более четырех тысяч сочувствующих прибыли в Арамил, чтобы пообщаться, посмотреть на технику, поучаствовать в конкурсах и просто отдохнуть.

Наши увлечения

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В бой идут одни старики

А посмотреть было на что. Организатор второго байк-шоу екатеринбургский мото клуб «Черные ножи» посвятил мероприятие 60-летию Великой Победы. Поэтому гвоздем шоу стала демонстрация мотоциклов времен второй мировой войны и послевоенного периода. Челябинский клуб «АСА» («Автомобили самодельные и антикварные») во главе с руководителем мотосекции Евгением Ескиным представил на всеобщее обозрение классику отечественного и зарубежного мотопрома. Из Челябинска в грузовой «Газели» члены клуба «АСА» привезли наиболее интересные экземпляры. Они вполне способны самостоятельно передвигаться, хотя об их «пенсионном» возрасте напоминают старые госномера, по которым, впрочем, машинам официально разрешено передвигаться в пределах Челябинской области.

Один из самых ценных и древних экспонатов коллекции — мотоцикл «М-72» с минометом (правда, с заваренным — в силу мирного времени — стволом). Водитель, демонстрировавший его, для создания органичного образа оделся в стиле военного времени. С большим трудом смог стартовать трофейный мотоцикл «Триумф» 1934 года выпуска. Реликвия позволяет судить о развитии немецкой промышленности военной эпохи.

— Старые машины мы покупаем у населения, ездим по деревням, разыскиваем, — рассказывает Евгений. — Хозяев, как правило, в живых уже не бывает, и техника передается через пятое колено. Поэтому многие модели у нас без документов, но с разрешения ГИБДД мы можем на них ездить, при наличии прав.

За стариком-«немцем» круг почета совершил первый мирный, послевоенный мотоцикл «ИЖ-350» — первый быстроходный мотоцикл своего времени. Впрочем, сейчас эта модель, если и выезжает, то только на парады. Членам клуба кажется неразумным использовать в повседневной жизни

машину, в которую вложено столько усилий, времени и денег. Ведь на реставрацию подобного «стального динозавра» порой уходит несколько лет, запчасти приходится заказывать за границей либо искать специальных токарей, которые могут выточить снятую с производства деталь.

— Да, дешевле порой новую машину купить, чем восстановить старую, — соглашается Евгений Ескин.

Показали челябинцы и более современные «реликвии» — «ИЖ-49», «ИЖ-56» — спутники молодежи 50-60-х годов. А у нового поколения раритетом станет, наверное, «ИЖ-Планета-5» — мотоцикл из 80-х годов прошлого века.

А еще челябинцы привезли с собой первый советский мотороллер «Вятка», 1968 года выпуска, мощностью 5,5 лошадиных силы. На базе его мотора впоследствии стали выпускать одноименные стиральные машины.

В награду за мини-выставку, которая проходит, кстати, второй год подряд, клуб «АСА» получил в подарок кальян, к использованию которого челябинцы вскоре приступили, усевшись вокруг костра, неподалеку от своих реликтовых «железных коней».

Изящная хозяйка большого байка

Любознательство и удивление у присутствующих вызвали не только старинные мотоциклы, но и женщины-байкерши. Они не уступают байкерам-мужчинам ни в скорости, ни в умении управлять с машиной, но при этом остаются женщинами: следят за собой, растят детей и даже нередко катают мужей в качестве пассажиров на заднем сиденье.

Был проведен и конкурс «Мисс Байк-Шоу». Семь девушек, принимавших в нем участие, подъехали к эстраде на своих байках, отвечали на вопросы ведущего, рассказывая, как и почему они полюбили скорость и экстрим. Победила в конкурсе Татьяна из Томска, в седле она всего год, но длинный путь Томск–Екатеринбург она проделала верхом на своем «железном друге». В результате заслужила приз, одновременно и дамский, и байкерский – набор мотокосметики.

Наибольшее же внимание зрителей привлекла Лариса Шмидт из Озерска, подрулившая на своей синей «Индуре» (очень тяжелый, мужской, надо сказать,

мотоцикл). Яркая, стройная, загорелая, очень женственная байкерша в седле уже 25 лет. С 1980 года, когда ей едва исполнилось шестнадцать, Лариса занималась мотокроссом – оседлав тогда еще социалистический чешский «CZ» (он же «Чизет»), ломала позвоночник, шейные позвонки, но это

не отвратило ее от желания «отваливать по беспределу».

– Это даже не любовь к скорости. Скорость многие любят, но, как видите, женщин на мотоциклах очень мало, – говорит Лариса. – Надо такой родиться, иметь призвание. Я люблю экстрим, люблю все по максимуму, люблю, чтобы подо мной земля горела!

А земля под колесами ларисино байка и вправду готова загореться. На скоростных автострадах Германии, где есть отрезки дорог без ограничений скорости, Лариса разгонялась до 260 км/ч.

– Дороги в Европе очень отличаются от наших, – отмечает Лариса. – Я в основном там и катаюсь. Проехала Германию, Голландию, Францию. А в России езжу только по Челябинской области. Самое далекое – Магнитка, километров 300 от Озерска. Сюда вот в седле приехала...

Сейчас Лариса с мотокроссом, по ее выражению, «завязала» – рекомендации врачей, последствия травм. Но все равно практически каждый вечер после работы Лариса садится на мотоцикл и выезжает в лес или в горы, благо «Индура» позволяет движение по пересеченной местности.

– Для меня байкинг – это образ жизни. Да, для женщин это

тяжело — управляться с мотоциклом, — признается Лариса. — Но именно в седле, когда внутри все дрожит, когда чувствуешь остроту, — ощущаешь вкус к жизни.

Мифы и «вольная» реальность

Несмотря на расхожее заблуждение, что байкинг — дорогое хобби, внутреннюю дрожь и остроту можно ощутить и верхом на отечественном мотоцикле, претерпевшем авторский тюнинг. Именно на таком байке, рукотворном «чоппере», приехал из Камышлова Павел Лалуко, член байк-клуба «Вольник».

— Очень радует, что в этом году, в отличие от прошлого, не выделяют иномарки, — говорит Павел, — более лояльно относятся к отечественным мотоциклам и их наездникам. Это заметно и приятно.

Вместе с Павлом на шоу прибыли и товарищи по клубу, которому в этом году исполняется уже восемь лет. Практически каждый «вольник» приложил руки к созданию либо модернизации своего байка. Ребята стараются без серьезных финансовых вложений достигать желаемых результатов.

«Вольники» не заиклены на поддержании имиджа «настоящего байкера» — здорового дядьки в коже, постоянно пьющего пиво.

— Люди создали легенду об образе байкера, насмотревшись американских фильмов, — рассуждает Павел. — Но у каждого должен и может быть свой образ, зачем подстраиваться под одного? Вы спросите у присутствующих, часто ли

они пьяными на федеральную автостраду выезжают. Могу поспорить, что с пивом они отрываются только здесь, на байк-шоу.

Клуб в Камышловле живет спокойной жизнью, излишнего внимания горожан не привлекает, себя особенно не афиширует.

– Собираем молодежь от 14 до 18 лет, обсуждаем «мотоциклетные» вопросы, технические проблемы решаем, – рассказывает Павел. – Как-то ездили в детдом, помогли ребятам.

«Вольники» уже не впервые на байк-шоу. До сборов в на Уктусском аэродроме практически каждый год ездили в Ирбит, предпринимали вылазки в Новосибирск и Сочи.

– Главное, чтобы человеку самому было хорошо, – говорит Павел. – Качество, цена мотоцикла значения не имеют. Берешь с собой инструменты – и вперед.

От заката до рассвета

Мобильность, предприимчивость и этакая «проветренность» – в крови у байкеров, они ребята с причудами. И здесь, на байк-шоу, они тоже находят способы «отчуждаться». Для всеобщего увеселения байкеры из Озерска привезли небольшой подъемный кран и за умеренную плату поднимали всех желающих на семи-метровую высоту – для обзора наскоро устроенного палаточного городка. В стороне от взлетно-посадочной полосы раздувал бока воздушный шар, ожидая тех, кто хочет бросить вызов не только скорости, но и высоте. А короткая время до концерта Владимира Кузьмина, в сгустившихся сумерках зрители могли увидеть

лазерное шоу – перемещаясь и скрепящаяся, лучи образовывали картины на военную тематику – колонны танков, выстрелы, салют. Кстати, не все знают, что своим названием мотоклуб «Чёрные ножи» обязан одному из подразделений Уральского добровольческого танкового корпуса, сформированного в Свердловске в годы войны.

Несмотря на то, что байк-шоу проходило в походных и не слиш-

ком комфортабельных условиях, на аэродроме присутствовало много детей, как из семей байкеров, так и просто зрителей. Малыши бегали в банданах, косухах и прочей байкерской атрибутике, некоторые из них гордо восседали перед наездниками на бензобаках мотоциклов, всем своим видом показывая, что идея байкерского движения со временем перейдет в их надежные руки.

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов -
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин,
Вера Соловьва.

Художественный редактор,
верстка -
Юлия Ульянова.
Художник -
Ирина Овсянникова.
Набор -
Валентина Кадочникова.
Корректор -
Нина Зайцева.
Интернет-версия
Дмитрий Новоселов.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редационный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Пашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке
министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются
рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(343) 257-36-62.
Подписано к печати 30.07.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

РЕКА ВРЕМЕНИ

Проекты «Уральского следопыта»

Ю.ГОРБУНОВ	На руинах храма Богородицы 6
Поиски и находки	
Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России 6
Далекое-близкое	
В.БОЙКО	Офицеры шли не нагибаясь 8
По белу свету	
О.РУДЕНКО	Страна душевного покоя 18
Версия	
А.ЛЕОНОВ	Империя бога Асара 49
В мире прекрасного	
Н.АКИФЬЕВА	Храи в Билимбае и его архитектор .. 66
Детский сад	
Н.СТЕПАНЫЧЕВА	Устами младенца 83
Тропой поиска	
В.НОВИКОВ	Ординский селенит 85

АЗИТА

Фантастика

С.ЭСТ	Сага о солнечном берегу 12
С.ЧЕКМАЕВ	Ничья 60

Эксклюзив

А.ПАПЧЕНКО	Сокровище призрака 22
-------------------	-----------------------------

Современная поэзия

А.ТЕМИРОВ	Стихи 48
------------------	----------------

Переводы современной поэзии

В.ОСИПОВ	Антология сербской поэзии XX века 57
-----------------	---

Современная проза Урала

О.ВАКУЛЬСКАЯ	Остров Тигра 74
---------------------	-----------------------

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Наши увлечения

М.ПЕТРУШКО	Самолеты отдыхают 1
-------------------	---------------------------

Публицистика

Н.ПАНЬКОВА	Феномен уличной культуры 53
-------------------	-----------------------------------

Записки очевидца

В.КАСАТКИН	В поисках приключений, или Полет на параплане 69
-------------------	---

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

На руинах

храма Богородицы

В Свердловской области продолжается долговременная акция Содружества павленковских библиотек «Подари селу прочитанную книгу» – в рамках программы «Не дать свече погаснуть». Партнерами Содружества стали редакция журнала «Уральский следопыт», областная библиотека им. В.Г.Белинского и областной филиал Федеральной почтовой службы. На этот раз «Газель», груженная под завязку книжными дарениями екатеринбуржцев, держит путь в деревню Киргишаны муниципально образования «Рабочий поселок Бисерть».

Деревня (старое ее имя Киргишан) разбежалась по привольной округе почти что одной своей улицей – Трактовой. Потому что все два с половиной века своего существования пребывала на Сибирском тракте. Да и возникла как крепость для защиты от воинственных башкир, была обнесена тыном с башнями, и на каждой башне стояло по пушке... Но это было в середине XV111 века.

Почти весь XIX это село бывшего Красноуфимского уезда жило трактом. Мимо Киргишан бесконечным потоком шли караваны с товаром, ехали купцы в Сибирь и обратно. Почта ходила. Вели и везли арестантов. Тракт кормил-поил, одевал-обувал и оплачивал повинности.

А вот в начале века XX-го, а точнее в 1912 году, здесь числилось больше 200 дворов, обитала тысяча с лишним государственных крестьян обоего пола, стояла православная церковь во имя Богородицы, волостное правление, почтовая станция и этап. На смену тракту пришла железная дорога, и теперь крестьяне были заняты земледелием, скотоводством, а также местными и отхожими промыслами: драли ивовую кору для окраски и дубления, выдывали солому для спичек, а на отходе пытались счастья на золотых приисках, рудничных работах, извозе.

И именно в этом году появилась в Киргишанах первая общедоступная библиотека – из числа двух тысяч бесплатных народных читален, открытых по России на средства земства и издателя Павленкова. Появилась не совсем обычным образом.

Дело в том, что в 1912-м был обнародован так называемый циркуляр Кассо, министра народного просвещения. Циркуляр относил все библиотеки,

открытые земством при школах, в разряд обычных училищных библиотек, чей фонд подчинен жестким школьным инструкциям. А большинство павленковских читален в пору их организации как раз воспользовались училищными помещениями. Теперь душеприказчики Павленкова предложили земствам вывести читальни из школ, пообещав частично компенсировать расходы новым 100–150-рублевым книжным пополнением. Но далеко не всегда земству удавалось быстро найти подходящее место, а потому много сельских библиотек оказалось под угрозой закрытия. В том числе и в селе Тебеняки того же Красноуфимского уезда. Земская управа принялась искать, кто бы мог приютить павленковскую читальню. Приютили государственные крестьяне села Киргишаны, найдя для нее особое помещение и библиотекаря. Так появилась в селе павленковская библиотека.

Теперь мы с вами в начале XXI века. В деревне Киргишаны обитает 420 жителей. Большинство из них трудится в сельскохозяйственном кооперативе, на железной дороге путевыми рабочими – поезда, как и тракт, то и дело проносятся мимо деревни, не удостоив ее остановкой. В деревне – клуб, недавно построенный вместо прежнего, пришедшего в негодность, неполная средняя школа, в классах которой занимаются по 5–6 учеников, почтовое отделение. И конечно, библиотека – павленковская. Ютится в небольшом пристрое к останкам того самого православного храма Богородицы, от которого время уберегло только первый этаж. На книжные стеллажи жалко и стыдно смотреть: дряхлые, едва ли не до дыр зачитанные книги, новых, коими хвастаются городские книжные магазины, нет и в помине. Из подписных изданий – только «Православный вестник», нет даже «Областной газеты». Слово бы деревня пребывает в некоей оккупации, и культурные ценности ей недоступны.

А у Валентины Григорьевны Васевой, заведующей, больше 150 читателей, в их числе все 35 школьников да еще дети, приехавшие с родителями на лето. Она радуется как ребенок каждой случайной новой книге. Вот директор кооператива принес целую стопку одноразовых детективов... Вдоль стен у нее скромные книжные выставочки: «Лесная сказка», «Ярмарка профессий», «Край

родной – земля уральская», «Любознательным о разном». И конечно, уголок истории библиотеки с портретами Павленкова и его душеприказчика В.И.Яковенко.

Какие печальные мысли навеивает эта легкая пробежка по двум с половиной векам типичного уральского селения! Испокон веку сельская библиотека (не говоря всуе о других отраслях деревенского обихода), во все времена востребованная и деятельная, живет как бы вопреки государственным «циркулярам»: то ее готовы закрыть в одночасье – не те, мол, книги читаешь; то хоят и гладят по головке за верность идеям марксизма-ленинизма, но все прочие ценности прячут, как спички от детей; то дают ей, нищей и убогой, иллюзорную экономическую свободу, т.е. тоже нетерпеливо убирают с дороги рыночного прогресса. А она все живет, радуется любой малости и своими вечными ценностями врачует души и тела. Оказывается, даже храм Богородицы можно низвести до руин, а библиотека в этих руинах возьмет и затеплит свою негасимую свечу...

«Газель», прибывшая в Киргишаны из Екатеринбурга благодатным июньским днем, была набита книжно-журнальными дарениями. В Киргишаны перекочевала почти целиком домашняя библиотека екатеринбурженки Федоровой, которая вместе с сыном много лет собирала и лелеяла ее, дарения многих других горожан, читателей «Уральского следопыта». В основном это художественная, историческая, учебная, детская, научно-популярная литература разных лет издания. Как всегда, свои новинки прислал в село Издательский дом «Сократ», работающий под эгидой областного Министерства образования. Редакция «Уральского следопыта» подарила библиотеке три годовых комплекта своего журнала за последние годы, а также несколько десятков детских книжек, изданных по программе «Павленковская библиотека». Почтовики привезли целый калейдоскоп популярных журнальных новинок... Словом, чрево «Газели» было набито до отказа, и библиотечные полки павленковской заметно пополнятся и очистятся от отслужившего свой срок книжного багажа.

Дарители-горожане уже хорошо знают дорогу в «Уральский следопыт», и уже снова растут стопки книжных дарений – для очередной павленковской библиотеки, что влачит тяжкое существование в селе Акинфиево Верхнесалдинского района.

Юний Горбунов,
вице-президент

Содружества павленковских библиотек.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АНОСОВА Е.В.

«Братство социалистическое и братство во Христе». Томск, 1920.
РНБ.

АНОСОВА Надежда Петровна.

Сост. каталога кн. маг. и биб-ки для чтения П.Н.Аносова. Воронеж, 1877.
РНБ.

АНОСОВА Татьяна Петровна (1829 – 1885), переводчица.

Пер. «Фауст», траг. Гете. Ч. 2. Житомир, 1883.
Венгеров. Сл.; РНБ.

АНОСОВА-РОГОВА Елена Александровна (1877 –)

«Санитарное состояние дубовских школ». Дубовка, Дубовский физ.-мед. кружок. 1915.
РНБ.

АНОФРИЕВА Александра Гавриловна.

(См. Богородская А.Г.).

АНОФРИЕВА В.Т.

«История развития и деятельности потребительского общества при фабрике Т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова Сын и К». Материалы к истории кооперативн. движения в России. М., 1913.
РНБ.

АНРИ Екатерина.

Пер. с фр. кн. А.Бинэ и В.Анри «Умственное утомление» (1900-е гг.). Виктор Анри (м.б. ее муж) выпустил несколько книг по педагогике.

АНСЕРОВА Л.П.

Печатала стихи в «Оренбургском листке» (1902).
Голдин.

АНТАРОВА Конкордия Евгеньевна (1886 – 1959), мемуаристка.

Певца. «Искусство, одухотворенное человечностью». – В кн.: Антонина Васильевна Нежданова. М., 1967. С. 434-437; «Памяти чудесного певца». – В кн.: Василий Родионович Петров. М., 1953. С. 215-222.
ИДРДВ. Т.4. Ч.4. №№ 7521, 7547.

АНТИПОВА Мария

Печаталась в «Журн. для милых» (1800, 1804, № 12).
Масанов; Венгеров.Источ.

АНТОКОЛЬСКАЯ П.П.

Авт. ст. «О наглядном обучении в начальной еврейской школе» - в «Сборнике в пользу начальных еврейских школ». СПб., 1896.
Смирнов-Сокольский.

(Продолжение на стр. 11)

Въ Александровскій Комитетъ о франенныхъ

*Роды Ротмистра 16 гусарска
Иркутскаго Его Императорскаго
Высочества Великаго
Князя Николая Николаевича
полна Александра Ивановича
Диковскаго Варвары Ивановны
Диковской, проживающей
пос. Новоборисовъ, Минска
губ. В. С. Колодецкий*

Офицеры шли не нагибаясь

(История, которую поведала
паспортная книжка)

Поиск краеведа иногда приводит к очень любопытным открытиям. Ничем на первый взгляд непримечательная старая паспортная книжка (так раньше назывался паспорт), потрепанная временем и обстоятельствами, оказывается, скрывала много интересного...

Владелица паспортной книжки Варвара Ивановна Диковская получила ее 19 октября 1906 года... в 50-м драгунском Иркутском полку, что и подтверждается подписями временного командующего полком подполковника Кардашевского и полкового адъютанта с приложением полковой гербовой печати. В России в те времена паспорта получали исключительно в полиции по месту жительства и, как правило, на основании церковной метрики о рождении.

Листая паспортную книжку, узнаем, что возраст Варвары Ивановны на момент выдачи документа – 23 года, живет в посаде Новоборисов Минской губернии, замужем, вероисповедования православного; в графе «Звание» – запись: жена штаб-ротмистра 50-го драгунского Иркутского полка Диковского (тогда как обычно писалось: мещанка или дворянка такой-то губернии) и еще более интересная запись на другой странице в графе «На основании каких документов выдана паспортная книжка»: рапорт мужа от 18 октября 1906 года за № 37.

Шло время... Муж продолжал служить в Новоборисове в своем родном кавалерийском полку, которому после реформ в армии вернули прежнее, историческое название, и он стал имено-

Промение.

*Въ дополненіе къ поданному мною при
отъ 19 Декабря 1914 г. итн. чести предсиди
1) метрическія выписи о рожденіи
дочери Маріи 4 лѣтъ и сына Іоанна
2) удостоверяеніе Господина Мин
Губернскаго Предводителя Дворянскаго
Циркуляра отъ 19 Декабря 1914 г. о
средствъ къ жизни.*

*Прошу Александровскій
о франенныхъ о назначеніи
Высочайшаго документна
выснати франке села времени, такъ
леніе Александровскаго Комитета о
1914 г. № 105375 было по ошибкѣ
въ Тамбовскую губернію Горисова
Уездному Военному Начальнику
и Венгденскіи Милскій Судъ, 29
конца февраля с. г.
Новоборисовъ. 1915.*

С. При семъ препровождаю соглас

ваться 16-м гусарским Иркутским Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича полком. А в семье родились дети: Мария в 1907 году и сын Иван в 1912-м, о чем полковой адъютант аккуратно внес записи в паспортную книжку.

Наступил 1914 год. 19 июля (1 августа по новому стилю) немецкий посол в С-Петербурге Фридрих Пурталес вручил министру иностранных дел России Сазонову акт – Германия объявила войну России. В стране царил необычайный патриотический подъем, многие шли в армию добровольцами. План мобилизации был блестяще выполнен. Рус-

Далекое-Близкое

РЕКА ВРЕМЕНИ

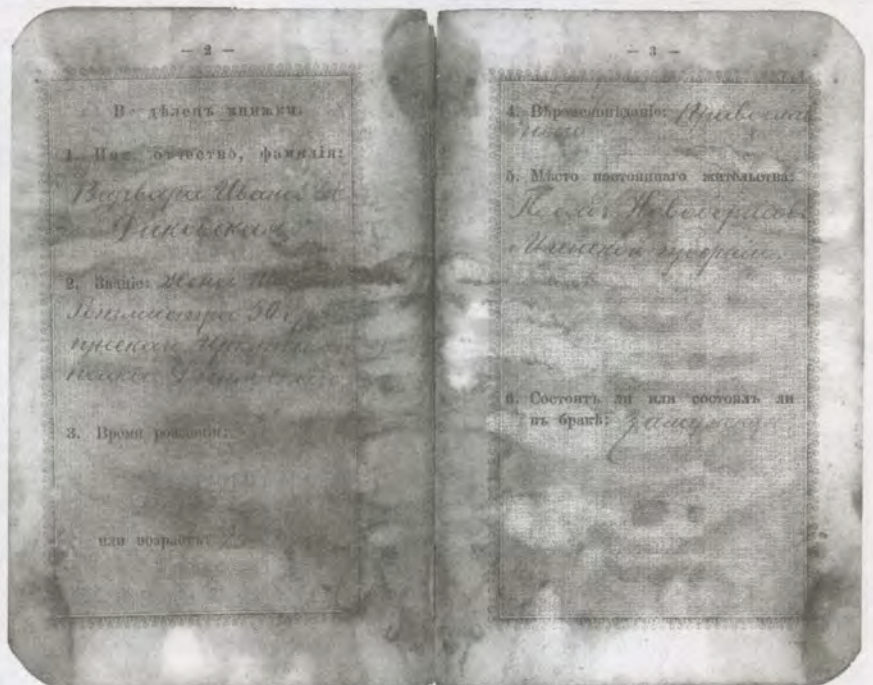
ская императорская армия четко и в полном порядке выступила в свой последний боевой поход и поначалу имела несомненные успехи. Поэтому несколько позднее, в начале 1915 года, Николаем II была учреждена медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» с портретом государя императора на лицевой стороне, ставшая последней медалью Российской империи.

16-й гусарский полк также выступил на фронт. Командир эскадрона, кадровый офицер, ротмистр Диковский сражался храбро и умело, своим личным примером увлекая подчиненных. Такие офицеры голову держали высоко, за спины солдат не прятались, пулям не кланялись и гибли в числе первых. Погиб в самом начале войны и ротмистр Диковский.

Как тут не вспомнить другого командира эскадрона, храброго кавалерийского офицера в чине гвардии ротмистра, совершившего подвиг в самом начале войны 6(19) августа 1914 года у немецкой деревушки Каушен. Он со своим 3-м шефским эскадронам Его Величества Николая II лейб-гвардии конного полка под ураганным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем в конном строю атаковал и захватил немецкую артиллерийскую батарею и тем самым решил исход этого первого крупного сраже-

ния. Храбрым ротмистром был барон Петр Николаевич Врангель. Его подвиг стал широко известен сначала в армии, а потом и по всей России, за него он получил первым на этой войне офицерский орден Св. Георгия IV степени и был принят при дворе.

Об этом событии сохранилась запись в дневнике императора Николая II. В России впервые были опубликованы выдержки из воспоминаний офицера его эскадрона Адама Беннигсена о первом бое той уже далекой великой войны – 6(19) августа под Каушеном. Эти бесценные для истории России воспоминания вывез из Бразилии его дальний родственник, сын другого офицера русской армии Андрей Римский-Корсаков, и благодаря им мы можем

Страницы паспортной книжки

Варвара Ивановна обратилась с прошением о материальной помощи в Александровский комитет попечения о раненых, который занимался благотворительностью в отношении раненых и семей погибших военнослужащих.

Но бюрократия в России поистине неистребима. Из нового прошения, составленного в самом начале 1915 года, узнаем, что Александровский комитет выделил ей 200 рублей на лечение (небольшие деньги по ценам 1915 года), но и они не дошли до бедной вдовы. Чиновники перепутали адрес и направили средства в г.Борисоглебск Тамбовской губернии. Вместо Новоборисова Минской.

Варваре Ивановне пришлось вновь собирать массу бумаг, ехать в Минск удостоверять все это у господина Минского губернского предводителя дворянства...

Как сложилась дальнейшая судьба Варвары Ивановны и ее детей, отчасти можно проследить по той же старой паспортной книжке и многочисленным полицейским отметкам на ее страницах.

Весной 1915 года русская армия стала все острее ощущать нехватку людей, оружия и боеприпасов. Началось отступление по всему фронту. Были оставлены Царство Польское, частично Прибалтика, большая часть Белоруссии, фронт покотился на восток... Беженцы из западных губерний империи хлынули в центр страны, на Украину, Северный Кавказ, а потом волна дошла и до Урала, многие здесь и осели. Холод, голод и лишения – все им пришлось пережить полной мерой. А тут вскоре и 1917 год. В паспортной книжке от этих тяжелых времен сохранились отметки сначала полицейских управлений, а с 1917 года, после Февральской революции, уже отметки милиции многих городов и населенных пунктов Украины, Таврии, России, куда судьба заносила несчастную вдову с детьми на руках, одну из многих жертв этой Великой войны, которую позднее историки назовут первой мировой. Вероятнее всего, вдова не дожидая до получения «молоткастого, серпастого» советского паспорта, иначе не сохранился бы этот потрясающий документ той эпохи.

В Москве, в районе Сокола, 1 августа 2004 года, в 90-ю годовщину начала первой мировой войны было официально открыто восстановленное и приведенное в порядок старое кладбище павших воинов той Великой войны – единственное на всю Россию!

День 11 ноября, День перемирия, начиная с 1919 года отмечается во многих странах. Он стал днем ветеранов всех войн и вооруженных конфликтов. В этот день приносят цветы и к памятникам русским воинам во Франции, где они все эти долгие годы сохранялись. Теперь, слава Богу, есть место и в России, в Москве, где можно отдать дань памяти русским солдатам, воевавшим за Россию. Этот очерк – крупица благодарной памяти потомков.

АНТОНЕЛЛИ, Эмилия

Авт. ст. «Воспитаны ли мы?» \ \ Северн. пчела». 1863. № 194.

Слов. рус. писательниц.

АНТОНОВА А.Н., авт. воспоминаний.

Одна из авторов. в подборке "Из воспоминаний пенсионеров Убежища" (о М.Г.Савиной) – "Изв. Совета имп. Рус. театр. об-ва". 1915. № 17\18. С.6-7. ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6753.

АНТОНОВА Е.И.

(См. Герсдорф).

АНТОНОВА Зинаида Акимовна.

(См. Чалая, Зинаида).

АНТОНОВА М.А., мемуаристка.

Студентка Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов в Петербурге. "Воспоминания о Леониде Ивановича Прасолове". – В кн.: Вопросы генезиса и географии почв. М., 1957, с.375-377.

ИДРДВ. Т.4. Ч. 3, № 5554 а.

АНТОНОВА С.

Печ. стихи в «Сибирском листке» (Тобольск-Тюмень, 1905).

АНТОНОВА Софья Александровна

Воспитанница СПб. училища св. Екатерины. Авт. слов «Кантаты на столетний юбилей СПб. училища св. Екатерины». Муз. К.К.фон-Баха. СПб, 1898. РНБ.

АНТОНОВА Софья Михайловна (псевд.: Сандро), драматург.

В соавт. с Елиз. Артур. Била – "Бабушкина сказка," ком. в 1 действ. Масанов.

АНТОНОВА Татьяна

Сотр. "Дамского журнала" - пер. с франц. «Ирландские песни» (1823. Ч.3. № 18).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

АНТОНОВИЧ В.М., издательница ежедневной газеты "Киевское слово" (с 1899).

АНТОНОВИЧ Екатерина Николаевна.

(См. Мельник, Е.Н.)

АНТОНОВИЧ-МИЖУЕВА Ольга Максимовна, мемуаристка.

Дочь критика М.А.Антоновича. "М.А.Антонович. (Из воспоминаний дочери)". – В кн.: Антонович М.А. Избр. статьи. Л., 1938, с. 485 - 515. Более подробный вариант этой работы – рукопись "М.А.Антонович в его интимной жизни – воспоминания дочери" – хранится в ЦГАЛИ, ф. 18, оп. 1, ед.хр.20. "Н.Г.Чернышевский и М.А.Антонович. Из воспоминаний". – ЛН, 1936, № 25\26, с. 237 - 242 с ил. В кн. «Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников». Т.2. Л., 1971 напечатано «Из воспоминаний» (с.477-478) (1881. Кружок молодежи в доме Е.И.Конради в СПб. Участники кружка, в их числе В.А.Серов).

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6286; Т. 3. Ч. 1. № 998, 1065.

(Продолжение на стр. 47)

Сага О СОЛНЕЧНОМ БЕРЕГЕ

Девушки, явившиеся в рекламное агентство «Пилот», выглядели одинаково стройными и высокими. Некоторые из них обнимались при встрече и, по-видимому, были знакомы: или где-то рядом жили, или семьями дружили. Выбрав двух таких девиц, Янка начала свой блиц:

– Девчонки, подскажите, как пройти собеседование. Ситуация штатная – консультация платная!

Натуральная брюнетка Кристина и крашенная блондинка Галина уже сотрудничали с болгарами и могли, наверное, рассказать о своих впечатлениях и без всякой предоплаты, но Янка считала, что ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЖЕЛУДОК – ПУТЬ К СЕРДЦУ ЖЕНЩИНЫ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ КОШЕЛЕК. ПОКУПАЙТЕ КОЖГАЛАНТЕРЕЮ ПРОИЗВОДСТВА «БУФФАЛО»!

– Главный в отборочной комиссии – Лучезар... – стала объяснять Галина, небрежно заталкивая деньги в сумочку от Версаче – естественно, без сдачи.

– Любомир, – поправила Кристина и начала подкрашивать пухлые губы. ИЗ МАГАЗИНА «РАДА» ПОМАДА – ТО, ЧТО НАДО!

– ...Правильно, Любомир Петев. Лучезар – это другой ковбой, он уехал. Петев из Болгарии, остальная комиссия – наши. Берут по международным стандартам: рост от 175 сантиметров, размер 44 и длинные волосы, – сказала Галина зазывным бархатным голосом. В ней чувствовалась выучка, а ее профессиональная общительность походила на доброту, как манекен в витрине – на человека в гильотине.

– Что там еще? – спросила Яна, словно стукнув в барабаны: «Там!»

– Предпочтенье отдается опыту. Если девушка

участвовала в акциях, она стопроцентно пройдет. ...В прошлом сезоне мы рекламировали «Булгартабак». Правда, с сигаретами строгости: если тебе меньше двадцать одного года – не возьмут. Да, болгарин всех не помнит, а по ведомости ему про верить запаadlo. ...В общем, нужна старая текстовка, предупредила Кристина, закончив пудрить Янке мозги, а себе нос. КОСМЕТИКЕ «РИВЬЕРЫ» ПРИСУЩЕ ЧУВСТВО МЕРЫ.

Янка подала промоутеру-ветерану свой сотовый

телефон, серебристую игрушку для взрослых, которой расплатился с ней Танки-с-тыла:

– Наговори.

– Добрый день! – сказала Кристина и, грамотно закрывая «сотик» ладонью, чтобы в диктофонном режиме на нем не записалась следующая ее фразочка, добавила: – Улыбаешься, как будто тебе дарят норковое манто. ...Скажите, пожалуйста, вы курите?..

– Нет. Зато пью по-черному, – отрезала Янка, снова вступая в мысленный спор со своей мамой: «А ты чего ждала?! Цитаты «Я в чем-то, видимо, глуплю. Но не со зла и не в обиду. По той причине, что люблю запой как форму суицида» вместо элементарной шутки?»

– Оглядываешь клиента: он должен выглядеть совершеннолетним... Сегодня мы проводим рекламную акцию... – Кристина рассказала столько отвратительного об угольном фильтре и о содержании смолы в сигаретах, что некурящей Янке захотелось бросить курить тут же на месте.

Чтобы пройти отбор в агентстве, Яне предстояло состариться почти до маразма, стать лауреатом конкурса племенных коров «Что в вымени тебе моем?» и обрасти девичьей косой до пят. РАСТВОРИТЕЛЬ И КРАСКА НЦ, ПФ, НПИ! На трансформацию лягушки в Василису Премудрую отпущалось часа три-четыре, пока смотрят других претендентов. САХАР – ВАГОНАМИ И МАЛЕНЬКИМИ ТЕЛЕЖКАМИ.

...Янкина мама работала редактором в книжном издательстве, поэтому у них в доме имелся ксерокс. Через копировальный аппарат Яна Солодарь, ученица 10-го гуманитарного класса школы № 164, прогнала свой паспорт и «зависла» над ксерокопией, высчитывая, хватит ей лишних десяти лет или сразу поменять XXI век на XXII. СЧАСТЬЯ, РАДОСТИ, ДОБРА! С НОВЫМ ГОДОМ ВАС! УРА! ПОЗДРАВЛЯЕТ МАГАЗИН ПОЛЬСКИХ ТКАНЕЙ «ПАН БАРХАТ». «Штрихом» в белой пластмассовой бутылочке и не пахло – мама истратила его на чужие ошибки, выверяя рукописи, 40000 печатных знаков – 1 авторский лист. Ее дочь печатным знаком предпочитала денежные. Замазав зубной пастой дату своего появления на свет, Яна написала нужные цифры и сделала ксерокопию с ксерокопии. Теперь ей было 22 года, но она, скажи на милость, как девчонка, сохранилась. ВРЕМЯ – ХОРОШИЙ ЛЕКАРЬ, И ЛУЧШЕ ВСЕГО ЛЕЧИТ ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ В МАССАЖНОМ САЛОНЕ «ОРХИДЕЯ». После того, как Янка привязала на затылок мамин шиньон, модельные туфли на каблуке помогли ей стать выше предрассудков, а килограмм ваты в бюстгальтере – оформиться, в том числе и на работу.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО «ПИЛОТ» – ДЛЯ ЛЮДЕЙ ВЫСОКОГО ПОЛЕТА. Расчет оказался психологически верным. ...Когда Янка представилась членам комиссии, не один из них не кинулся проверять сантиметром рост или скрести в подозрениях документы: «Русски Ванья-обманиш-

ка!» Если что и заинтересовало всех, так это Янкин разноцветный маникюр: на каждом ее ногте красовался нарисованный лаком флаг – от белого с красным кругом – Японии до звездно-полосатого, – USA ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ, БИС-КАРТА – КОЗЫРИ НА РУКАХ!

– А болгарский есть? – спросил патристически настроенный Петев, приземистый черноволосый молодой господин в костюме и при галстучке, не смотря на летнюю жару, лениво колыхающуюся по комнате под натиском вентилятора. КОНДИЦИОНЕРЫ «БРЕСТ-45» НЕ ВЫЙДУТ ИЗ СТРОЯ – СТОЙКОСТЬ И БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ.

– Куда же без него?! Вот! – ответила Яна и привычным жестом предъявила болгарский флаг на среднем пальце левой руки. На среднем пальце правой руки у нее был изображен российский триколор, о котором через день спрашивали в транспорте или на улице.

Женщины из комиссии не пытались скрыть улыбок, а болгарин, справедливо решив, что нарвался сам, вообще захохотал. Отстраненной выглядела только тетенька в темном учительском платье без выреза, сидевшая сбоку от стола, то ли что-то ее злило, то ли просто разморило:

– Вы участвовали в наших рекламных кампаниях?

– Да, я рекламировала сигареты, – уклонилась Янка от истины и уплаты налогов. СКУПОЙ ПЛАЧЕТ ДВАЖДЫ, НЕ ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ УСЛУГАМИ ФИРМЫ «АУДИТ ОТ А ДО Я». Рекламную текстовку Яна взялась бы повторить, лежа на смертном одре, потому что последние два часа ее сотовый телефон, не переставая, бубнил: «Добрый день! Скажите, пожалуйста, вы курите?» ...Кристина оказалась совершенно права: господин Петев, зарубежный партнер, тотчас же попросил изобразить сцену рекламного обольщения.

– ...Курите на здоровье! – проникновенно добавила Янка, вручив ему воображаемую пачку сигарет. Поскольку в воображаемой лотерее болгарин выиграл лучший приз – зажигалку, он объявил, что Яна Солодарь принята промоутером в агентство «Пилот». Она и представить не могла, что все получится настолько легко.

Когда Яна вернулась домой, мама начала ругать ее еще в прихожей, не дав переодеться:

– К чему этот машкерат?

По мнению Янки, профессия ее матери, редактора книжного издательства, вымирала. Как сказал кто-то из критиков: «Писать стало некому, писать стало не о чем, писать стало не для кого». А заодно и редактировать! Книжные прилавки цвели пестрыми обложками, как клумбы, но махрово распустились на них только слепленный на скорую руку миллионный детектив, любовные истории и фантастика про боевых роботов. Ксения Васильевна Солодарь, редактор опытный и знающий, называла развлекательную литературу «чтивом». В последнее время мама стала грустной и раздражительной, и

почти не открывала томика стихов своего любимого поэта Гарсиа Лорки. Яне гениальный испанец не нравился, но в их маленькой семье было принято считаться с чужим мнением.

– Я буду подрабатывать, – сказала Янка. – Мне нужны деньги, и много.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЛОМБАРД – ССУДНЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ВЫХОДНЫХ! Мама села на подставку для обуви – повезло, что не мимо! – и, сдвинув елочкой ровные брови, трагически зашептала:

– Как ты собралась подрабатывать? Проституцией?! Почему у тебя такой неприличный вид? А деньги тебе зачем?..

– ...На наркотики! – сама себе ответила мама и заплакала.

– Что ж ты у меня дурочка-то такая! – сказала Яна и поцеловала маму в маковку. В маминых волосах она заметила седые пряди, и от острой жалости к ней у Янки перехватило дыхание. – Кетчуп не вводят внутривенно. Я болгарский кетчуп буду рекламировать. Болгарский кетчуп «Слыньчев бряг!» «Слыньчев бряг» – с печки бряг! ...Ну, улыбнись...

Зашелся звонком домашний телефон, и пока мама советовала очередному автору сократить длинноты и переписать экспозицию, она немного успокоилась. Потом по сотовому телефону Яне позвонил Танки-с-тыла, амбал, и сказал:

– Раз-раз-раз – проверка связи! Я тебе сердечко сейчас pošлю или нет, лучше зайца.

– Заяц под штрафом! Мама приготовила, а ты, значит, будешь подавать к столу? Может, еще и «Слыньчевым...» облиться, чтобы вы меня все вместе сожрали? – возмутилась Янка.

– Кто такой Слыньчев? – засопел ревнивый Танки, имевший привычку утюжить противника не только с тыла или с флангов, но и в лоб.

– Слыньчев бряг – это Солнечный берег, Черноморское побережье Болгарии. С географией ты и сам в состоянии справиться! Да и с литературой тоже, как я подозреваю. Хватит дурака валять!

– Пошлю зайчика. Он на тебя похож: с виду ласковый, а внутри – зубищ-щ-ща!

– Заяц-людоед, – сказала Яна. – «Зубастый mutant загрызает насмерть молодую морковку» – прекрасная тема для сочинения о том, как ты провел летние каникулы.

– Если ты вечером не выйдешь гулять, копец моим каникулам!

– Ладно, встречаемся у подъезда, – сказала Яна.

По школе ходили слухи, что городской Дом офицеров полностью принадлежит папаше ее одноклассника Игоря Стылова; во всяком случае, мальчик в средствах стеснен не был. Своим телефоном он расплатился с Янкой за то, что она писала за него сочинения все второе полугодие, а себе купил новенький. В первое учебное полугодие Яна с помощью Танков выиграла денежный приз за лучшее название для дискотеки, проводившейся в Доме офицеров: «СТРАТОСФЕРА» – ТАНЦЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ. Самой Яне больше нрави-

лись другие варианты: «Самоволка» и «Фюрер Диско», но генерал-майор Стылов забраковал их как идейно и идеологически невыдержанные.

Свою сагу Яна начала рифмовать именно тогда – да! – со стратосферных денежек, какие ушли на начальный взнос, не зная еще, что к солнечному берегу Испании ее приведет болгарский кетчуп.

После ужина мама начала причитать опять:

– Не понимаю, что с тобой творится! ...И, пожалуйста, объясни мне вот это...

Брезгливо, двумя пальцами, словно нашкодившего котенка, мама держала тетрадь для работ по литературе, которую Яна днем, в поисках чистой бумаги для ксерокса, нечаянно оставила на столе, а не законспирировала, как обычно, среди учебников и книг.

– «Класс накануне «был душен и ал», вдруг нам учитель спокойно сказал: «Вам написать про Ахматову надо». Слава тебе, сочинение на дом!» ...Что это?! – спросила мама.

– Там предельно ясно сформулировано: «сочинение!» Нас весной заставляли писать. И, между прочим, Клара Семеновна похвалила меня.

– «Музу мою я сейчас разбуду. «Серость бездарная», – ей я скажу», – волновалась над тетрадью мама. ТЕТРАДИ, РУЧКИ, ТУШЬ И САМЫЕ ПРИКОЛЬНЫЕ КНОПКИ – В ОТДЕЛЕ «КАНЦТОВАРЫ». – Безобразная пародия на пронзительное ахматовское «Дочку мою я сейчас разбуду, в серые глазки ее погляжу». Ты на этих стихах выросла!

– Я из этих стихов выросла, – возразила Янка. Редактор должен был мгновенно почувствовать, что смысл фразы развернулся на 180 градусов – мама же увлеченно потрошила сочинение:

– «Стадами бродят рифмы по полям тетради... Стихи писать – да бога ради!» Грандиозно! Невроятно! Замечательно!

– И Кларе понравилось: она поставила «пять», – кивнула Яна.

– Не смей. «...Стихи – не столько под рожок словосочетающее пенье, сколь застывший между строк прыжок в тишину из головокруженья».

– Знаю. Второй твой любимец – Кальпиди, – сказала Янка и задумалась. – А он не грек? Греция тоже интересная страна. ОТ ВЕНЕЦИИ ДО ГРЕЦИИ, ОТ СПАГЕТТИ ДО СИРТАКИ – ТУРАГЕНТСТВО «ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ» ВНОВЬ ГОТОВИТСЯ К АТАКЕ.

– Поэт Виталий Кальпиди родился в Челябинске, – сказала мама, будто поставила сноску внизу книжной страницы.

– Не подойдет! Есть же разница между Челябинском и Санта-Крус-де-Тенерифе! – начала размышлять Янка, но, спохватившись, что сейчас проговорится, вернулась к стихам. – ...Ну, какое «головакружение»? Большинство моих ровесников не знает, через «а» его писать или через «о»; к тому же, обязательно найдется и тот, кто вставит в середину слова дефис – например, Игорек. Нарочно! Чтобы посмотреть, как выгибает литераторшу, Клару Семеновну.

Спор с мамой был застарелым и тягучим, словно прошлогоднее варенье. Мама любила поэзию, а Янка считала, что распевать в рифму «под рожок» о красотах природы просто неприлично, но не признавала всерьез и «настоящей» поэзии – крепкой смеси из философии и литературы. Имея обширный лексикон и музыкальный слух, сама Яна рифмовала с легкостью, но писать стихи не собиралась. Когда слов слишком много, как и бумажных денег, они обесцениваются.

...Чтобы развлекать домохозяйек болгарским кетчупом, Яне выделили гастроном у Благовещенского рынка, занимавший цокольный этаж высотного здания. Супервайзер Саша, миловидная девушка с тяжелыми старомодными золотыми серьгами-кольцами, отвела Яну в подсобку и, выдавая униформу, сказала:

– Быстренько переодевайся – Любомир ждет. Ему сегодня нужно открыть еще несколько «точек».

Алое, символизирующее цвет кетчупа, форменное платье оказалось великоватым, а кепи аля клоун Олег Попов проваливалось Янке на уши до тех пор, пока она не заклинила его маминым шиньоном. Александра, не обращая на нее внимания, художественно нарезала хлеб и копченое мясо на треугольные куски, так как рекламный процесс предполагал и дегустацию. Сделав годовой запас, Саша сунула оба блюда Янке в руки и пошла прокладывать путь.

Покупатели гастронома к их рекламному столику с «хлеб-солью» отнюдь не кинулись, потому что хотя в такое жаркое летнее утро всех и тянуло на пляж – на солнечный берег, – кетчуп к этому отношения не имел. Господин Петев произнес речь для одинокой ветхой старушки постпенсионного возраста, заинтересовавшейся продуктом, и отбыл вме-

сте с Сашей, правда, не в Варну, а в соседний продуктовый магазин.

То ли сказало отсутствие опыта, то ли «Слышчев бряг» потерялся на фоне залежей «Чили», «Острого», «Синьор Помидор» и других кетчупов в витринах, но дневную норму Янка не выполнила. До закрытия гастронома оставался час, а из сорока бутылочек при ней было больше десятка, когда приехал Игорь Стылов. В руках он нес роскошную красную розу на длинном, метровом стебле, для удобства – вниз головкой.

– Это тебе, – коротко сказал Игорь.

– От благодарных покупателей? – спросила Янка, наклоняясь, чтобы понюхать цветок. – Или от неблагодарных? У меня еще тринадцать бутылок не продано.

– Где отбивают чеки?

– Сколько ты еще будешь меня спасать?!

– Всю жизнь, – не стал мелочиться Танки-с-тыла.

Мощным выглядел и его отец, особенно в высокой генеральской фуражке, но Игорь перерос не только папу-генерала, но и вообще всех в школе. Когда он подошел к стеклянному скворечнику, в каком свила себе гнездо кассирша из гастрономического отдела, очередь расступилась: бессмысленно делать замечание танку. ТЫ МОЛОД И ПРЕДПРИИМЧИВ? У ТЕБЯ НЕТ СКЛЕРОЗА? В ТАКОМ СЛУЧАЕ, ТЫ ЗАПОМНИШЬ БЕЗ ТРУДА: 98-234-22 – «БОГАТЫРЬ».

Когда первый рабочий день закончился, Яна отнесла в подсобное помещение пустые блюда и полиэтиленовый пакет с чеками и специальными наклейками, которые она снимала с бутылочек. Ленточки-наклейки промоутеры должны были сдавать для контроля Александре, на которую явно заглядывался господин Петев.

– «Я принес тебе черную розу в бокале, «золотую», как сто грамм «Аи», – сказала Яна вслух для старенького холодильника, выделенного под рекламный кетчуп. Подаренная Танками роза не помещалась ни на разделочный стол, ни на полки, и Янка, укорачивая стебель, приложила ее к своим черным волосам. В мутном зеркале, висевшем рядом с облупленной «Окой», отразилась испанка Кармен, гордая, горячая и чувственная. ИСПАНИЯ: СИЕСТА, ФИЕСТА – ПРИЯТНОЕ МЕСТО. В Испанию мечтала съездить Янкина мама. Какое-то время у нее даже висел над письменным столом календарь: на площади Plaza de España в Севилье стоит Кармен-мать в платье-«фламенко» и рядом, держась за верхний из пышных воланов,

топчется ее полутороговая Кармен-дочь, тоже в оборках, браслетах, кружевах, серьгах, цветах, гребнях, шалях – все честь честью.

«Необходимо что-то сделать с одеждой», – подумала Яна, так как, по ее мнению, чересчур абстрактный вид униформы раздражал дам, основных покупателей кетчупа, а Янке хотелось выполнить норму самой.

Ей повезло: Клара Семеновна, главная выдумщица и массовик-затейник, не ушла в летний отпуск, а с утра выпасала строительную бригаду, делавшую ремонт в школе. Женский болгарский национальный костюм нашелся в кладовке среди мушкетерских шляп с бумажными перьями, колоссальной репы из папье-маше и декораций, на фоне которых Онегин застрелил Ленского. МАГАЗИН МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ «DANDY». ДЛЯ ДЕНДИ, ПЬЮЩИХ БРЕНДИ.

Супервайзеру Александре, перед которой Яна предстала с новым своим имиджем, идея понравилась, и они по телефону быстро уговорили Любомира. Ведь хотя из-под головного платка Янки, одетой в белую, вышитую крестиком, рубаху, испански торчала алая роза, привезенная из Голландии, у покупателей возникали ассоциации только с Болгарией: болгарское розовое масло – болгарский Солнечный берег – болгарский кетчуп. ВКУСНЕЙШИЙ КЕТЧУП «СЛЫНЧЕВ БРЯГ» – ПРИЗНАЕТ ЭТО ДАЖЕ ВРАГ!

– Девушка, вы из Болгарии?

– Да, нас импортируют вместе с кетчупом. На пять коробок «Слынчева бряга» – один искусственный разум.

– Шутите, наверное. А что в состав кетчупа входит?

– Лучшие болгарские помидоры: разламываешь его, а он сахаристый, словно Элвис Пресли.

– Дайте мне пару флаконов Элвиса.

На Яну-болгарку приходили посмотреть даже милиционеры из охраны других отделов. Каждому она вручила по бесплатной бутылочке «Слынчева бряга», избыток какого образовался после широкого жеста Танков – он не забрал свою чертову дюжину, ссылаясь на предрассудки. Так что к концу недели Янка перезнакомилась со всем персоналом гастронома «Центральный». «Обязательно зайдите в торговый зал в левом крыле. Там у нас рекламную компанию проводят», – басил от входа Валентин Иванович, пожилой грузный милиционер. «Кетчуп «Слынчев крик»...» – вторил ему Баринов, пошляк и весельчак.

ПРОИЗВОДИТЬ ТОВАР, НО ЕГО НЕ РЕКЛАМИРОВАТЬ – ВСЕ РАВНО, ЧТО В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ ПОДМИГИВАТЬ КРАСИВОЙ ДЕВУШКЕ: ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, А ОНА НЕТ. Янке нравилось заниматься рекламой. Она нашла среди многочисленных маминих справочников брошюру по маркетингу и рекламе и сделала несколько выписок. Программной стала английская поговорка про подмигивание. Поднимаясь ранним утром, когда город еще толь-

ко умывают водополивочные машины, Янка подмигивала себе в ванной: «...Чтобы в сердце трепетном зазвучало сладко, я могу из падали создавать поэмы, я могу из кетчупа сделать шоколадку». После этого, задержав полиэтиленовую штору (ВЕТРУ, ХОЛОДУ БАРЬЕР – ПЛЕНКА «ЭКСТРА-ПОЛИМЕР»), красивая девушка принимала холодный душ. А уже от ее визга просыпалась мама. Решение дочери поступать на следующий год в университет «на маркетинг» она не одобряла, но вынуждена была с ним считаться, раз уж так в их семье принято.

За участие в рекламной компании болгары, оккупавшиеся в агентстве «Пилот», заплатили в долларах, и если Янка и беспокоилась, то только о том, где еще добыть денег, чтобы внести последний из взносов. Как всегда, ее выручил Игорь, в каком было редкое качество – надежность. Русские славились надежностью, правда, только танки. В субботу ночью Стылов пришел к Яне домой без предупреждения:

– Тебе платить на следующей неделе. Я деньги принес.

– В долг, – сказала Яна, целуя Танков в башню, для чего ей пришлось встать на цыпочки.

– Ка-а-кие мы щепетильные. А взять и не моргнуть – слабо вам, Яна Никитична? Гордыню свою смирить? Или Добрыню? Никитича? Люблю одинаковые словечки: они у меня путаются.

– Телефон же взяла, – успокоила его Янка. – А ты чего так поздно? Маму разбудишь... Ладно, проходи в мою комнату, только без шума.

– Батя завтра по утрянке построит бедную семью и отконвоирует на фазенду, – сказал Игорь, и Яна еле-еле сдержала смех, услышав, что семья «бедная». В НАШЕМ СУПЕРМАРКЕТЕ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ ВСЕ, ОТ ИГОЛКИ ДО МАШИНЫ, ВКЛЮЧАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬ «МИГ-29».

– Фонтаны у него сделаны – нужно ими любоваться, – объяснил Игорь, по какой причине спешка. Насколько Яна знала крутой нрав его отца, за неподчинение он мог расстрелять единственного сына на месте, как дезертира, из своего табельного оружия.

В комнате они, обнимаясь, уронили со стеллажа несколько книг, поэтому Яна сходила и успокоила маму, что это не артиллерийский обстрел, а Танки-с-тыла. Вернувшись, она стала собирать книжки с ковра. КОВРЫ СО ВСЕГО СВЕТА. СКИДКИ НА ЛЕТО. МАГАЗИН «АЛЛАДИН».

– Ро-берт-Бернс, – по слогам прочитал Игорь, демонстрируя Яне свои достижения в предпоследнем школьном учебном году.

– Бёрнс, – поправила Яна.

– Интеллигентный человек должен отличать Го-голя от Гегеля... – начал выделяться Игорь.

– Этот анекдот с бородой. ПАРИКМАХЕРСКАЯ «ПРЕСТИЖ»: ПОБРЕЕМ ЕЖА И ПРИЧЕШЕМ МОРЖА.

– А Бернс от Бёрнса отличать – это маразм какой-то! Или снобизм?

– Или оргазм?

– Люблю одинаковые словечки, – засмеялся Игорь.

– Перестань грохотать! Мама опять проснется.

– Слушай, Ян, а когда мы с тобой двинем по загранкам?

– По-моему, ты каждый год с родителями едешь. Это у мамы хрустальная мечта – Испания. «Несбыточная», – как она говорит. У тебя вот есть несбыточная мечта?

– Самому написать сочинение...

– Фи!

– ...На эсперанто. ...Ну, что поделать, если нет у меня несбывшейся мечты. У меня есть сбывшаяся, – сказал Игорь и легонько притянул к себе Яну. На сей раз они уронили пластмассовый кювет с крупными сизыми сливами, раскатившимися по комнате, и Янка решила, что сливы нужно съесть, чтобы не пришлось собирать их снова. ФРУКТЫ МОЛДОВЫ – БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

– Посадишь на фазенде, – стрельнула Яна в Игоря сливовой косточкой. – Каждый человек должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево.

– У бати свое толкование: «...вырастить сына так, чтобы его не посадили». Я на батиной казенной «Волге» въехал в «Жигуленок» директора своей прежней школы – примерно на три четверти. На физкультуру опаздывал. Батя ремонт оплатил, но и документы на всякий случай забрал.

– А наши девчонки все гадали, как ты в гуманитарном классе очутился. Думали, что это новый способ «закосить» от армии.

– Армия у меня – на дому. ...Тебе хорошо: у тебя отца нет.

– Это тебе хорошо, что он у тебя есть, – сказала Янка. – Можно подольше не становиться взрослым. ...Черт, я же забыла ксерокопию паспорта в «Пилоте», ту, где мне 22 года.

– Перевести вас через дорогу, старушка?

– Сейчас по шее получишь, «пионер», – пообещала Яна и поскорее стукнула Игоря, пока он еще лежал на ковре, собирая сливы, – иначе ей было не дотянуться. Потом Танки требовал, чтобы она подула, где у него «бобочки», и поцеловала, поэтому ушел он только под утро.

Когда на другой день Янка приехала в агентство, чтобы сдать господину Петеву оставшиеся у нее наклейки и забрать ксерокопию паспорта, болгарин оказался в бегах. Но художник-оформитель, хмурый парень в черном рабочем халате, измазанном масляной краской, сказал, что он скоро придет, и продолжил творчески самовыражаться перед рекламным щитом с карандашной разметкой «ПЕЧАТИ» и мельче «И ШТАМПЫ». Больше в мастерской агентства никого не было, не считая незаметной тетеньки из отборочной комиссии, которая сидела перед включенным компьютером.

– НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ ШТАМПАМИ, НО ШТАМПЫ МАСТЕРСКОЙ «ПЕЧАТИ И ШТАМПЫ» ГОВОРЯТ САМИ ЗА СЕБЯ, – сказала Янка, разглядывая щит.

– Куда ты лезешь, деточка? – фыркнул художник. – И кто тебя об этом просит?

– Я! – отозвалась из-за компьютера женщина. – Ну-ка, подойди ко мне, промоутер. ...Вот так или что-то еще добавляем?

Тетенька быстро изобразила надпись про штампы в графическом редакторе компьютера и выходящее посмотрела на Яну.

– Нужно шлепнуть на текст круглую печать со львами, орлами и гербами, – сказала Янка. Она догадалась, сколько стоит «маленькое черное платье» на даме, принимаемое раньше за учительское, и ей стало ясно, что тетка здесь – старшая стюардесса или первый пилот.

– Ага! – одобрительно сказала тетенька и зашелестела клавишами.

Чтобы Янка не простаивала вхолостую, ей дали лист ватмана с наброском «НЕОНОВАЯ РЕКЛАМА МРА «ПИЛОТ»». Предполагалось, что буквы будут сделаны из светящихся трубок, не менее разноцветных, чем янкин маникюр в манере сюр.

– В слове «НЕОНОВАЯ» лучше выделить часть «...новая» – другим, более крупным шрифтом и, наверное, цветом, – сказала Янка.

– Угу! – отозвалась женщина. – Боря, распаковывай «водогрязелечебницу». Пусть посмотрит!

– Баннерные растяжки?

– Не ленись! Основную композицию.

Парень в халате, Борис, совсем помрачнел, но, упираясь всеми лапками, как трудолюбивый муравей, притащил из угла панно, обернутое грубой бумагой, и перерезал шпагат. На рекламном щите было изображено внушительное белое здание лечебницы среди елок и текст с химическими формулами. «Белеет корпус одинокий в тумане елей голубых», – подумала Янка, но вслух предложила другой вариант:

– Может, на фоне неба сделать надпись: «ИЗ ГРЯЗИ – КНЯЗЕМ»?

– Ого! – сказала тетенька. – Боря, к вечеру переделай!

– А князя на фоне грязи вам не нужно? – съехидничал художник-оформитель.

– ...И прейскурант: князь Игорь – три йодобромные ванны; князь Владимир Красно Солнышко – четыре сероводородные... – сказала Янка, подмигнув художнику, и он заговорщически подмигнул ей в ответ.

– Уволю! – пригрозила тетка. – Обоих! Ах да, сначала тебя необходимо принять...

Так Янка получила постоянную работу, и в августе, как раз к дню рождения ее мамы, сага о солнечном берегу была закончена. ТУР ПО ИСПАНИИ В РАССРОЧКУ – И ТОЧКА! Больше полугода Янка в тайне от нее копила деньги, чтобы сделать свой подарок. ...Когда мама увидела сияющий глянцевого буклет туристической путевки, вставленной оформителем Борей в хорошенькую рамочку, она заплакала. И чего, спрашивается?! Простое же дело – съездить в Испанию и посмотреть, чем живет родина гениального поэта Гарсиа Лорки.

СТРАНА ДУШЕВНОГО ПОКОЯ

По белу свету

Непал – родина Будды, подарившего миру рецепт высочайшего наслаждения. С тех пор эта страна представляется раем для тех, кто ищет просветления и душевного покоя. Непрístupные горы, вековые джунгли и сказочная долина Катманду. Здесь обитают 10 миллионов богов. Т. е. на каждого жителя приходится приблизительно по 30 штук.

Олег Митяев в своей песне о Непале утверждал, что к трапу самолета тут принято подавать слонов. Это преувеличение. Слонов к трапу вам, конечно, не подадут. Зато в гостиницу вы, скорее всего, проследуете на трехколесном автомобиле. Трехколесные и четырехколесные друзья человека появились в Непале сравнительно недавно – лет 30 назад. Чуть позже возникли и светофоры. Особой необходимости в них не было, и полицейские, ответственные за переключение «красный-зеленый», ощущали себя артистами цирка шапито. К работе относились серьезно. Завидев где-то вдали, на пустой улице, машину, регулировщик принимал скучающий вид. Подпустив автомобиль поближе, с видом фокусника включал красный свет. Визжали тормоза, восхищенно улыбались зрители... Вновь загорался зеленый, новые любопытствующие приходили к перекрестку. Шоу продолжалось.

Сейчас к светофорам привыкли. Да и машин стало побольше. Полицейские научились создавать автомобильные пробки легко и непринужденно, а потом – виртуозно и оригинально решать вопрос, кого пропустить первым. Беззлобно переругиваются водители, с интересом наблюдают зеваки. Здесь никто никуда не спешит.

Конкуренцию регулировщикам в организации подобных развлечений составляют коровы. Пользуясь своей священной безнаказанностью, они не очень-то интересуются правилами поведения на дорогах. Валяются где хотят, заставляя водителей их объезжать. Когда-то давно одна корова оказала кому-то из богов какую-то услугу. С тех пор непальцы обеспечивают покой и безопасность всем ее родственникам. Наехавшему на корову грозит 15 лет тюремного заключения, провинившемуся иностранцу – депортация.

Столица Непала Катманду покоряет с первого взгляда. Открытостью и доброжелательностью. Восточной изысканностью. Загадочностью средневековой красавицы. Тысячи храмов, буддийских и индуистских, золотые скульптуры, пагоды... Этот город много веков накапливал свои сокровища и с удовольствием демонстрирует их гостям...

РЕКА ВРЕМЕНИ

Для буддистов в Катманду два основных места паломничества – Сваямбхунатх и Боднатх. Сваямбхунатх – одно из самых сокровенных мест долины Катманду. Легенда гласит, что когда-то здесь было красивое глубокое озеро. Жили в нем змеи-наги. Однажды пришел к озеру Будда и сказал: «Пусть прекрасное станет еще прекрасней». И бросил в змеиное озеро корень лотоса. Прошли годы. Зацвел лотос. Узнал об этом Будда и возликовал. Предсказал он тогда великое будущее долине, что лежит под водой. И шли годы. Спустился с гор святой Манджушри. Одним ударом меча прорубил он проход в горах и выпустил воду. И сказал своим ученикам: «Селитесь здесь и живите». И стали ученики жить в долине. А на месте, где цвел лотос, 2000 лет назад построили ступу Сваямбхунатх. Сверху ступа выглядит как мандала. Каждый ее архитектурный элемент имеет свое значение. Квадратное основание символизирует землю, белый купол в виде полусферы – воду, шпиль подобен огню, легкий зонтик из молитвенных флажков – стихия воздуха, а башенка над ним – эфир. Символ Непала – глаза Будды – смотрят с четырех граней основания шпиля. Вместо носа – запятая, непальская цифра 1. Единство всех проявлений мира в сознании Абсолюта. По периметру ступы установ-

лены молитвенные цилиндры. Обходишь храм по часовой стрелке, вращая барабаны правой рукой, и молитва уносится к Богам. Этим же целям служат и гирлянды флажков с молитвенными текстами. Днем и ночью читает ветер священные тексты, написанные на них. Первые альпинисты быстро поняли: чтобы местные горы были к тебе не слишком суровы, надо почитать местных богов. Теперь наши ребята, идя на восхождение, берут с собой освященные ламами молитвенные флажки. Привязывают их в базовом лагере и с полным правом ждут милостей от природы.

Сейчас Сваямбхунатх – целый комплекс, состоящий из 108 ступ различного размера. Расположен он на высоте 77 метров. Преодолев 365 ступеней, каждый может покрутить здесь молитвенные барабаны или полюбоваться на город с высоты птичьего полета. Здесь же всего за 5 рупий вам предложат нарисовать на лбу третий глаз. Единственное, что может омрачить пребывание в святом месте – выходки обезьян. Обезья-

Вишну. Но на практике религия примирят всех богов. Храмы Будды охраняют божества индуистского пантеона. Непальцы принимают и богов других народов, и отсутствие оных. Каждый сам знает, во что ему верить, полагают они.

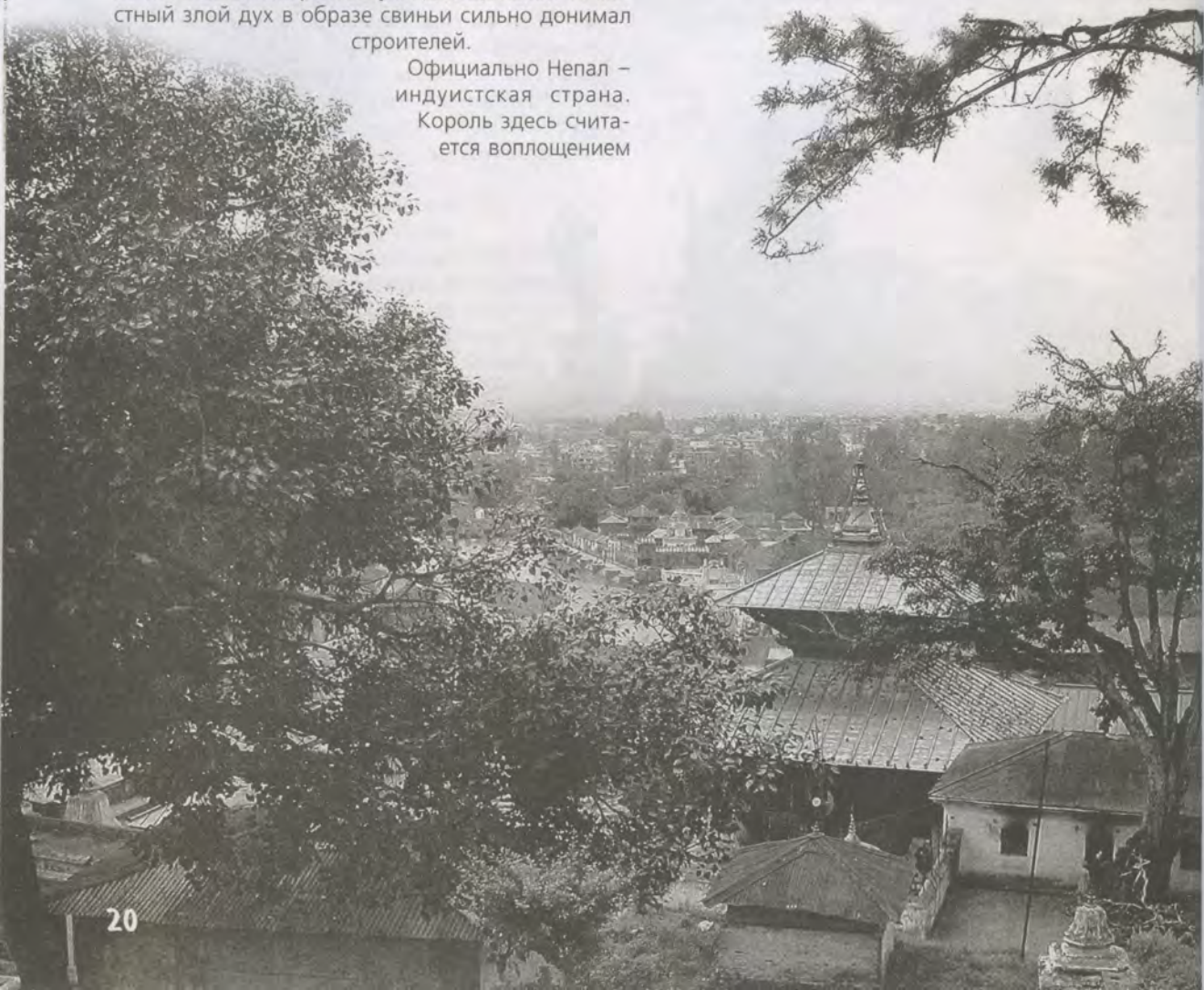
Одно из священных мест индуизма – храм Пашупатинатх. Неиндуистам сюда нельзя. А индуизм, в отличие от многих других религий, нельзя принять. Можно только родиться индусом. «Индуизм расплывчат и аморфен, каждый понимает его по-своему. Он охватывает много верований и религиозных обрядов, от самых высших до самых низших, подчас противоречащих друг другу», – говорил Джавахарлал Неру.

яны в Катманду, как у нас воробьи, вечно голодные и наглые. Бесцеремонно стащат сумочку или банан у зазевавшегося туриста.

Боднатх – самая большая ступа в мире. Возведена в шестом веке. Говорят, строить ее было нелегко. Мешали жара и засуха. Да еще какой-то местный злой дух в образе свиньи сильно донимал строителей.

Официально Непал – индуистская страна. Король здесь считается воплощением

А вот индуистский обряд кремации может увидеть любой желающий. Вдоль реки Багмати установлены каменные площадки. Здесь сжигают завернутые в белые материи тела усопших. Считается, что этот способ помогает освобождению души от привязанностей, накопленных в этой жизни.

ни, и облегчает ее восхождение в миры небесные. Душа сбрасывает тело, как поношенную одежду. Оставшиеся не испытывают скорби. Молитвами они облегчают восхождение ушедшему. Пепел стряхивается в реку. В этих же водах живые совершают омовения с целью освобождения от грехов.

Вечерний Катманду. Бесчисленные лавки. Торгуют обувью и сумками из конопли, фальшивыми джинсами, медной уварью непонятного для европейца назначения. Тут же разложены невиданные плоды и не пробованные ранее сладости. Можно купить и чудесные ювелирные украшения. Только вот на золоте не будет указана проба. Здесь даже не знают, что это такое. «Чистое золото», — скажут вам.

Кипит торговля и перед дворцом Кумари — женой непальской богини. В Кумари избирают девочку лет 3–5. Ребенок должен быть красивым, а также пройти ряд сложных психологических тестов. Богиня не будет бояться темноты, не проявит признаков беспокойства, находясь в одном помещении с расчлененными трупами. Она всегда весела и доброжелательна. И терпелива. Ведь церемонии, где требуется присутствие живой богини, могут длиться по многу часов. А свободное от основных обязанностей время девочка проводит в своем трехэтажном домике. Если посидеть на ступеньках во внутреннем дворике этого теремка, то, если повезет, можно увидеть в одном из окошек симпатичные глазки малышки. Богиня подрастет, и когда ее организм, по естественной причине, потеряет первые капли крови — станет обыкновенной девушкой. А выйти замуж бывшей богине непросто. Есть поверье, что их мужья рано умирают.

Меню уютных ресторанчиков не блещет разнообразием. Национальное блюдо далбат (рис с соусом из чечевицы), момо (пельмени), чапати (лепешки) — вот, пожалуй, и все. Да еще кухри-ром, виски «Эверест» — необходимое, с медицинской точки зрения, дополнение к местной кухне. Любители острых ощущений могут попробовать ракшу (самогон) или чанг (напиток, напоминающий пиво).

На выходе из ресторана вам предложат в качестве десерта гашиш.

Непал долгое время привлекал хиппи из всех стран. Дешевой травкой и возможностью ночевать прямо на улице. Стелишь коврик, зажигаешь свечку в головаш (чтоб не наступили на тебя ненароком) и засыпаешь, наблюдая, как звезды заполняют пространство между узорчатыми крышами. Любители такой жизни приезжали и оставались на неопределенное время. Постепенно любителей такой жизни развелось столько, что перед властя-

ми встал вопрос, как выдворить их из этой Зоны Мира.

Непал бедная страна. Но такое положение вещей никого не расстраивает. Здесь верят, что «если был ты дворником, родишься вновь прорабом, а после, из прораба...». В круговороте вечных возвращений не так уж важно, где ты сейчас и кто ты сейчас.

СОКРОВИЩЕ ПРИЗРАКА

Приключенческая повесть

*Голос, как совесть больная, долгие ночи и дни,
Шепотом мне повторяя, вечно звучал позади...*

Редьярд Киплинг

Колька

Был поздний июньский вечер и было тихо... Мальчик Колька лежал, укрытый одеялом, на носилках во дворе больницы, в поселке Синельниково и, кажется, умирал.

Нет. Неправда. Неправда, что было тихо. Тихо не было. Зачем-то и непонятно кем растянутые и от этого странно неподвижные звуки возникали внутри Кольки и мучительно медленно, с каким-то визгом все-таки тянулись. Словно выскальзывающая из плотно сжатой ладони проволока. Или травинка, которую протягиваешь сквозь стиснутые зубы... Но и это не совсем правда. Когда Колька впервые открыл глаза, звуков тоже не было, а было блюдо. Громадная синяя тарелка. Испачканная по краю малиновым вареньем. Будто ее опрокинули над Колькой. Опрокинули – и варенье перетекло через край. Зачем она здесь, эта тарелка? Почему? Мгновением позже Колька понял, что это небо. И закат...

И сразу же потянулись изматывающими тоненькими голосами звуки...

А потом из-за деревьев высунулась морда обrazyны. Обrazyна наклонила скуластую рожу, словно собиралась клюнуть Кольку. Будто Колька червячок, маленькая букашка, которую она высматривала в траве...

Над «образиной» вибрировал ослепительный диск. Как нож пилорамы. Кроны деревьев захватили, смяло ветром...

«Вертолет», – догадался Колька и опустил глаза...

Боевой МИ-24 заложил крутой вираж и, качнув на прощание пилонами с неизрасходованным боекомплектом, ушел на запад...

Дощатое здание одноэтажной больницы рабочего поселка Синельниково терялось в разросшихся зарослях сирени. Тут – там среди кустов светились окна...

Колька, укрытый одеялом, лежал на носилках во дворе больницы. У самого его лица, на длинном стебле, покачивалась пыльная метелка мятлика. Колька пригляделся, и размытая травинка обрела объем, и каждый ее шершавый волосок стал виден так отчетливо, что у Кольки от этой четкости заломило в висках. Ему вдруг показалось, что едва он перестанет видеть эту травинку, как вновь провалится в бездну. Туда, где ни опоры, ни выступа, за который можно зацепиться. Где Колькин голос так жалок, что кажется чужим. А его слова – пусты... Он будет падать туда, где ничто ничего не значит. А только лишь то значит, что с ним, с Колькой, делается что-то страшное, невозможное, то, что он не в силах остановить...

«Так вот что главное... – подумал вдруг Колька, разглядывая травинку, – Тогда я так и согласен! – хотел крикнуть Колька. – Согласен смотреть хоть всю жизнь на эту траву! Чтоб только жить!»

Метелка мятлика покачивалась. Ее задевали ноги пробежавших по траве людей; громоздкие армейские полуботинки и миниатюрные дамские туфельки. Кольке казалось, что ноги живут сами по себе. Отдельно. Колька ругал их, если подошвы подбирались близко к его лицу. Колька упрекал их, Колька завидовал им...

«Ну-ну, ты мне попрыгай-подрыгай!» – мысленно ругался Колька

За мятликом торчал стебель одуванчика. За одуванчиком отсвечивали листья подорожника. Колька перевел взгляд в глубь видимого им пространства: зубья штакетника, за ними два тупорылых пятнистых автомобиля, вооруженные люди в чудных шароподобных шлемах, которые вдруг стали таить... Колька оставил столь ненадежный ориентир и лихорадочно принялся искать в траве контур спасительного мятлика, но сама трава неожиданно расступилась, пропуская Кольку сквозь себя, внутрь

себя и еще глубже... И стало темно. И тихо.

— ... Кость не задета.¹ Пуля прошла удачно. Очень удачно, — произнес отстраненно хриплый голос, и Колька вынырнул. Очнулся. В траве стояли коричневые потрепанные туфли с узкими носами. Один шнурок развязался и путался в траве. Кольке нестерпимо захотелось сказать, что вот шнурок развязался и что можно упасть, если наступить на него.

— Очень большая потеря крови. Нет у нас таких запасов... Никаких вообще нет. Плазмы нет. Надо в райцентр, — заметил хриплый голос, и туфли, извинительно потоптавшись у Колькиного лица, наступили каблуком на спасительный мятлик.

«Ах вы ж лошади!» — возмутился Колька и от обиды чуть не заплакал. Но не заплакал — поймал на себе чей-то пристальный взгляд.

В двух шагах от Кольки стояли носилки. Раньше их не было. Наверное, их принесли недавно. На носилках под одеялом лежал человек и смотрел на Кольку. Лицо у человека было знакомое... И он улыбался? Или что он? Колька присмотрелся... Незнакомец пошевелил губами. Лицо у незнакомца было в ссадинах и крови, а он улыбался... И Колька вдруг вспомнил: это Крюк. Тот самый, что хотел убить его. Теперь он лежал рядом с Колькой и не мог ему навредить...

«Он тоже теперь, как я... — понял Колька. — Он тоже теперь все знает... что главное».

Крюк, казалось, догадался, о чем думает Колька, и поморщился. И скосил глаза себе на живот. Там, где у него был живот, на одеяле расплылось большое коричневое пятно...

— Я приеду... — проговорил кто-то над Колькой. Колька узнал голос Владика, но не обрадовался и не огорчился. Как будто теперь Колька знал что-то такое, чего не мог знать его друг, и это знание сразу разъединило их... Всё то, что говорил и значил Владик для Кольки, вдруг стало меньше, много меньше того, что сейчас понимал Колька и что сейчас чувствовал. Сейчас Крюк был Кольке ближе, и эта невозможная еще вчера близость теперь вовсе не удивляла Кольку. Будто они вместе с Крюком находились там, откуда все те тысячи мелочей и немелочей, связывавших Кольку и Владика еще вчера, таких важных и необходимых мелочей, вдруг потеряли значение и обесцветились.

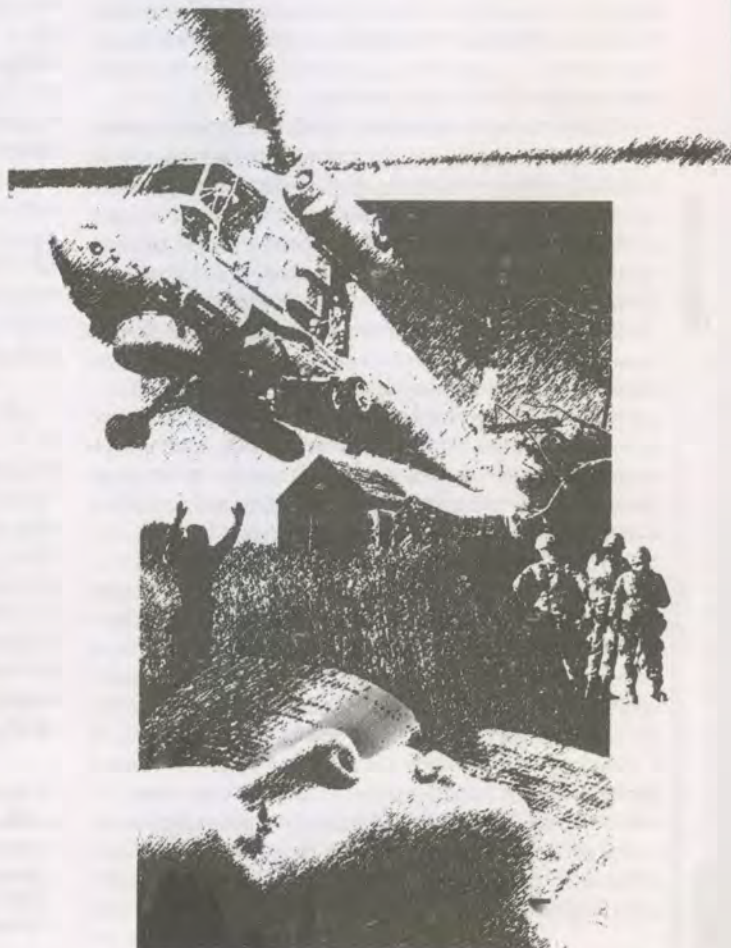
Раньше Колька думал, что умирать трудно. Он думал, что прежде чем исчезнуть навсегда, он будет проходить через этапы, на каждом из которых можно будет зацепить-

ся и не отпустить жизнь. Допустим, вначале человек перестанет слышать, потом ослепнет, затем перестанет чувствовать... И можно напрячься каким-нибудь страшным нечеловеческим напряжением и не отпустить слух или зрение, и тогда смерть отступит. Как же может умереть зрячий человек? Но даже если слепота победит, то ослепшему, бесчувственному умирать не так страшно. Чего ему умирать — полено поленом. Но вот Колька и чувствовал, и видел, и слышал и, несмотря на это, или именно потому что он чувствовал и все равно исчезал, внутри него шевельнулась обида. Слово его надули. Слово непостижимый цирковой фокус оказался на поверку до обидного примитивным. И всего этого не мог понять Владик. И объяснить ему это Колька не смог бы.

— Он не оборудован и, во-вторых... там же нет вертолетной площадки... — произнес хриплый голос.

Колька смотрел на Крюка. Вот он-то, Крюк, в отличие от Владика, понимает сейчас всю несправедливость того, что происходит с ним, Колькой...

Крюк вдруг приоткрыл спекшиеся губы и медленно, трудно прошептал. Колька не расслышал, но как-то сразу понял, что тот хотел сказать. И Крюк по глазам Кольки догадался, что тот понял то, что он, Крюк, ему сказал. И закрыл глаза...

¹ Начало колькиных приключений в повести «Две пригоршни удачи». Она была опубликована в журнале «Уральский следопыт» в 2000 году. Для тех же, кто не читал её: беспризорник Колька сплавлялся на плоту, когда был вовлечен преступниками в криминальную историю, в результате чего был ранен... (Примечание автора)

— Я обязательно... — произнес Владик.

Туфли отступили на шаг, освобождая поверженного мятлика, и приблизились к носилкам Крюка.

— Этот все, — произнес хриплый голос и небрежно набросил Крюку на лицо края одеяла.

«Все...» — просто подумал Колька и вдруг заметил, как стебель мятлика, затоптанный туфлями доктора, шевельнулся. Колька впился в него взглядом. Никакие уверения всех докторов в мире в том, что он, Колька, не умрет, не значили сейчас для него столько, сколько значила эта оживающая ничемная травинка...

И Колька потерял сознание.

Бесчувственного Кольку загрузили в санитарный РАФ. Тело Крюка унесли. Сквер у больницы опустел. Пробежавшая через сквер медсестра подняла с земли книжку — зачитанный томик «Острова сокровищ» Р. Стивенсона. Остановив тронувшийся было санитарный РАФ, медсестра передала книжку сопровождавшей Кольку бригаде. И в самом деле, кому же принадлежать детской книге, как не ребенку? Не главарю же бандитов?

Вновь обретая себя, Колька увидел над головой тлеющий узкий пластиковый плафон. Потолок взлетал и падал, и сам Колька взлетал вместе с ним и падал. Колька лежал на спине, привязанный ремнями к носилкам внутри санитарного РАФа. Урчал двигатель. У изголовья медсестра, ее лица не было видно, а только руки, придерживающие флакон капельницы. Прозрачная трубочка уползала к Кольке под одеяло. В приоткрытые окна влетал нагретый ветер и теребил Кольке волосы.

Ослепляющие вспышки проблескового маячка на крыше РАФа выхватывали из темноты ветви и стволы деревьев. И с фотографической кадровой точностью пропечатывали мчащиеся рядом с машиной деревья. Едва свет гас, деревья лихорадочно прыгали и замирали в той позиции, в которой достигал их свет. Как в игре «Море, замри».

В угловатых линиях притворявшихся неподвижными деревьев Колька схватывал неоконченное движение, прерванное в том неустойчивом положении, в котором нельзя находиться долго неподвижным. Подтверждая его наблюдение, при следующей вспышке маячка деревья представляли перед ним в другом положении, впрочем, опять неустойчивом. Деревья преследовали машину, но не хотели, чтобы кто-то заметил это...

«Игра. Такая уж это игра...» — подумал Колька и закрыл глаза, чтобы не мешать деревьям бежать...

Когда Колька проснулся, было утро. Он лежал в кровати. У самых Колькиных ног, над подоконником растеклось небо. Но это было уже другое небо. Не та опрокинутая тарелка. Это небо было пустым и чистым. Ровная голубая плоскость, вписанная в вертикальный прямоугольник раскрытого окна. И лишь внизу, где небо смыкалось с землей, узкой полосой тревожно синел лес. Вначале Кольке показалось, что это синий шнурок лежит на подоконнике, но затем он, с радостным удивлением от на-

шедшей способности отличать трудноуловимые детали, отметил, что это вовсе никакой не шнурок, а именно лес... Ветер путался в просторной шторе. Колька косил глаза — у изголовья на тумбочке лежало четыре яблока. Одно, совсем маленькое откатилось к краю...

Вошла медсестра — родинка на щеке, густые черные брови, смыкающиеся на переносице.

— Очнулся, — решила она прикрыть створки окна.

— Не надо... — попросил Колька.

— Тебе говорить нельзя... — медсестра пошла было к выходу, но у двери остановилась, — Тебе передавали привет. Владик. Знаешь такого? Сказал, что приедет, как сможет. — И вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

«Какой Владик... — озадачился Колька и впервые за последние несколько дней уснул, а не провалился в сон, как в бездну...»

...и Яна¹

В вокзальном дребезге и гаме трудно было сосредоточиться, и только сейчас, разглядывая свое мутное отражение в пыльном оконном стекле электрички, Сорокина попыталась это сделать. Сразу вспомнилось, как она ела мороженое в маленьком вокзальном буфете. Напротив сидел Николай Сергеевич и тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Не нужно быть таким наблюдательным человеком, каким от рождения была Яна, чтобы это понять. А вот тетка Антонина, дальняя родственница Николая Сергеевича, совсем наоборот. Во всяком случае, таких веселых теток Яна не встречала целую вечность. Тетка так многозначительно говорила о таких малозначительных вещах, так неестественно хохотала и так старательно избегала встречаться взглядом с Яной, что Сорокина, как девочка умная, оставив недоеденным мороженое, вежливо отпросилась сполоснуть руки. Удаляясь от столика, она еще успела услышать теткинo страдальческое:

— Коля, ты сдурел на старости лет...

«Если кто и сдурел, так это я», — подумала Яна и, миновав обшарпанные двери дамской уборной, вышла на широкое вокзальное крыльцо. С высоты его семи щербатых ступеней открывался чудесный вид на внутреннее устройство заштатного городка. Одинокий раздрызганный автобус уползал со скоростью дрессированной улитки вдаль. Разросшиеся кроны деревьев смыкались, и автобус, будто погружающаяся в пучину подводная лодка, то взмывал на поверхность этого зеленого океана, то, скатываясь с очередного ухаба, окунался по самую «рубку» в зеленые волны. Казалось, он вот-вот выб-

¹ Начало приключений Яны Сорокиной в повести «Две пригоршни удачи». Одиннадцатилетняя сирота Яна случайно оказалась в автомобиле агента спецслужб, Николая Сергеевича, во время исполнения тем ответственного задания. После многочисленных приключений Николай Сергеевич, решает удочерить Яну... (Авт.)

росит перископ и торпедирует водокачку... У одинокого киоска на противоположной стороне вокзальной площади топтался голопузый пацаненок лет шести. И канючил...

Атолл. Это такой желтый от песка остров, похожий на подкову, затерянный в океане, его невозможно представить, если стоять на высоком вокзальном крыльце заштатного городка. Яна сосредоточилась и действительно не смогла.

А то, чего Яна Сорокина представить не могла, того и не существовало. Хорошо еще, что Яна могла себе представить многое другое, иначе ей совсем пришлось бы туго...

Находясь под впечатлением от собственной неспособности представить атолл, Яна Сорокина спустилась по широким ступеням крыльца и пошла прочь. Чтоб тетка Антонина перестала болтать и смеяться. Чтоб Николай Сергеевич опять почувствовал себя в своей тарелке. Ведь это понятно, Николай Сергеевич человек слова. Он пригласил ее на свой остров сгоряча. Сорокина знала, что так бывает. Ляпнешь языком, а потом жалеешь. А отказываться неудобно.

Сорокина помедлила... О, если бы сейчас на крыльцо вышел Николай Сергеевич, и... но он все не выходил, и Яна все-таки побрела прочь. Не прямо через площадь по улице, в которой утонул автобус, а вдоль вокзальной стены. Чтоб в вокзальные окна ее смог увидеть Николай Сергеевич. Увидеть и понять, что она, Сорокина, уходит навсегда... Проходя мимо окна, Яна скосила глаза – столик, за которым они втроем сидели, опустел. Незнакомая толстая тетка в замызганном халате убирала с него вазочки с мороженым. Никто ни разу не прикоснулся к нему, и Яне стало противно от того, что сейчас эти воспитательные белоснежные шарики тетка бросит в обыкновенное мусорное ведро...

«Ну, правильно, – потупилась Яна, – пока я стояла на крыльце, проехало столько поездов. На них они и смотались. В конце концов так ли уж это важно? Со станции можно уехать и на машине...»

Сорокина завернула за угол и наткнулась на тетку Антонину.

– Ну? – тетка Антонина сосредоточенно поглядела на Сорокину. Сорокина поглядела на тетку Антонину. Теткино лицо стремительно обрело отрешенное выражение. А каким ее лицо было только что? Сердитым? Раздраженным? Или все-таки растерянным?

– Ну и где мы ходим-бродим... – бесцветным голосом поинтересовалась тетка.

– Я думала о Матильде, – пролепетала Яна и невольно отметила, что это ее самое неубедительное вранье за последние одиннадцать лет.

В следующее мгновение из-за угла появился несколько запыхавшийся Николай Сергеевич. Появился и объяснил, что она, Сорокина, должна очень небольшое время пожить у тетки Антонины, потому что у него, Николая Сергеевича, работа и что нужно выправить документы...

...С каждым ударом вагонных колес по рельсовым стыкам к Яне маленькими глотками возвращалось сознание. Это было так, будто тебя в пустыне мучает жажда и ты жадно глотаешь влагу, но сухое горло мешает пить...

Дребезг и лязг, и голоса, словно могучий океанский прибой накатывал и отступал... В моменты отлива было слышно мелодию. Кто-то из пассажиров тщетно пытался настроить радиоприемник. Тот не настраивался и сипел так, что мелодия и слова песни едва угадывались...

Мчится мой парусник

В сказочный путь...

По встречному пути прогрохотал короткий товарняк. Пахнущий нагретыми на солнце шпалами ветер ворвался в вагон. Вместе с ветром вынырнула и мелодия...

...Где же вы, где же вы,

Счастья острова?

Где побережье

света и добра?..

Яна прислонилась лбом к оконному стеклу – электричка взгрохоталась на насыпь. Верхушки деревьев лесозащитной полосы проплывали внизу... Запасоченные подсолнечником оранжевые пространства медленно разворачивались вокруг Сорокиной, будто Яна действительно превратилась в пуп Вселенной....

Наконец электричка радостно взвизгнула и сбавила ход...

Тетка Антонина дремала, разморенная духотой, и не видела сумасшедшую девочку в красном платье, мечущуюся по откосу. Размахивающую руками. Подпрыгивающую. В очках. которая будто грозила кому-то в поезде, или наоборот...

Электричка еще раз взвизгнула и послушно прибилась к платформе.

– Остановка Ивотка... – проворчало поездное радио. Это сообщение поставило тетку Антонину на ноги.

Электричка взвыла и неохотно сдвинулась с места. И медленно набирая ход, замелькала желтыми окнами, загрохотала колесными парами на рельсовых стыках, все быстрее, все яростнее, все беспощаднее вдавливая пружинящие шпальные решетки в пахнущий креозотом гравий. И доведя этот дребезг до наивысшего предела, вдруг кончилась. Кончилась так неожиданно, так некстати, что навалившаяся тишина в первый миг показалась Яне едва ли не такой же оглушительной, как и предшествовавший ей грохот. Лишь воспаленные, красные глаза стоп-сигналов последнего вагона еще какое-то время настороженно пялились из темноты на девочку Яну, но вот и они померкли...

Было душно и не по-летнему для этого времени суток темно. Потому что грозовая туча обуглившейся печной заслонкой закрыла половину неба. В узкой щели, между «заслонкой» и горизонтом, тлел закат и грозил просыпаться на землю раскаленными углями...

Пассажиры, сошедшие на станции Ивотка вместе с Яной и теткой Антониной, так поспешно и слаженно растворились в темноте, будто загодя репетировали исполнение этого маневра. Словно это моряки отработывали по боцманскому свистку корабельный аврал.

Среди деревьев белело, маленькое, похожее на пустую картонку из-под башмаков, здание станции...

«Что мне до этой картонки... если мне от нее ни веселее, ни хотя бы чуточку легче?» – подумала Яна так, будто ее, эту мысль, вначале подумал кто-то рассудительный и беспощадный, а уж затем она, эта мысль, попала к Сорокиной. И Яне стало пусто-одиноко. И поселок, куда она приехала с теткой Антониной, и эта железнодорожная заброшенная платформа, и эти деревья, и сама тетка Антонина, которую она видела впервые в жизни. – все это было ей чужим и незнакомым. Не хватало еще, чтобы собственные мысли казались ей чужими. Яна энергично тряхнула головой и поспешно схватила заматанную синей изолентой ручку чемодана...

– Не тяжело? А то давай я понесу... – не дождавись ответа, тетка Антонина тревожно поглядела на небо и, обогнав Яну, зашагала впереди.

По дощатому настилу они пересекли железнодорожную насыпь. Протиснулись по тропинке через густо разросшиеся кусты акаций, сквозь лесополосу и оказались в начале неширокой поселковой улицы. Одну ее сторону составляли обычные дома, а другую – утлый штакетник, за которым многозначительно отсвечивали цинком и мрамором кладбищенские кресты.

Проворчал гром, будто за горизонтом пошевелился некто огромный, не помещающийся там...

Дорога сузилась и нырнула под гору. Дома, с их освещенными окнами и живыми голосами, остались наверху. Отчаянно запахло крапивой и лопухами, которыми проросли отвесные склоны оврага, по дну которого бежала улица. Откуда-то по тропинке, теряющейся в зарослях, с металлическим дребезгом слетел вниз мальчишка-велосипедист. Он появился так неожиданно, что Яна вздрогнула. На лице мальчишки застыло выражение веселой, отчаянной решимости. А дребезжала прикрепленная к велосипедной раме коса. Едва не задев тетку Антонину багажником велосипеда, мальчишка круто вывернул руль и исчез за поворотом дороги так же стремительно, как и появился...

– А, чтоб ты не дождался... – незло ругнулась тетка.

Наконец они выбрались на широкую улицу. Здесь уже изредка попадались прохожие. А еще, вдоль противоположного тротуара, брела одинокая печальная корова, и никого это не удивляло.

«Будто тут Индия, а не наша страна», – подумала Яна.

По деревянному мосту тетка Антонина и Яна перешли реку. Такую узкую, что, не добежав до первого поворота, она терялась среди разросшихся тополей.

Улица пошла вверх. Стали попадаться каменные дома. Коренастые и основательные, казалось, они сами собой выросли вдоль улицы, как грибы-боровики...

«Баня», – прочла Яна вывеску...

С противоположной стороны улицы с теткой Антониной поздоровался мужчина в плаще. И оцарапал Яну коротким, как кошачий коготок, взглядом.

– И вам здарсьте, – не очень любезно буркнула тетка.

– С приобретением тебя!

Лицо у мужчины было улыбочное, и дело он делал веселое: наклеивал свежую афишу на облупившийся фанерный щит, на котором сверху проглядывала надпись «Кино». Его можно было бы принять за искреннего доброжелательного человека, если бы не его манера морщиться так, что глаза прятались в складках под бровями и поблескивали оттуда остро, как коготки...

– За собою смотри, дед Борона... – не снимая приторной улыбки с лица, проворчала негромко тетка. По ее голосу Яна поняла, что дядька вкладывал в свои слова какой-то специальный смысл, который должен был быть понятен тетке, и этот зашифрованный в словах дядьки смысл тетке Антонине не нравился.

– Эх, крапива-лебедя, полынь-семечко, нету худа без добра, тако времечко... – проговорил скороговоркой Борона и смерил Сорокину оценивающим взглядом. Будто гирику бросил на чашку весов. Стрелка качнулась, и Борона потупился...

На другой стороне улицы стоял, нетрезво покачиваясь, подвыпивший мужик. Небритый, в грязном пиджаке, надетом на замызганную майку, в вытнутых и лоснящихся на коленях штанах... Белый, фотографический свет молнии высветил его лицо, искаженное ужасом. Этот свет долго не гас, будто в облаках сломался выключатель, и Яна успела проследить за направлением взгляда пьяницы – тот уставился на художника, вывешивающего афишу.

Потом молния выключилась, но налетевший шквал взметнул с мостовой пыль и швырнул девочке в лицо. Яна зажмурилась и забыла о пьянице. Тетка поспешно свернула в сквер. В его тесных, стиснутых кустами аллеях разыгрался шторм. Ветер выгибал тополиные кроны, и те, словно волны океанского прибоя, с оглушительным шумом катились по верхушкам деревьям. Ветер срывал рябь с их верхушек и швырял в лицо прохожим листочки и высохшие веточки.

Клумба в центре сквера, отороченная по краям низенькими светлыми цветочками, напоминала мыльницу. Посредине клумбы обмылком серел памятник.

Яна, вслед за теткой огибая цветник, подошла поближе. На постаменте, нависая над перевернутой солдатской каской, склонилась фигура. Каска стояла на донце, будто миска, и поэтому Яне пока-

залось, что фигура попрошайничает. Просит милостыню у прохожих. Не успела Яна как следует удивиться – к чему такой странный памятник? – как в мертвенном свете молнии разглядела склонившуюся на постаменте фигуру – гипсовую Старуху.

Наверное, когда-то этот памятник изображал красивую молодую женщину, скорбящую над могилой павших воинов. Но теперь это была просто безобразная Старуха. Можно было подумать, что памятник старился вместе с теми, кто приходил к нему скорбеть. Каждый год его, наверное, подправляли, штукатурили, и в конце концов он стал таким, каким его увидела Яна. Лицо Старухи от наслоений известки казалось забинтованным. Как у египетской мумии, которую Яна однажды видела по телевизору. На шею «мумии» топорщился безобразный жабий пузырь. Когда-то этот пузырь был девичьей косой, догадалась Яна. След от косы на груди Старухи еще угадывался. Наверное, её нечаянно скололи во время очередного ремонта, и от косы остался лишь тот ее фрагмент, что раньше обвивал скульптуре шею. Вот и получился жабий пузырь.

В конце аллеи Яна оглянулась – на сумеречном фоне акациевых кустов, в плоском свете молнии белый силуэт Старухи казался особенно потеряннным. И Яна невольно пожалела памятник...

Дом тетки Антонины ничем особенным, кроме своего четырнадцатого номера, не отличался от других домов на улице Краснознаменной. Деревянное одноэтажное строение с крыльцом и палисадом, за решетчатым штaketником которого теснились пышные пионы... К дому примыкал двор. В глубине его виднелась шиферная крыша сарая. Напротив теткиного дома белело одноэтажное кирпичное здание. Его окна матово отсвечивали неживым химическим светом. Перед зданием прикорнула машина «скорой помощи». От здания скатывался в низину луг. Вдруг молния выхватила из мглы до самых далеких видимых пределов, до неправдоподобно мельчайших подробностей выхватила каждое дерево, каждый куст и, казалось, каждую травинку на лугу. Все это предстало перед Яной так отчетливо, как обычно нельзя этого видеть, и поэтому казалось ненастоящим. Будто это был искусно исполненный макет на столе художника...

Спасаясь от первых, самых тяжелых капель, тетка и следом Яна взбежали на крыльцо. Они вошли в узкие сени... И раздался грохот.

– Вот дрянь! Опять тут этот чертов драндулет!

Включился свет, и Сорокина убедилась, что тетка Антонина в темноте налетела на дамский велосипед.

– Джек, ну-ка, возьми свой кольт и стреляй... – услышала Яна голос, переступив, вслед за теткой, порог дома.

– И возьму, Джон!

– Вот сейчас я возьму свой веник! – в унисон грозно заявила тетка, – Опять!

Забравшись с ногами на ступ и обхватив колени

руками, и натянув подол халата на эти самые колени, у телевизора сидела девочка. Ей было лет одиннадцать. На звук открываемой двери она оглянулась. Расширенными от ужаса или восхищения от происходящего на экране глазами девочка уставилась на Яну. Но Сорокину не обманешь. Сорокина сразу заметила, с каким трудом той удается сдерживать одышку. И вообще девочка устроилась перед телевизором в пыльных грязных кроссовках! Значит, не успела снять и рассчитывает, что тетка не заметит. И верно – тетка не заметила. Тетку интересовало другое.

– Мерзкая Алиска! Опять за свои боевики? Ты сняла белье?! – вскричала тетка с трагическим надрывом.

– Сняла... – недовольно протянула Алиса, по частям, как улитка, сползая со стула, на котором она так уютно пристроилась. Вначале со стула сползла одна нога, за ней другая, потом так же неохотно от сиденья отсоединились остальные части организма. Тут Сорокина заметила, что Алиса прячет за спиной что-то красное. Какую-то ткань. Тетка тоже ее заметила.

– Опять одевала быков дразнить... – буркнула тетка. – Прямо как дурочка.

– А вот я уже взял свой кольт! – некстати сообщил с экрана телевизора Джек.

– Все равно не выстрелишь! – нахально заявил на это Джон.

– Да что ж это такое? Сколько ж это будет продолжаться?! Сколько можно просиживать перед телевизором? – тетка в сердцах схватила со стола «лентяйку» и вслед за грохнувшим с экрана выстрелом, выключила телевизор и швырнула пульт на диван.

– А что такого... – сама воспитанность тяжело вздохнула, поправила очки и вежливо поздоровалась с Яной: – Здравствуйте... – и трагически опустив уголки большого, лягушачьего рта по обе стороны остренького подбородка.

Тетка, наткнувшись на это «здравствуйте», смешила тон;

– Я тебе говорила, Яна у нас поживет. Покажи ей дом. Спать Яна будет на веранде. Возьми белье и постели ей там на диване. Что еще? Да. Без вот этих твоих, понятно, Алиса?

Алиса фыркнула и повела Яну смотреть дом, в котором было три комнаты, кровати с никелированными спинками, ковры на стенах, высокий шкаф с радиоприемником на макушке, этажерка, переполненная книжками, в основном учебниками, и несколько потускневших фотопортретов, откуда уставало пялились незнакомцы.

К ночи гроза стихла. Зарядивший дождь еще какое-то время моросил, а Сорокиной на новом месте не спалось... Тетка Антонина и Алиса ушли в дом. В приоткрытую дверь было слышно, как они тоже не спят, как все зачем-то ворочаются и почему-то вздыхают.

На пахнувший плесенью и чердачной пылью свет

настойной лампы из сада к окнам веранды тянулись и липли мокрые яблоневые листья и шевелились вдруг, будто их кто-то там трогал. Веранда напоминала опрокинутый шкаф со стеклянными дверцами. Вдоль «дверец», на подоконнике дозревали яблоки и душно пахли. У дальней стены, на круглом древнем столе в окружении пожелтевших газетных стопок пылилась старинная радиолка...

И все таки Сорокина уснула, потому что когда она вновь открыла глаза, на веранде было темно – кто-то погасил лампу.

«Наверное, тетка Антонина выключила», – решила Яна.

Отдельные капли дождя еще скатывались с яблоневых листьев и с целлофановым треском щелкали по траве, но все реже, все безнадежнее. Где-то играла музыка. Мелодия не угадывалась, и только можно было понять общее, немного печальное, настроение. Или это оттого, что самой Сорокиной сейчас было печально? «Вот такая я чувствительная», – ехидно подумала Яна, но тут на соседней улице заорал пьяница;

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слез...*

– и поперхнулся на полуслове.

Сорокина отбросила одеяло. Чтоб не разбудить тетку, не стала включать лампу. В темноте долго искала тапочки. Не нашла и босиком, но в халате вышла на крыльцо. Сырой воздух пряно пах крапивой и мокрой землей. Яна запрокинула голову... На впечатлительных людей звезды производят неизгладимое впечатление, только этим можно объяснить то, что сделала Сорокина...

На крыльце стоял стол. Найдя свободное место между противнями и банками, Яна вскарабкалась на столешницу. С высоты ее положения стал замечательно виден одинокий фонарь тлеющий в конце улицы, несколько далеких окон да еще по самому горизонту вдруг кто-то потянул блистающие бело-желтыми точками бусики.

«Там идет пассажирский поезд...» – догадалась Яна.

– Тук-тук, тук-тук... – подтверждая догадку, до неслышимо подрагивающий звук. Сдвоенный удар колесных пар по рельсовым стыкам напоминал пульс.

«Сердцебиение ночи, – подумала Сорокина и осталась чрезвычайно довольна своей тонкой поэтичностью. – Если ночь живая, то у нее обязательно тоже должно быть сердце».

Так Сорокина стояла на столешнице, вся в лирической задумчивости, когда произошло невероятное – раздался оглушительный треск, шум сминаемых кустов, и одновременно с этим грохотом кто-то истошно завопил;

...за!

И поет мне в землянке гармонь,

Про улыбку твою и гла... – и на дорожку у самого крыльца, на котором на столе застыла как изваяние Яна, вывалилось нечто... Фигура. Силуэт. Тень. Пятно.

– Сережка... – произнесло тонким нелепым, невозможным детским голосом пятно; – Ты где, Сережка? Я ничего не вижу. Что случилось? Взорвали? – говорило пятно все быстрее, так что через пару секунд отдельные слова слились в непонятное бормотание, и уже ничего нельзя было разобрать.

Сорокиной это было несвойственно, но она, все-таки, не завизжала. Наверное, потому, что забыла дышать от ужаса. Несколько бесконечных мгновений бормочущая «тьень» и Яна были неподвижны...

Нет ни боли, ни смысла, нет ничего, что можно обозначить, чему можно дать определение. Но вот что удивительно – что тогда я? Я – взрыв. Мгла. Кирпичная крошка – я. Больно ранящая ступни... Мама! Вот что удивительно... Я – обрушившийся потолок вентиляционной шахты. Удушье и отчаяние. Я – саднящие колени... Я – мысль. Как еще назвать то, что я есть, если нет ничего? Вот что удивительно...

Если бы я был Робинзоном, то ставил бы отметки или зарубки, но в темноте это нельзя, поэтому нет времени, а если нет времени, то ничего не длится больше мгновения или все длится вечность, и... но какая разница, как называть то, чего нет, вот что удивительно.

Так было всегда, потом стал голос. Удивительно.

– Какой Сережка?..

– Какой Сережка? – вдруг выдавила Сорокина. Наверное, от испуга она лягнула первое, что пришло ей в голову после того, как она смогла дышать.

– Сашка? Ты здесь? – незнакомец поперхнулся. Яна не придумала, что сказать, и промолчала.

– А где Серега? Позови Серегу. Серегу позови. Позови. Где? Серега?

– Какого Серегу? – испуганно пролепетала Сорокина. – Нет здесь такого...

Теперь, когда ее глаза немного привыкли к темноте, Яна могла видеть, что пятно никакой не ребенок, а пожалуй, здоровенный мужик, и это ее смутило. Здоровенный мужик разговаривает таким писклявым голосом? Сорокина не знала, как полагается держать себя с психами, и боялась сказать что-то не то или не так. Вдруг псих окончательно расписхуется...

– Ну да, ну да... – вдруг произнес мужик испуганным и обиженным детским голосом или таким, будто он ожидал, что незнакомого Сережки не будет. И так оно и случилось.

– Веревку перебило, а тут темно. Темно тут. Темно. Тут. Здесь. Мрак. Темно. А веревку перебило. Я не знаю, как... А Эдуард Владимирович? – в голосе мужика-ребенка нарастала паника. – Где он? Я не знаю, как! Как? Куда?

– Да никого тут нет, – уже немного увереннее произнесла Сорокина, понимая, что убивать ее не собираются.

– Сашка, ты...

Неожиданно, на половине фразы, дядька осекся. Яна догадалась: что-то изменилось. Она почувствовала, что дядька ее заметил. Вернее, наверное, он не мог ее не заметить, если разговаривал с ней, но, кажется, он впервые понял, что она, Сорокина, это именно Сорокина. Дядька будто очнулся...

– Не боись... Моряк ребенка не обидит, – произнесла тень другим, вполне разборчивым и главное, взрослым голосом. И вдруг по-кошачьи бесшумно скользнула к забору, стремительно переваляла через его край и исчезла. Яна пошевелилась и задела пяткой пустую трехлитровую банку. Та свалилась со стола и с неподражаемым грохотом разлетелась на кусочки. На веранде вспыхнул свет. В дверном проеме с вытянутыми лицами стояли тетка Антонина и Алиса. Они, наверное, уже давно здесь стояли, просто Сорокина их не замечала.

– Что это было... за псих? – шепотом поинтересовалась Яна и вдруг почувствовала, как у нее ужасно замерзла спина. И вообще, как ужасно глупо она сейчас выглядит, полураздетая, среди банок, на столе.

– Это Сережка Сержант... – близоруко щурясь, сообщила Алиса. – Алкаш, на войне контуженный.

– Яна, уборная у нас во дворе, – поделилась сокровенным тетка Антонина.

– Спасибо, – шепотом поблагодарила Яна.

«Теперь они, естественно, решат, что я законченная идиотка...» – засыпая, думала Яна. А когда она уснула, там ее встретил странный и тревожный сон. В нем с непостижимой точностью деталей повторялось все то, что происходило с Яной наяву. Словно вот опять они, тетка Антонина и Яна, выбираются из жаркой электрички. И вновь сумерки. и приближается гроза. И снова справа от дороги призрачно белеют кресты кладбища. Только на этот раз кресты Яну не пугают. Самое страшное впереди, знает Яна. Тревога тлеет в ее душе, как уголек, и разгорается при виде всякого дерева или куста, выступающего из сумерек бесформенным силуэтом к обочине. «Дерево. Куст. Это просто куст!» – угадывает Яна. Тревога угасает на время, чтобы вспыхнуть при виде следующей тени, в которой опять нужно что-то угадать из того, что она уже видела. И нельзя ей ошибиться. Нельзя не угадать, осознает Яна. А если она ошибется, тогда-то оно и случится, самое страшное...

Так они и идут с теткой через мост, здороваются с художником Бороной, входят в сквер...

И тут Яна поняла, что именно сейчас, в сквере, произойдет то, чего она боится! Сжавшись, она уставилась в спину тетки Антонины с тем же напряжением, что Хома в непостижимо жутком старом фильме «Вий», смотрел в молитвенник.

Яна почувствовала, что гипсовая безногая Старуха сползла с постаментов! Сползла неловко. Боком. Сорокина слышала, как осыпаются с расправившихся складок гипсового платья Старухи истлевшие листья и веточки. И как тяжело, по-утиному переступая гипсовыми ногами, Старуха бредет за ней по

аллее сквера. Догоняя! Ее шаги все ближе!

Ноги Сорокиной заледенели, словно она отсидела их, и Яна поняла, что сейчас она остановится или упадет. В этот последний миг Старуха шепнула ей в спину;

– Пожалела девушку?

– Какая же ты девушка, – пролепетала Яна, – Ты бабушка...

За спиной Яны что-то визгливо закричало, словно две отполированные деревянные трусы друг о друга...

– Синюха голубая, кровохлебка... – утробно заворчала Старуха. – Но ничуть, месяц пока не помер, крапивка в силу не вошла...

Не в силах терпеть этот ужас, Яна шагнула в сторону. И будто нарушила негласный уговор, установившийся между ею и сном, – это было первое движение, которого не было наяву. И Сорокина проснулась. Проснулась с тягостным ощущением обидной недосказанности, и... и все. Опустился занавес, за которым осталась страшная, конечно, но теперь осознаваемая не более чем ночным кошмаром история. Мало ли что может кому присниться?

Было позднее утро, и солнце слепило глаза. Во дворе с кем-то ругалась Алиса и скандально причитал петух. И мир был таким прозрачным и тонким, что, как это часто бывает, сон тут же стал забываться. Еще какое-то время, пока Яна умывалась и завтракала, ее не оставляло гнетущее ощущение, но и оно выцвело под солнцем...

Сорокина вспомнила о вчерашнем ночном происшествии на веранде, и Алиса по ее просьбе охотно рассказала про странных людей Белозерска...

В каждом поселке или городе существуют такие. Только в городе они не так заметны, потому что теряются среди других людей. Вот и в Белозерске были свои странные люди. Например, дед Могила. Его странность заключалась в том, что, напившись водки, он выступал. Остановится посреди улицы и давай все поселковое начальство, вплоть до самого президента страны, крыть. Деда Могила даже забирали в милицию из-за такой его странности, но потом выпустили, так как у него справка. Ну, та самая, психическая...

А еще есть такой Сержант, по фамилии Федорчук. Тот самый, что напугал вчера ночью Сорокину. Когда Сержант трезвый, это очень даже нормальный дядька, а напьется, всегда идет к себе домой по прямой линии и нигде не сворачивает. Как по компасу. Заборы, огороды, сады – все ему нипочем. Идет и поет песни. А когда не поет – бормочет под нос. Тут уж он никого не видит и не слышит. А когда поет – пожалуйста, наткнется на человека, вежливо представится. И все потому, что Сержант контуженный с войны.

– Как глухарь, – заметила Яна.

– Как кто? – не поняла Алиса.

– Глухарь, такая птица. Я читала. Он поет на два голоса. Когда одним голосом – ничего не слышит и

не видит. В этот момент к глухарю как раз и подкрадываются охотники...

А еще в поселке жил художник из кинотеатра по прозвищу Борона. Человек, в общем-то, даже добрый. Афиши кино развешивает. Но все равно, Борону обходили стороной. Побаивались...

– Уставится, как... как банный лист на радио! – выругалась Алиса загадочным ругательством.

Сорокина вспомнила, как на нее смотрел Борона, и поехала. И все же одного взгляда было недостаточно, чтобы считать человека странным.

– Так он же... – Алиса огляделась и перешла на шепот. – Заворожит, и из тебя уйдет вся любовь. Капля по капле. И сам человек станет этим... – Алиса оглянулась... – уродом! Зомби!

– Чего? – недоверчиво протянула Яна.

– Я понимаю, что это звучит средневековыми суевериями, – смутилась Алиса, – Но я все равно держусь за пуговицу, когда Борона на меня тарашится. А вообще-то он художник.

– Афиши пишет? – снисходительно хмыкнула Сорокина.

– И не только. Картины разные. Его, между прочим, по телевизору показывали. Да!

– Заливай, – не поверила Сорокина.

– Да? – будто бы даже обиделась за Борону Алиса. – Из области приезжали. С телекамерами. И вообще, к нему, чтобы ты знала, знаешь откуда за картинами приезжают? Даже из Германии...

И Алиса, не сумев пережить недоверчивой мины на сорокинской физиономии, бросилась в дом... Вернулась она с порывевшей от времени газетой.

– Вот! Гляди! Областная газета, а не какая-то...

– «...одаренный художник... – прочла Сорокина, – ...гости из Федеративной Республики Германии... госпожа Хенкель... по результатам выставки в Штутгарте...»

Алиса не выпускала газету из рук, и строчки прыгали у Яны перед глазами, и читать было трудно. Но можно было и не читать. На середине газетной статьи красовалось фото – Борона, вежливо улыбаясь, жал руку худосочной пожилой даме. «Наверное, госпоже Хенкель», – догадалась Сорокина.

– А в кинотеатре он так... Вроде как из любопытства... – Алиса осеклась и, приложив палец к губам, на цыпочках двинулась к воротам. И в тот же миг запор с лязгом приподнялся. Калитка отворилась. Во двор шагнул Борона. Улыбнулся робко...

– А скажи, деточка, твоя мама дома?

– На дежурстве, – пролепетала Алиса и тихонько заелозила пальцами по платью, на котором, как назло не было ни одной пуговицы. И на сорокинском, пуговиц тоже не было. Пуговицы были только на костюме самого Бороны, но хвататься за них Яна не решилась.

– Ах как жалко... А то я по поводу ведра...

Вблизи художник Борона напоминал бухгалтера. Наверное, из-за приплюснутого как утиный клюв носа и стеснительно просвечивающей сквозь прилизанные волосы лысины. В сорокинском детдоме

тоже был бухгалтер. Звали его Семен Семенович. И он тоже был робкий и немного лысый...

Когда Сорокина заметила, что думает всякую ерунду, Алисы уже не было.

«Наверно, убежала в дом за ведром», – догадалась Сорокина и почувствовала, с каким трудом сочинилась в ее голове эта простая мысль. А еще Яна поняла, что уже несколько длинных секунд художник Борона смотрит ей в глаза и чего-то ждет.

«Наверное, он спросил меня о чем то, а я прослушала», – подумала Яна

– Че молчишь? – произнес с нажимом Борона, – Тогда уж говори...

Сорокина съжилась под его взглядом и покорно стала говорить.

– Локомотив серии ЗУ701-40 способен транспортировать до шестидесяти четырехосных вагонов. Дело в том, что я коллекционирую открытки с разными системами паровозов. И разнообразными марки. Это увлечение не только занимательное, но и познавательное, хотя и отнимает массу времени, которое в ином случае я могла бы ... – тут у Сорокиной наконец дыхание окончилось, и она замолчала.

По мере того, как Сорокина несла эту чушь, лицо Бороны теряло приторную кондитерскую ласковость. Борона с опаской смерил ее взглядом, и опомнившись, вновь осторожно улыбнулся...

– Уезжала бы ты, девушка, восвояси. Откуда приехала, – доброжелательно, но с легкой читаемой угрозой посоветовал Борона, улыбнулся напоследок и отошел к воротам, будто они и не беседовали.

Сорокина опешила, но тут как раз вернулась Алиса с пластмассовым ведром. Борона взял его и, не прощаясь выскользнул за ворота...

– Что это с ним? – спросила у Яны Алиса.

– Мы говорили о паровозах... – пролепетала Сорокина. – Вот уж кто контуженный, так это ваш Борона...

– О чем говорили?! – не поверила Алиса.

К вечеру поднялся ветер. Если бы поселок Белозерск стоял на берегу моря, ветер назывался бы муссоном, пассатом или бризом. Но здесь, в средних широтах, к погоде относились проще. А зря!

Влажный и свежий, он гнал пустые легкие облака за горизонт, где те должны были наполняться влагой. Обратное облака должны были приползать тяжелыми, с низкой посадкой. Они напарывались бы днищами на острые верхушки деревьев. Из пробоин моросил бы дождь или, если пробоина была бы особенно крупной, ливень. Так думала Сорокина. А до этого она думала о Бороне. И о приснившейся Старухе. Думала, хотя и талантливо изображала, что читает увлекательную книгу под многообещающим названием «Идиот», Ф. М. Достоевского. Сорокина специально выбрала это монументальное произведение, чтоб легче думалось. Ведь гораздо легче забыть липкую улыбку какого-то спятившего поселкового художника, когда ловишь на себе восхищенные взгляды

подруги. Самое обременительное – не забывать вовремя перелистывать страницы...

Потом погас свет. Наверное, ветер где то оборвал провода. Телевизор выключился, и Сорокина оторвалась от «увлекательного» чтения... Некоторое время Алиса в темноте потерянно бродила по дому, прислушивалась к дребезжащим под напором ветра оконным стеклам. У тетки Антонины выдалось ночное дежурство. Она работала врачом на «Скорой помощи». Белое строение напротив алисиного дома как раз и было станцией «Скорой помощи», вот Алиса и пялилась в окна. Но площадка перед строением пустовала – все «рафики» с врачебными бригадами разъехались по вызовам. А значит, и Алисина мама тоже...

Все это объяснила Яне Алиса и пошла в чулан за лыжными бамбуковыми палками и старинной керосиновой лампой. Из этих палок и старого одеяла в дальнем углу веранды получился замечательный шалаш. Через минуту девочки сидели внутри строения у потрескивающей уютно фитилем керосиновой лампы, как какие-нибудь пещерные люди у костра...

– Ну, что касается Бороны. Сейчас я расскажу тебе, как он убил человека! – без всяких предисловий, драматическим шепотом сообщила Алиса и замолчала. Сорокина содрогнулась. Ей сейчас хотелось думать о тонком, возвышенном, ну или, по крайней мере, о любви. Сорокина хотела грубо прервать Алису но по ее расширенным глазам догадалась, что та не изображает на публику страх и ужас, когда в рассказе делает трагические паузы, а действительно испугалась. Тут и Яна услышала, как жалобно запищала половица, под чьим-то грузным телом. На веранде кто-то был! Он стоял рядом с «шалашом»!!!

– Алиса, перестань городить глупости... – раздался голос тетки Антонины. Полог шатра приподнялся, и внутрь забралась Алисина мама.

– Ты?! – шумно выдохнула Алиса и голосом, полным неподдельного трагизма, добавила; – Я чуть не обос...

– Алиска! Как ты выражаешься! – ужаснулась тетка Антонина. – Что о нас Яна подумает?

Что в действительности подумала Сорокина, пусть останется загадкой, но у нее хватило такта вежливо, как это полагается воспитанной девочке, потупиться.

Лежащая рядом с ее коленом тяжелая кисть руки Алисиной мамы мелко дрожала. Яна знала, что так бывает, если очень волноваться или много работать рукой, тогда она становится неподъемной, и как ты ее удобно ни укладывай, она все равно будет болеть и вот так подрагивать...

– Дежурство попало тяжелое? – участливо поинтересовалась Алиса.

Тетка Антонина промолчала и закрыла глаза... И Сорокина догадалась, как той сейчас приятно думать, что она не там снаружи, где необъятные засытые пространства, где жестяная коробочка

«скорой помощи», подбрасываемая на ухабах проселочной дороги, где острый свет и жгучая боль... А здесь, в «шалаше», под ворсистым одеялом, где уютно потрескивает фитиль лампы. И где так забывается все, что там. Вот Сорокина и забыла о Бороне... Или ей хотелось думать, что она забыла.

В кругу заколдованном

Колька быстро выздоравливал потому, что болелась болеть. К тому же уколы и перевязки угнетали его свободолюбивый дух.

С утра до ночи он пропадал у тетки Галки на огороде. Эта тетка последнее время играла значительную роль в Колькиной жизни. Они познакомились когда Кольке разрешили выходить во двор. Рана на его плече больше не болела, а лишь чесалась под наклепкой из пластыря. И вот однажды, обогнув больничный корпус, Колька вышел к оврагу. На его поросшем бурьяном дне струился ручей, через который был перекинут утлый дощатый мосток. Доски в одном месте разошлись...

– Это, блин, все разворушат и разбегутся... – ворчал Колька, исправляя повреждение.

– Так, – вдруг услышал Колька за своей спиной. Колька оглянулся: на тропинке стояла тетка в широкополой соломенной шляпе и шортах и целилась в него объективом фотоаппарата.

– Баловство... – буркнул Колька и вызывающе смерил взглядом незнакомку.

– Как? – женщина опустила фотоаппарат.

– У вас коровы, что-ли, нету? Лучше бы по хозяйству занялись... – заявил Колька.

– Но вы мне напоминали бенедектинца в этом балахоне... – попыталась объяснить тетка.

Так они и познакомились...

Стоял июль. Вымахавшую на огороде Галины Валентиновны картошку с весны не пропальывали, и с самого утра Колька, отпросившись у главврача дяди Вали, уходил работать. Возвращался он в больницу к отбою. Работа была нетяжелая – нужно было идти с сапкой вдоль картофельного ряда и уничтожать бурьян. Или собирать в ведро вредителей. Галина Валентиновна честно трудилась рядом с Колькой. Обедал Колька у нее же. Сытные домашние обеды и свежий воздух лечили Кольку лучше всяких лекарств. Одно было плохо – во всем Галина Валентиновна хотела быть правой. И чтобы сам Колька, добровольно, признавал ее правоту. Иначе ей было неинтересно жить. Из-за этого возникали жаркие споры. Например, это выглядело так:

– ...В «Диканьке» Гоголь был молод, – философствовал Галина Валентиновна. – А в «Мертвых душах» он уже не тот...

Издательство «Мормус» торопило ее с очередной рукописью. Дело в том, что Галина Валентиновна Селезнева была чрезвычайно перспективным писателем. Она сочиняла детективные романы. Целых четыре сочинила – «Колобок и его рассеян-

ный киллер», «Крокодил с улыбкою Джоконды», «Мертвец еще не прибыл», «На мушке у Свистуна».

Главная героиня ее сочинений, некая рассеянная дама по фамилии Уткина в перерывах между ланчем и химчисткой невзначай умудрялась раскрывать настолько запутанные уголовные преступления, что было непонятно, почему Галина Валентиновна Селезнева до сих пор не в штате Генеральной прокуратуры. Правда, время от времени Галина Валентиновна забывалась, и тогда прежняя Г. В. Селезнева, редактор солидного литературного журнала, властно напоминала о себе. Редактор Селезнева тут же лихорадочно строчила дежурную скучную статью в литературоведческий журнал и возвращалась к своим уголовникам и сыщикам.

Мизерная зарплата редактора – вот что толкнуло Галину Валентиновну на сомнительную стезю литературного демпинга. К тому же «Мормус» не спешил раскошелиться. Мизерные гонорары за изданные книги «Мормус» присылал с фантастическими задержками. Поэтому Галина Валентиновна в минуты досуга растила на даче в Белозерске картофель, а не предавалась безделью на золотых океанских пляжах модных курортов.

Вот и сейчас, чтобы не думать об отвратительном уголовнике по кличке Плоскогубцы, он же Судорога, он же Джексон, и о своей Уткиной, писательница затеяла с Колькой разговор о высоком. В данном случае о Н.В. Гоголе...

– Почему это не тот? – поинтересовался Колька, понимая, что Галина Валентиновна специально замолчала, ожидая вопроса. И то, кому интересно самому с собой трепаться? Но не дождался и продолжил: – Это, Галина Валентиновна, я вам так скажу, все фигня на постном масле, вот у меня был случай, так там тоже один дурак...

– Что фигня? Кто дурак? Гоголь? – ревниво оборвала колькины воспоминания недослышавшая Галина Валентиновна, и кончик ее носа побелел.

Колька отставил сапку и разогнулся...

– Гоголь? Я его не знаю, но...

– Гоголь – известнейший писатель! Классик! – воскликнула тетка.

– Какие еще классици-часики, небо в клеточку...

– огрызнулся Колька.

– Мерзавец! – жалко пискнула тетка.

– Вот этого я не знаю... – развел руками Колька,

– Конечно, может, ваш Гоголь и мерзавец, но...

Договорить Колька не успел – над его головой просвистела сапка. Колька значительно пожал плечами – вы кидаетесь сапками, значит, не правы. Некоторое время работали в полной тишине.

– Погода в этом году хорошая, – через какое то время извинительно заметила Галина Валентиновна, осознавшая всю непедагогичность своего поведения.

Колька обиженно промолчал.

– А в прошлом году была дождливая... – примирительно продолжила тетка.

Колька демонстративно перешел на другую грядку...

– И речка раньше была как речка, а теперь...

– Поговори мне, поговори... – тихонько, чтоб не услышала тетка, проворчал обиженный Колька.

– В ней даже раки водились...

– А вот в этом я как-то сомневаюсь! – не сдержался Колька.

– Почему? – вежливо поинтересовалась тетка, решившая во что бы то ни стало держать себя в руках.

– Г... маловато.

– Чего?! – опешила тетка и, отставив сапку, разогнулась. Кончик носа ее опять побелел.

– Дерьма, дерьма мало! – торопливо поправился Колька

– Заткнись! – приказала тетка.

– Не знаю, Галина Валентиновна, уж и о чем мне с вами тогда говорить... – обиженно буркнул Колька, утыкаясь в грядки.

Некоторое время они работали в полной тишине. Галина Валентиновна решила быть принципиальной. «Пусть хоть заговорится – спорить не буду! Сопляк, будет мне тут нервы трепать!» Но уже через десять минут соседи, копошащиеся на своих грядках, с неподдельным удовольствием могут наблюдать, как почтенная Галина Валентиновна кричит на Кольку. Колька, решительно отбросив сапку в сторону, кричит на Галину Валентиновну. Та, пытается схватить мальчишку за ухо. Тот, увернувшись, убегает. Галина Валентиновна пробует его догнать, хватая за полу больничного халата. Мальчишка выскальзывает из халата и удирает в одних трусиках. Галина Валентиновна, запнувшись, падает. Приподнявшись, швыряет в мальчишку земляной ком...

– Цирк... – ворчат соседи.

А потом Кольку как-то вызвали в кабинет главного врача...

Между главврачом, Валентином Андреевичем, и Колькой установились дружеские отношения. Быть может, потому, что дядя Валя, как называл его Колька, был человек молодой. Отпущенная им для солидности борода и строгий галстук не могли ввести Кольку в заблуждение.

Сейчас в кабинете главврача, кроме самого Валентина Андреевича, никого не было, и поэтому можно было расслабиться.

– Вызывали, дядя Валя?

Колька плюхнулся в кожаное кресло и приготовился слушать. Валентин Андреевич снял очки и расслабил узел галстука.

– Скажи-ка мне, друг Колька... – Валентин Андреевич замялся, – Ты говорил, что не помнишь, кто ты, откуда, кто твои родители. Так?

– Ну.

– А вот этого человека не встречал? – Валентин Андреевич придвинул Кольке фотографию. С нее

на Кольку угрюмо косил незнакомый скуластый мужчина с тяжелым бритым черепом.

– Не припомню...

– А ведь это он тебя подстрелил...

– Не помню... – Колька повертел в руках фотографию, наткнулся на напряженный взгляд Валентина Андреевича и отвернулся к окну. В кабинете стало тихо, только уныло жужжала муха, раз за разом, с потрясающей безысходностью таранившая оконное стекло собственной головой...

– И поэтому я психический, по-вашему? – Колька судорожно сглотнул.

– Я так разве говорил? – Валентин Андреевич прошелся по кабинету. – Просто наша голова устроена как? Она помнит все. Даже самые несущественные мелочи, которые случились много лет назад и которые, как нам кажется, мы давно забыли.

– Зачем такое помнить?

Валентин Андреевич пожал плечами...

– Так устроена голова. Память лежит внутри ее, как в архиве, и чтоб вытащить ее оттуда, нужно... как тебе сказать, ну крючок. Называй это как хочешь. Таким крючком может быть что угодно: запах, чье-то лицо, даже жест. Ты увидел лицо человека. Вспомнил обстоятельства, при которых ты его видел раньше. Понимаешь? И вспомнил все.

– Для этого вы мне эту карточку показываете? – догадался Колька.

– И для этого. Иногда человек сильно испугается. Крючки в его голове потеряются. Тогда память лежит в голове, пока человек не подыщет к ней крючок, которым он мог бы ее ухватить... Проще объяснить не могу! Так вот... – Валентин Андреевич тяжело вздохнул, – К чему это я? Да. Человек ты не больной. Ты помнишь все, но помоги мне найти нужный крючок!

Колька встал. Отошел к двери.

– Знаете, дядя Валя, на фиг вам это надо... – прозвучало на неуверенно.

– В смысле, как это... зачем? – запнулся Валентин Андреевич.

– А то еще такого вспомнишь, что потом одни кошмары будут и ужасы...

– Ну-ну... – не нашелся Валентин Андреевич.

Едва за Колькой закрылась дверь, он снял трубку телефона. Глубоко выдохнул и набрал номер. А дальше состоялся такой разговор.

– Да, это я. Да, я, Валентин Андреевич. Тот самый. Я показал фотографию... Он не вспомнил, – наморщил лоб Валентин Андреевич, – Да, ретроградная амнезия. Нет. Я не нахожу необходимым прибегать к подобным методам лечения. Нет, я не считаю, что сейчас тридцать седьмой год, и все же я настаиваю... Что? – Валентин Андреевич распотрошил узел галстука и, не отнимая трубки от уха, распахнул форточку. – А на каком основании, позвольте узнать, вы хотите его забрать к себе? Он не подследственный... Я не горячусь! Да, я дал указание персоналу не афишировать, что мальчишка у нас... Что? Да, даже санитарки.

Валентин Андреевич опустил трубку на рычаг аппарата и задумчиво замычал. Вообще-то, это была песня «Прощайте, скалистые горы...», но самый изошренный слух не смог бы разобрать сейчас ни слова, настолько у Валентина Андреевича испортилось настроение...

Настала ночь. Колька долго не мог уснуть. Лицо с фотографии не давало ему покоя. Колька пытался понять, как могло случиться, что этот человек с фотокарточки мог в него стрелять. В него, самого обыкновенного мальчишку! Таких, как он, Колька, тысячи.

Колька уселся в кровати. Непонятное волнение овладело им. Колька подошел к окну и некоторое время пялился в темноту. Затем на цыпочках приблизился к двери больничной палаты. Приоткрыл. И далее поступал так, будто он это проделывал тысячи раз. Будто сейчас здесь, вместо него был кто-то другой, опытный в подобных похождениях.

Колька накинул халат, сунул ноги в тапочки и вышел из палаты. В пустынном больничном коридоре дремала за своим столиком дежурная медсестра. Нарочно широко зевая, Колька прошел в конец коридора. Взялся за ручку двери мужского туалета, но шмыгнул напротив, на лестничную площадку. Поднялся на самый верхний, четвертый этаж. Протиснулся под крышку незапертого люка и очутился на чердаке. И далее, через узкий лаз, выбрался на крышу. Здесь снял скользкие больничные тапочки и, стараясь не греметь жестью, пробрался к пожарной лестнице...

Замечательный вид открывался отсюда. На некотором удалении больницу огибало пустынное в этот ночной час шоссе. Асфальтовая лента отсвечивала в лунном свете и, вытягиваясь к горизонту в стальную нить, нанизала на себя далекую желтую точку. Там ехала машина, догадался Колька. Автомобильные фары вспыхивали, когда машина преодолевала очередной гребень, и гасли, когда она ныряла в распадок. По ту сторону шоссе в синих сумерках утопали пространства. Где-то взбрыхнул пес, и Колька очнулся...

Путаясь в полах халата и судорожно цепляясь за ограждение, он улегся животом на крышу и, свесив ноги, нащупал ступнями перекладину лестницы. Сердце ухнуло, когда под ним качнулась лестница.

– Ты мне покачайся-покачайся, холера...

Пятясь, Колька спустился на землю и побрел. Так уверенно, будто знал куда.

Через какое-то время, Колька стоял в тамбуре последнего вагона ночной электрички и не решался войти внутрь, потому что там, удобно расположившись, пили из бутылок пиво двое. Один, с огромной разлапистой рыжей бородой, напоминал бандита, другой являл его полную противоположность – щуплый очкарик. Если бы очкарик ехал один, тогда другое дело...

Тамбур продувало насквозь: кто-то высадил окно входной двери, и у Кольки зуб на зуб не попа-

дал. С теплым байковым халатом Кольке пришлось расстаться, потому что глупо отправляться в путь в больничной одежде. На каких-то поселковых задворках он сорвал с бельевой веревки шорты и девчачье платье. Выбирать не приходилось. Колька засунул подол платья за пояс шорт и получилась рубашка...

Наконец, устав дрожать от холода, Колька прошмыгнул в вагон и плюхнулся на лавку...

— ...Вот, Хоха, я тебе расскажу историю. — очнулся очкарик, — У нас в театральном...

Колька свернулся калачиком на сиденье...

— ..был такой Стасик, — доносилось до Кольки сквозь грохот колес.

— Стасик... — качнул бородой его собеседник.

— А в нашей аудитории финны только что настелили новый паркет...

— Паркет... — отозвался бородач.

Колька лежал на лавке и дрожал. Сырая одежда совсем не грела. Когда Колька прятал руки между ног — мерзли плечи. Если Колька обхватывал руками плечи — коченели босые ноги... Колька вытащил подол платья из штанов и натянул его на колени и, обхватив руками плечи, сжался поплотнее. Сревом и грохотом промчался встречный товарняк. Колька очнулся и некоторое время, не понимая, где находится, смотрел в раскачивающийся над ним потолок. Как он здесь? Почему он здесь? Куда он едет?

— ..В ценном финском паркете вот такая выгребшая дырка, — услышал Колька голос очкарика, и этой определенности ему показалось достаточно, чтобы успокоиться и закрыть глаза.

— Дырка... — послушно откликнулся Хоха.

Колька слышал каждое слово рассказчика и в то же время спал. Он слышал, как завывала электричка, как звенели пивные бутылки, он чувствовал, как ужасно затекла у него спина, как замерзли ноги и, когда ему стало казаться, что так холодно и больно теперь будет всегда, электричка взвыла особенно радостно и остановилась. С тяжелым вздохом распахнулись двери вагонов, и поездное радио прошипело, теряя окончания слов: «Конечная... Пасс... Мих... прос... остав... ваг... Дос...»

Колька очнулся. Сморенные алкоголем, ребята спали, прильнув друг к другу.

Вагон не дотянул до перрона, и Колька больно ушибся о щебенку насыпи, спрыгнув с высокой подножки. Заправил в штаны подол платья и огляделся — большие часы на фронтоне вокзала, сдаваясь ночи, подняли стрелки вверх. По перрону резво пронесся миниатюрный трактор. Где-то взвыл локомотив. Показался милицейский патруль.

Колька попятился и, не раздумывая, бросился прочь, словно он всегда бегал от милицейских патрулей. И бежал, пока дорогу не преградил бетонный забор. В одном месте под плитой образовалась промоина. Колька нырнул в нее и оказался на складском дворе. И заметил вспыхнувший вдалеке острый огонек тлеющей сигареты. Колька бросил-

ся между ящиками и контейнерами. Забежал за угол и очутился в тупике. Он замер. Прислушался: шаги, кашель и тяжелое дыхание. Нечеловеческое дыхание! Так быстро дышат звери. Животное нанюхало его, Кольку, и идет сюда по проходу. Вот оно у поворота в тупик, где спрячется Колька, вот оно... Колька зажмурился, цепenea от ужаса... и ему в лицо пахло горячим и влажным!

— Мухтар! — позвал пса хозяин, откуда-то из-за ящиков и шумно высморкался.

Нет, не пахло от прячущегося среди контейнеров человека теми противными запахами немытого тела и алкогольного перегара, на которые натаскивали Мухтара в кинологической школе и которые обозначали «хватай-кусай». А пахло от прячущегося полузабытым веселым запахом, который Мухтар помнил с той поры, когда в щенячем возрасте жил в семье и маленькая хозяйская дочь беззаботно таскала будущего злобного сторожа товарной станции за хвост.

— Ну и где ты там, моя чертова собака? — раздраженно проворчал хозяин.

Мухтар дружелюбно расплющил о Колькино лицо шершавый свой язык и умчался. Дождавшись, когда стихнут шаги сторожа, полуживой от пережитого ужаса Колька покинул убежище...

Колька бежал по ночному городу, окончательно утратив всякое представление, где находится. Вначале он бежал по тротуару. Потом дворами многоэтажных домов. Неожиданно рядом с мусорными баками он наткнулся на микроавтобус с двумя большими, видными даже в темноте буквами «ТВ». Отдышавшись, Колька приблизился к автомобилю и заглянул в приоткрытое окно салона — на спинке сиденья висела чья-то бесхозная курточка. Колька огляделся и, по-прежнему не понимая, зачем он это делает, но подчиняясь какому-то естественному, даже привычному движению внутри себя, потянул дверь машины. Та неожиданно легко поддавалась. Колька шмыгнул внутрь, схватил курточку и хотел бежать, но рядом раздался грохот, и кто-то закричал: «Стоять! Милиция! Руки! Кому сказал?! Морда!». И тут же скандально взвыла сирена...

Бросив курточку на прежнее место, перепуганный Колька нырнул на пол между сиденьями. И вовремя, так как мгновение спустя, раздались голоса, и машина глубоко просела на рессорах — кто-то в нее забрался...

— Крупняков наснимал? Наснимал? А? — спросил забравшийся скороговоркой. — Ну и где этот чертов водила шляется? Где? Вот где? А? К эфиру опоздаем!

— Наснимал... — проворчал недовольно другой.

— Давай сюда кассету. Давай-давай-давай. С рожами. Бандитскими... Ну где этот чертов водила?!

Что-то зажужжало, щелкнуло, машину опять качнуло, и заработал двигатель.

— Где бродишь? Где? Вот где? — недовольно произнес первый голос. — Эфир ждать не будет.

– Не бойсь. Поспеем... – отозвался, по всей видимости, шофер, и автомобиль сорвался с места.

Очень скоро куда-то приехали. Загremели ворота. Кто-то сонно и раздраженно спросил пропуск. Колька лежал между сиденьями и смотрел в пол на раздавленный сигаретный окуроч... Машина въехала в какое-то гулкое помещение. Двигатель выключился. Все ушли, лягнув напоследок металлическим запором на воротах, и стало совершенно тихо. Выждав пару минут, Колька поднял голову над спинкой сиденья – было темно, но по запаху промасленного металла и бензина он догадался, что машина стоит в гараже.

Колька выбрался из автомобиля и некоторое время бродил, натываясь в темноте на колеса и радиаторы. Потом глаза привыкли и он стал различать силуэты автомобилей, стены, верстаки...

Из окна под потолком, узкого как амбразура дзота, внутрь гаража прорывались с улицы звуки. Вот трамвай весело прогремел по рельсам, вот кто-то чертыхнулся. И вдруг, перекрывая все другие звуки, завывало-застонало... Колька закрыл уши руками и запрокинул голову. В сереющем оконном проеме, царапала крысиным хвостом облака унизанная маскарадной гирляндой сигнальных огней ажурная телевизионная вышка. Ветер сквозил сквозь ее решетчатое тело и заметно раскачивал. Вышка гнулась, голосила и хлестала безразличное небо...

У Кольки закружилась голова. Тогда он отнял руки от ушей и долго силился понять, зачем он здесь стоит? Разве он умеет спать в гаражах? Разве он раньше спал в гаражах? Тогда зачем он здесь?

Тихонько, в такт телевизионной вышке, поскуливая, Колька побрел по гаражу, не зная, на что решиться; стучать в эти высоченные ворота, чтоб его услышали и выпустили, или ждать утра здесь? Не придя ни к какому решению, Колька набрел на грузовик. Его вместительный кузов был набит сеном. Зарывшись в него, Колька согрелся и не заметил, как уснул. И проснулся лишь от грохота и тряски. Радостные солнечные пятна дробились в кронах, проносящихся мимо деревьев. Колька, цепляясь за пляшущие доски борта кузова, привстал и в тот же миг полетел обратно в сено – это грузовик остановился на полном ходу. Не раздумывая, боясь, что его опять завезут куда-нибудь, откуда невозможно будет выбраться, Колька перемахнул через борт. И, не веря собственным глазам и задохнувшись от радости, увидел перед собой знакомое четырехэтажное здание поселковой больницы.

Круг замкнулся.

Эх, крапива–лебегда, польнь–семечко...

Яна проснулась от того, что ее теребили за плечо. Она приподняла голову – за окнами было тем-

но, а перед ней стояла одетая Алиса. Стояла и с сомнением разглядывала Сорокину.

– У мамы сегодня ночное дежурство, – неуверенно протянула Алиса и, решившись, добавила: – Так ты это вот... Поедешь с нами купаться? Или как? Чтоб ты знала, я тебе предлагаю лишь потому, что... секрета в этом нет, но это тайна! – произнесла загадочную фразу Алиса, – И вообще, Жакова будет ждать в двенадцать... Понятно?

Алиса догадалась, что Яне непонятно, и, оставив значительность, объяснила;

– У нас тут банда. Ну, я, Жакова и Воробьева. Ну, Воробьева на море с мамой, но все равно, мы – банда. Ну, мы все один за одного. Ну, вот. Ну, понятно?

– А почему ночью купаться?

Алиса нахмурилась;

– По кочану! Потому что у Жаковой нет купальника. То есть есть, но стыдный и вообще стремный. Денег у них мало. Она без папы. – Алиса запнулась, – Ну, так ты едешь или как? А то Жакова ждет!

Когда Сорокина оделась, Алиса вывела из чулана для Яны пыльный, но совершенно исправный «Орленок». Сама Алиса предпочитала взрослый, дамский...

– На велике то как, умеешь?

Яна неуверенно пожала плечами...

Жакова действительно ждала. Она торчала в одиночестве, с велосипедом, в каких-то отсыревших от росы зарослях сирени.

Нисколько не удивившись присутствию Яны, Жакова бесшумно запрыгнула в седло.

К речке можно было попасть двумя путями; объезжать центр поселка по окраинам, что далеко и долго, или, рискуя наткнуться на знакомого, прорываться через центр... Впрочем, выбирать не приходилось – Жакова ехала первой и задавала направление всей банде. Свернув с Краснознаменной налево, в переулок, она тем самым решила ехать через центр. Алиса и Сорокина поднажали, чтобы не отстать...

Вот когда Яна оценила свой невысокий поворотливый «Орленок»! Уличными фонарями начальство обделило поселок Белозерск, и большую часть пути приходилось мчаться в темноте. Хорошо, что ночь выдалась звездная, но дорога! Словно намагниченная, она собрала на себя все ямы и пригорки с окрестностей. На огромной скорости те выпрыгивали из темноты и бросались под колеса.

Ездить на велосипеде Сорокина научилась недавно, и это придавало поездке оттенок смертельно опасного приключения. Изредка она выписывала такие замысловатые петли, что, казалось, должна была погибнуть. И все-таки ей как-то удавалось не терять из вида ускользающий ответ стоп-сигнала алисиного велосипеда. Не хватало еще заблудиться! Озабоченная непонятым сорокинским стилем вождения, Алиса иногда оставляла Жакову и возвращалась за Яной. Потом они вместе догоняли подружку...

На огромной скорости банда пересекла центральную площадь поселка. Если кто-то их и видел, то уж узнать не успел.

Вдруг из темноты вынырнул багажник алисиного велосипеда – Сорокина в последний момент успела затормозить. Заднее колесо «Орленка» занесло, и Яна едва не свалилась. Но Жакова и Алиса одобрительными ухмылками оценили ее лихой разворот и стали прислушиваться; на дискотеке играла музыка, оттуда доносились веселые голоса и смех; по краю вселенной нахально продребезжал одинокий мопед...

– Через молокозавод! – сообщила шепотом Жакова запыхавшимся подружкам и спустя мгновение они вновь неслись в ночи. В какой-то момент Сорокиной стало казаться, будто нет земли, нет Алисы, ее самой тоже нет, а есть лишь мелькающие черные пятна, только ветер пахнущий скошенной травой и нагретой пылью...

Из темноты вновь вынырнул красный стоп-сигнал на багажнике алисиного велосипеда. Теперь Яна ждала такого маневра и вовремя затормозила...

Жакова плескалась бесшумно, но иступленно. Ей хотелось наплаваться на все ближайшие дни, вот она и старалась. Алиса и Яна за компанию немного поплескались, но быстро замерзли и выбрались на берег.

– С-с-счас бы ко-костер! – мечтательно закрыла глаза Алиса.

– Го-горяченького ча-чая! – мечтательно прошептала Яна.

– Дуры, вы ничего не понимаете... – шипела из теплой воды, счастливая Жакова.

Потом Жакова наконец устала...

– Давай назад мимо сада Белкина... – предложила, хищно прищелкивая зубами, продрогшая Алиса.

И подружки медленно двинулись в обратный путь по тропинке вдоль реки. Впереди уже привычно катила Жакова, за ней Алиса, и замыкала бандитскую колонну на своем «Орленке» Сорокина. Берег приподнялся, тропинка отвернула от реки. На прощание Яна подъехала к самому обрыву и остановилась...

Иногда, если посмотреть лунной ночью с обрыва на луга за рекой и еще на что-то, что есть там, за лугами, на все эти белесые пятна и полосы, словно это деревья, или стога сена, или облака приникли к земле, то вдруг можно почувствовать себя счастливым, как случилось это сейчас с Яной.

И пряди тумана в луговых складках, и речка, отсвечивающая серебром в лунном свете, и все это совершенное безмолвие, которое в другое время ничего бы не значило или значило бы что-то пугающее, сейчас показались Сорокиной настолько красивым, что у нее закружилась голова. Яна опустила глаза. Ступила на край обрыва и заглянула под его козырек. И внизу, под собой, увидела нечто необыкновенное. Реку. И звезды, отражающиеся в ее

неподвижном черном зеркале. И среди звезд, на чешуйчатой лунной дорожке, мальчишку.

Он лежал на воде, раскинув руки-ноги.

Сорокина отшатнулась. Она обязательно бы подумала, что это утопленник, если бы мальчишка не медленно не пошевелил рукой...

Яна успела разглядеть его лицо потому, что от того места, где она стояла, до воды было метров десять, не больше. Светлые его волосы разошлись по воде, как... как какая-то корона, подумала Яна.

В этот миг из темноты раздались взволнованные голоса «бандиток».

– Янка! Ты где? Алле!

Сорокина вскочила в седло велосипеда.

...Той ночью ей приснился странный сон.

Сорокина уснула так быстро, словно он ее уже ждал. Еще ее голова не успела коснуться подушки, а Яна уже спала. Или ей только показалось, что она заснула быстро, быть может, сон родился раньше, еще в полудреме. Будто он не мог дожидаться Яну и торопился присниться...

Вначале Сорокина была уверена, что не спит. И в то же время знала точно, что уже спит, хотя и слышала, как сопит в соседней комнате Алиса, а по улице, натужно завывая мотором и слепя окна фарами, прополз запоздавший автомобиль... но она, Яна, уже спит. Спит. Потому что ее первые шаги по веранде были так невесомы и легки, что она не чувствовала под босыми пятками шероховатого пола. Яна поглядела на пол и увидела между крашеными половицами и своими ступнями просвет. Всего несколько сантиметров.

Сорокиной не пришлось открывать дверь веранды и греметь засовом. Непонятным образом она сразу переместилась на улицу, за ворота. Страх не было, хотя ей и подумалось, что вот если проедет та же машина, что с ней будет? Или она, Яна, сейчас прозрачная, как фантом из фильма, и машина проедет сквозь нее, не причинив ей, Сорокиной, вреда?

Яна вытянула руку и сжала пальцы в кулак и почувствовала его упругую крепость. И это Сорокину почему-то успокоило, хотя она уже летела, но не так правильно, как летают в кино, а словно ее влекло течением. Яна разворачивалась в воздухе и летела то спиной вперед, то боком. В одном месте дорогу ей преградила старая липа. Если бы Яна не спала, она бы никогда не отличила липу от вяза, но во сне она знала, что дерево перед ней называется липой. Яна мягко, не задевая ветвей, скользнула сквозь крону. В сантиметрах от ее лица, промелькнула тяжелая морщинистая кора и... и Яна мягко приземлилась. Не совсем приземлилась, потому что-она все-таки не касалась пятками земли...

Яна огляделась – справа был луг или какое-то поле, по левую руку тянулась насыпь. Яна знала, что по гребню насыпи проложено асфальтовое шоссе хотя и не могла видеть его, оттуда, где она стояла... За насыпью темнели расплывчатые силуэты домов... И было тихо. В жизни так тихо не бывает. Даже са-

мой глубокой ночью. Всегда есть звуки; где-нибудь лает пес, или покрикивает птица, или шумит ветер, или хотя бы стучит собственное сердце... Только во сне бывает так тихо.

И вдруг Яна различила метрах в сорока от себя тень. Секунду назад ее не было, и вот она приближается. Но Сорокина не испугалась.

«Это Глория», – решила Яна, хотя почему именно это должна быть Глория, зачем она, эта Глория, ей, Сорокиной, кто это вообще такая, Глория, Яна не смогла бы объяснить.

– Пожалела девушку? – произнесла тень, и действительно из темноты вынырнула Старуха. Та самая, памятник, но в следующий миг Яна поняла, что эта Старуха только похожа на памятник. Что она не гипсовая, а обыкновенная деревенская тетка, в каких-то темных одеждах с широким одутловатым, лицом. Немного сбоку, на шее у нее, как и у статуи, выпирал безобразный пузырь. Яна отвела глаза.

– Зачем мы здесь? – спросила Яна и не услышала своего голоса.

– Сказки любишь? Про Щелкунчика слыхала? – спросила Глория и коротко хохотнула, – Хотя, какие сейчас сказки, одни триллера и всяки там памперса. А настоящего страха, как детенышек недельный накачал...

Яне вдруг поняла, что Глория нарочно говорит неправильно, потому что смущается. Или опасается, что Яна ее не поймет. Или боится, что Яна испугается, откажется говорить и проснется... И Сорокина почувствовала себя увереннее.

– Вы... вы мне снится, бабушка?

– «Бабушка», – передразнила Яну Старуха, – Разве ж об этом спрашивают? – тень Глории качнулась, на какой-то миг стала совсем прозрачной и почти растворилась, но словно передумав исчезать, вновь обрела плотность, – Девушка-душечка! – жалобно прикрикнула Глория, – Тут говорить надо осторожно. Береженого черт бережется... Ну так что, пошли или что уж?

– Куда? – переспросила Яна, но они уже шли.

– За разрешением. Принца будем вызволять. Самое полнолуние... – буркнула Глория. И они пошли. Точнее – Сорокина летела низко над землей, изредка цепляясь босыми ступнями за кочки и разные выпуклости. Большой диск луны, запятанный и красный и от того похожий на смазанную печать, стремительно подвинулся к краю горизонта...

– А ты пужайся, чего уж там... – как бы даже обиделась Глория тому, что Яна так скоро согласилась...

Они поднялись на невысокий взгорок, и Сорокина определилась – впереди мерцал негаснущими фарами слагбаум железнодорожного переезда. Строения слева – это МТС. А в низине, метров через сто, должно быть озерцо под названием Дунаец. Сорокина здесь уже была с Алисой. Глория свернула вправо и стала подниматься мимо озера, по пологому склону Усковской горы...

– Телевизоров насмотрятся, и им не страшно... – проворчала Глория, и Яну вдруг окатила волна

ужаса. У каждой тени, у медного лунного диска, у силуэта Глории появился свой страшный смысл и значение. У Яны задрожали колени, и она, совершенно потеряв способность двигаться, наклонилась и взялась за них руками, чтоб те не дрожали...

– А ты говоришь, тебе не страшно... – Глория коротко хохотнула. – А ведь положено, чтоб страшно. Они на бабий страх тянутся. Любят они это дело.

– Кто они?

– Женщины нашего образа... – тревожно оглядываясь в сторону лесной опушки, проговорила Глория, и Яна поняла, что та сама боится, – Но сейчас отступит. Должно отступить...

И действительно страх съехал и исчез...

Ничего вокруг не изменилось. Как будто. Только воздух стал плотнее, да тени глубже.

Глория остановилась у лесной опушки на самой вершине Усковской горы, и Яна поняла, что они пришли.

– Так говоришь, пожалела она тебя... – раздался тихий, как шорох, голос.

– Пожалела... – прошелестела чужим голосом Глория.

– А через крапивку ее водила? – с сомнением в голосе спросил кто-то, но уже другой, и Яна почувствовала на себе пристальный взгляд.

– Современное дитя. Непривыкшее, – виновато, не поднимая головы, отозвалась Глория.

Яна зачем-то придвинулась ближе к лесу. Здесь было совсем темно и глухо, как под тяжелой подушкой. Но темнота была подвижной... Иногда в жаркий полдень над раскаленной землей струится скользкий, будто маслянистый воздух. Вот и сейчас темные силуэты деревьев струились, словно был такой полдень. Или это потому, что...

«Потому, что это вода! – догадалась Сорокина, – А я стою на дне! Под водой!»

Ночной воздух втекал в нее маленькими тугими, прохладными порциями...

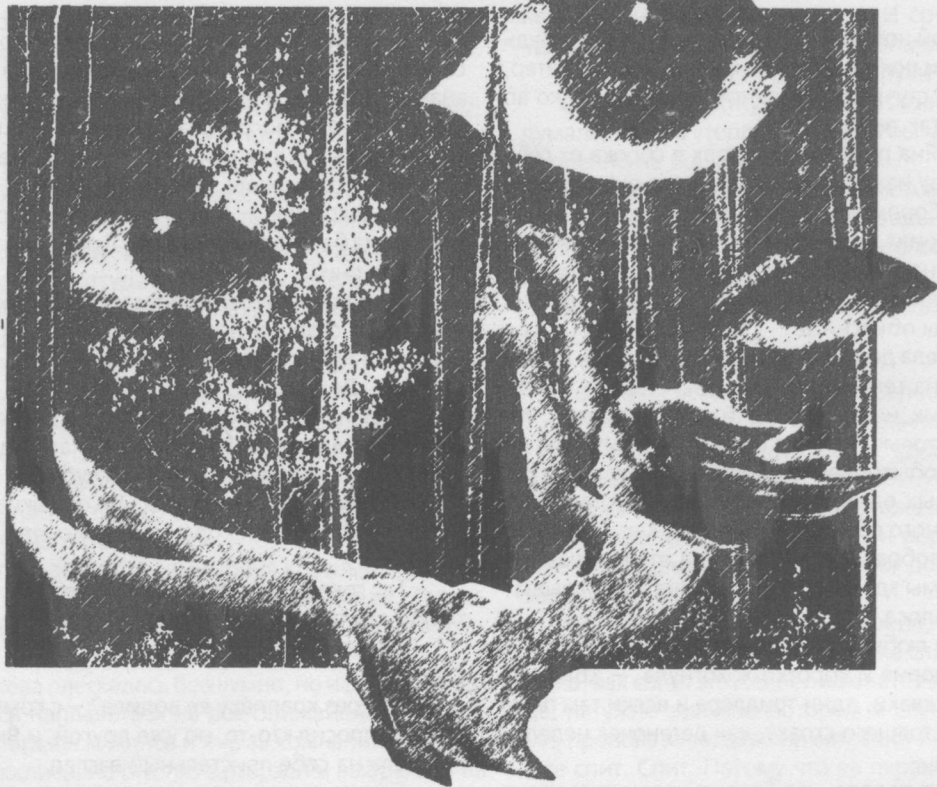
Среди похожих на водоросли в аквариуме деревьев проплывали, отсвечивая выпуклыми рыбьими боками, огромные глаза. Много разрозненных глаз. Время от времени гигантские веки смыкались, пряча фосфоресцирующие диски радужек, и тогда глаза стыдливо гасли, чтоб через мгновение показаться из-за другого дерева...

– Что это вы, бабонки, надумали, – откуда-то сбоку пискляво-испуганно проскулила Глория, – Дитя малое, сердцем нетронутое...

– А иначе как? Без любви-то? Иначе нельзя... – зашумели верхушками деревьев – закачали головами, – Никак нельзя иначе. И себя убьет, и дело порушит...

«Какое еще дело?» – подумала Яна и обрадовалась самой способности думать.

...И идти нельзя, а ты на цыпочках. И смотреть нельзя, а ты вприщур. И дышать нельзя, и думать страшно, и чувствовать грешно, и жить невозможно, и плакать бессмысленно, а ты свернись листочком сушеным, ты распушишься былиночкой невесо-

мой, представься паутинкой-ниточкой – возьми чудище за руку. И не оглядывайся в себя – ступай прочь. Оборотись – пропадешь-не воротись... И прочнее стали ниточки...

Заговор не судьба, судьбица. Переносила ворона деточек через пропасть.

– Ты кормить меня будешь, деточка, когда старая стану? – спрашивает.

Вороненок перепугался и говорит: «Да, матушка!»

Кинула детеночка в пропасть ворона, взяла в клюв другого и несет через пропасть;

– Ты кормить меня на старости будешь?

Второй вороненок тоже: «А как же, мамочка!»

Кинула второго детеночка в пропасть, взяла в клюв третьего и несет через пропасть;

– Ты кормить меня на старости будешь?

– Нет, мамочка! – отвечает ей сынок, – Сначала буду кормить своих деточек, потом только тебя...

Перенесла ворона третьего детеночка через пропасть...

– Живи, деточка!

Голос стих, но за мгновение до того, как он замолчал, другой голос, вкрадчиво прихихикивая, начал;

– Шел солдатик, глядь – крестьянка. И так уже она изнемогает со своим серповищем на жаре, что опростоволосилась, блузочку расстегнула...

– Че уши развесила, дура! – вдруг из темноты вынырнула Глория, – Заговорят, паскуды... Встретить принца своего. Полюбишь. И он тебя. Только запомни – раз один сбрешешь, пропадет заговор. А сейчас убегай! А то станешь деревом... – и она

неприятно и даже как-то отталкивающе расхохоталась.

А Яна уже и так убегала. Она мчалась вниз с горы, прямо через бурьян, через какую-то рожь или другие злаки, через крапиву. Крапива обжигала, но не больно...

Сорокина открыла глаза, увидела встревоженное лицо Алисы и тут же зажмурилась – было позднее утро, и солнце ослепило Яну. Она зажмурилась и еще успела увидеть ускользящий кусочек сна, как красная луна стремительно нырнула в лес. А от лесной опушки оторвалась уродливая тень и метнулась с вершины Усковской горы вниз, к Яне, и Сорокина, не дожидаясь, чем дело кончится, открыла глаза и слетела с кровати, и... На столе, рядом с древней радиолой в ослепительном луче солнечного света лежало яблоко. Как радостно было его видеть!

– Кошмары снились?.. А это еще что? Где умудрилась в крапиву влезть? – подозрительно пошевелила остреньким мышиним носиком Алиса.

Яна поглядела – ее ноги ниже колен густо покрывали чесучие пупырышки крапивных ожогов.

Утро закончилось, и настал четко расчерченный солнцем на ослепительные полосы и тенистые квадраты день. Эта четкость, казалось бы, должна была покончить с сумятицей в голове Сорокиной, но не тут-то было. Дело в том, что Яна редко запоминала сны. Она их забывала едва успев проснуться. Но на этот раз, теснимые ослепительным полднем, сумеречные образы пятились, но не исчезали. Наверное,

с непривычки помнить сны Сорокиной вдруг показались, будто мальчишка, которого она видела во время ночного купания, и само купание, и гонка на велосипедах по ночному поселку тоже ей приснились. Перепуганная Сорокина незаметно проскользнула в чулан и с огромным облегчением обнаружила там свой «Орленок». При внимательном изучении Яна нашла налипшие на обод его заднего колеса свежие травинки. Они едва успели привянуть с ночи...

«Значит, ночное купание было! – обрадовалась Сорокина и спохватилась; – Что я делаю? Совсем ты, Сорокина, чиканулась. Хорошо, что никто меня не видел, как я на велосипедное колесо паялилась».

И Сорокина поспешно покинула чулан.

Алиса, изучавшая с чердака сарая скучные поселковые окрестности в одноглазый бинокль... (один окуляр у него был разбит, и точнее было бы назвать его моноклем). ..в окуляре окрестности казались не такими скучными, заметила, как Сорокина с перекошенным лицом прошмыгнула в чулан. Заинтригованная Алиса отрегулировала резкость и вонзила свой единственный вооруженный глаз в дверь чулана. Показавшаяся оттуда Сорокина, прежде чем принять самый невинный вид, заговорчески огляделась по сторонам.

– Черт меня совсем поberi, если я что-нибудь понимаю... – чувствуя себя на пороге великого открытия, процитировала Алиса речь главного героя телевизионного боевика, впечатлившего ее на прошлой неделе.

Эвакуировавшись с чердака через запасной выход – нужно было открыть дверь в торцевой стене чердака, повиснуть на ее ручке и спрыгнуть в сад, – Алиса, незамеченной проникла в чулан. Здесь она дотошно изучила пыльные полки с пыльными банками с соленьями и не смогла ничего понять – в самом деле не банки же с вареньем привели в такой трепет Сорокину?

На крыльце Алиса появилась, или точнее сказать, взошла на него, с видом Наполеона, прибывшего к месту сражения, не обнаружившего своей армии и ждущего немедленных объяснений. Сравнение дополнял бинокль, вольно болтающийся на животе. Во времена Наполеона биноклей еще не изобрели, но одноглазый аппарат Алисы при некотором допущении мог сойти за подозрную трубу. Крыльцо возвышалось над двором, и Алиса сверху наблюдала, как погруженная в свои мысли, Сорокина отрешенно топчется вдоль забора...

Но тут Алисачихнула и выпала из образа французского полководца.

Сорокина вздрогнула и уставилась на Алису;

– Ты?!

– А ты думала кто? Привидение? – Алиса спустилась с крыльца. Испуг Яны, только раззадорил ее любопытство.

– Что случилось? – с участием пресытившейся жеманницы поинтересовалась Алиса.

– Я тебе расскажу, но только ты...

– ...ни-ко-му! – глаза Алисы за стеклами очков увеличились до размеров блюдца. Определяйся степень искренности диаметром глаз, Алису можно было бы причислить к Великому Ордену Самых Искренних Граждан Вселенной.

Под впечатлением ли этих правдивых глаз, или потому, что ей давно хотелось с кем-то поделиться, Сорокина не стала долго запариваться и выложила подружке все; и про то, как Борона сказал ей, что бы она убиралась из поселка, и про сон, в котором памятник из сквера ее преследовал, и про приснившееся сегодняшней ночью путешествие в компании с Глорией на Усковскую гору. Она хотела уже рассказать и про мальчишку, которого видела с обрыва, когда они ездили купаться, но вдруг запнулась и отвела взгляд... Вот про это она не рассказала. А еще промолчала про загадочные слова приснившейся Глории о принце, который Яне должен повстречаться и которого она должна встретить... А вдруг тот купавшийся мальчишка и есть принц?

«Ну да! – одернула себя Сорокина, – Принцы по ночам не купаются... Или все таки?»

– Вообще-то, была такая Александра Никишихина. Это с нее художник Борона слепил памятник... – не заметив сорокинской заминки, задумчиво протянула Алиса.

– Она что, померла?

– Не то чтобы померла...

И Алиса рассказала историю про клад. Более-менее внятной эта история стала после того, как к выяснению некоторых обстоятельств удалось привлечь Жакову, Алисину маму и какого-то незнакомого дядьку... И вот что получилось.

История про клад, что вырисовалась...

Из реплики Жаковой

...У них был настоящий план, рассказывала мне мама. Их было трое. Значит, Мишка – фамилию я не знаю, Сережка – это который наш Сержант, пьяница. И Сашка Никишихина. Тогда им лет по двенадцать было... А клад зарыл миллионер Черещенко, когда в революцию удирал. В том-то и дело, что клад был не зарыт, а лежал в как ее... такая специальная дырка, вот-вот вентиляционная шахта в подвале винокурного завода. Только говорится «шахта», а на самом деле узкая дырка для проветривания. И в нее только ребенок смог бы забраться... Там так тесно. Точно. Да. И не любой ребенок, а физически подготовленный и крепкий. А про клад им рассказал...

Из рассказа тетки Антонины

...Эдуард Владимирович. Эдуард Владимирович был учителем рисования в нашей школе. В старших классах вел черчение и руководил кружком юных художников. Кажется, так это называлось. Вообще-то, Эдуард Владимирович не местный. Он по рас-

пределению приехал к нам в Белозерск, после института. Мишка и Сережка вместе посещали кружок. У них были задатки. И вообще, они были друзьями. Из тех, что не разлей водой... Никогда не могла понять, почему так говорят – не разлей водой? Разливают водой дерущихся. И вот они познакомились с одной девочкой...

Из сомнительной, с точки зрения достоверности, истории Алисы

...Это я знаю! Они познакомились там, где теперь шоссе. Для шоссе как раз и взорвали развалины завода. А мост через ручей остался до сих пор. Там еще рядом больница. Вот где они познакомились. Миша и Сережа шли с мольбертами... Ну, ладно! Шли так. Без мольбертов. Просто шли себе по тропинке и никого не трогали. А там пустырь. Там крапивы этой... Так вот, идут они себе, а из-за поворота поросенок! А за поросенком девочка! В одной ночнушке! А поросенок на мосток. А с той стороны дед. А поросенок в ручей. А девочка следом. А мальчишки помогли ее выловить и с тех пор стали все они вместе ходить...

Из перебранки, которую можно было бы вынести за скобки, но уж пусть остается, чтоб всем было понятно, каких трудов стоило Яне придать этой истории осмысленный вид

...С поросенком!? Откуда ты это все взяла? Про поросенка? Какая еще Доронькина Наташа рассказала?

– Ну ладно, я сама придумала! Тебе что, жалко? – встряла Алиса, – Этот факт для красоты рассказа. А на самом деле они могли познакомиться хоть в магазине. Только в магазине я не вижу ничего романтического!

– А в поросенке куча романтики! – ехидно заметила Жакова.

– Особенно хвост, – не удержалась Сорокина, после чего Алиса надулась.

Из фантазии Сорокиной, которую она тем не менее сочинила в продолжение алисиных враз...

После того как Мишка и Сергей извлекли из ручья девочку с ее дурацким поросенком, они, оставшись наедине, сказали так:

- Дурочка! – сказал один.
- Идиотка! – сказал другой.
- Полная психованная.
- Ага. Лечить надо.

И вот утром Мишка неожиданно для себя, даже случайно, приходит познакомиться к «психованной» и сталкивается с Сергеем, который тоже совершенно случайно забрел к дому «идиотки». Они сначала подрались немного. Естественно, из-за девочки. А потом стали дружить втроем, и между ними всеми вспыхнула любовь. Сильное большое чувство.

Из рассказа тетки Антонины

...Ну, теперь я точно уже не помню, но говорят, они постарались подготовиться по всем правилам. Да и то, Эдуард Владимирович человек взрослый. И вообще... Не такой, не безрассудный. Я говорила? У них был точный план коммуникаций завода. Наверное, Эдуард Владимирович его взял в музей. А уж откуда он знал про клад, это я ума не приложу. Всякие там веревки и снаряжение. Да! Они еще собрали переговорное устройство. Брат Сергея, Витька... Виктор, он тогда учился в радиотехникуме в Харькове, собрал. Потом рассказывал... Сейчас он электриком работает. Что? Далось тебе это переговорное устройство. Ладно, спрощу...

Из упрощенного описания переговорного устройства, данного Виктором Тимофеевичем, тетке Антонине, по просьбе Сорокиной

...Переговорное устройство состояло из трех неравномерных, так сказать, частей. Это две пары наушников и, так сказать, фанерный ящик с питанием и помещенным там же реле. К каждой паре наушников был приделан микрофон так, что можно было переговариваться и слышать друг друга. Между собой наушники соединялись проволокой. В то время ни о каких пейджерах и сотовых телефонах еще, так сказать, и не слышали...

Из рассказа тетки Антонины

...Если я не ошибаюсь, эту свою... экспедицию за кладом они назначили на конец июля. Раньше они не успевали, потому что переговорное устройство Витька... Тимофеевич не собрал, а позже было нельзя – только и разговоров было в поселке, что развалины винокуренного завода собираются взрывать. Что они, дескать, мешают будущей трассе. А разобрать их нельзя, так как раньше строили хорошо, не то что сейчас, и это будет долго... Уже и день назначили какой-то, когда должны были приехать эти... минеры...

Из всех этих обрывков и фрагментов, собственных и чужих фантазий, в сорокинской голове образовалось...

...На поиски отправились днем – ничего противозаконного, в общем-то, в поисках клада не было. Но и рассказывать про клад, пока он не найден, кладоискатели не торопились. А вдруг его нет? Выйдет посмешище...

Развалины нависали над бездонным Волчьим оврагом. Волчьим его называли за аппетит. Сколько ни засаживали деревьями его склоны, овраг все полз, вгрызаясь в пашню... К стенам винокуренного завода овраг добрался на излете. Непроходимые буйные заросли – кусты и деревья отчаянно цепляясь корнями за грунт, тормозили его движение...

Со временем огромное кирпичное строение завода просело, упрятав глубоко под землю подвал и весь первый этаж. Но кладоискателям повезло. Со стороны оврага фундамент завода оголился, и в его

кирпичной кладке чернел полуразрушенный проем, вход в вентиляционную шахту.

В шахту должен был ползти Мишка. Сергей был на связи, в наушниках и с микрофоном. Эдуард Владимирович стоял на страховке. Дело в том, что нельзя было знать наверняка, образовались ли нет за все длинные годы в узком лазе шахты непредусмотренные планом провалы и дыры. Поэтому Мишку опутали надежной спортивной веревкой (по таким альпинисты карабкаются, объяснил ребятам Эдуард Владимирович), другой конец веревки он должен был медленно «травить», на случай если под Мишкой провалится пол...

Конечно, Сорокина представила, как Мишка подошел к чернеющему в фундаменте проему. Как оглянулся... Наверное, ему было страшно. Только как сказать, что тебе страшно? Ведь развалины уже минируют. И если немедленно не вытащить клад, то взрыв обрушит здание в Волчий овраг и навсегда погребет на его дне сокровища миллионера Черещенко.

И вот только что светило солнце, и у тебя было веселое настроение, и ты бежал куда-то по своим важным делам, и вот на тебе, нужно оставить все, обвязаться веревкой и ползти в темноте по узкому кирпичному лазу...

Конечно, вокруг развалин было выставлено оцепление. Была машина с громкоговорителем, которая время от времени сообщала о предстоящем взрыве. В общем, были предприняты все меры безопасности, но экспедиторам никто не сумел помешать. Они вошли в Волчий овраг перед линией оцепления и по дну оврага, в зарослях, преодолели ее. На дне оврага оцепления не было. Наверное, минерам было трудно предположить, что кто-то добровольно приблизится к месту взрыва. Зачем?

У кладоискателей была пара часов, на все про все...

Что конкретно случилось, почему Мишка не успел вернуться из развалин до взрыва, этого не знал никто. После были длинные разбирательства с привлечением милиции. Эдуард Владимирович на какое-то время исчез из Белозерска. Говорят, его посадили или что-то такое... Затем вернулся, но уже в школе не работал, а устроился художником в местный кинотеатр «Салют». Сашка выросла и вышла замуж за Сержанта. Жизнь у них не задалась как-то. Сергей попал в Афган. Там его контузило. Он стал пить.

Такая вот грустная история открылась Яне...

Положительный мальчик

После неудавшегося побега Кольку отругали, но не так крепко, как он того заслуживал. Во всяком случае, так прочувствовал свое наказание Колька.

Доктор Валентин Андреевич ограничился тем, что в изматывающей длинной речи объяснил Кольке вред побегов и пользу дисциплины.

«Так я обнаглеть могу, если морду не лупить ...» – подумал Колька, покидая кабинет главврача, и спохватился. Почему он подумал, что может обнаглеть? А что если в той жизни, которую он не помнил, за такие прегрешения не били морду, а вежливо объясняли неправильность его поступков?

«Зачем же я подумал про морду? – испугался Колька. – Неужели у меня раньше была такая фиговая жизнь, что я так подумал по привычке? Жизнь, в которой сразу давали в пятак? Зачем я подумал «в пятак», а не по лицу?» – покрылся холодным потом Колька и решил впредь думать осторожнее. Но все равно думалось всякое. Колька жил в отдельной палате, и это тоже казалось ему странным. За что ему такая привилегия? Он ведь не заразный, чтоб его отделять от других больных. Или ему положена отдельная палата, потому что он не простой больной, а богатый, несмело предположил Колька. Может, у него родители богатые? И они заплатили, чтоб его поселили в отдельную палату...

Иногда доктор Валентин Андреевич приглашал Кольку к себе в кабинет, и они подолгу беседовали. Если бы Колька узнал, что Валентин Андреевич, кроме всего прочего, еще и психиатр, и их беседы – это собственно и есть лечение, он бы здорово удивился...

Однажды Валентин Андреевич привел Кольку в кладовую и показал ему его, колькину, одежду; дорогие, самую малость потрепанные джинсы, шикарные кроссовки, красивую футболку и книжку «Остров сокровищ».

Наверное, Валентин Андреевич думал, что Колька увидит эти вещи и вспомнит о себе. Но вещи произвели неожиданный поворот в Колькиной голове. То, о чем раньше он лишь робко смел предполагать, предстало перед ним со всей возможной очевидностью.

«Так вот какая у меня была жизнь клевая!» – подумал Колька, разглядывая дорогие джинсы.

И с этого момента уже мало для него значило, что и его речь, и привычки, и знания, и жизненный его опыт никак не соответствовали тому, во что он так хотел верить. А хотел он верить в то, что у него была сытая хорошая жизнь. Хотел он верить, что попал в больницу по недоразумению, и едва оно разъяснится, как он тут же отправится домой. А уж как это конкретно будет происходить, Колька знать не желал. Все ему казалось, что это случится как-то само собой. То ему представлялся большой черный лакированный автомобиль у главного входа в больницу, на котором приедут его забирать отсюда. То представлялась его, колькина комната, которую он, всякий раз мысленно к ней возвращаясь, достраивал. В этой комнате не было дорогих вещей, словно Колька жалел денег на выдумку. И еще Колька боялся думать о себе как об очень богатом человеке. Жизненный опыт говорил ему, что очень богатых людей слишком мало, чтоб ему, Кольке, повезло быть одним из них...

Колька помнил, конечно, кое-что из своей на-

стоящей, реальной жизни, но эта память обрывалась где-то в далеком детстве. Он помнил небольшой поселок рядом с железной дорогой. Помнил грохот поездов. Помнил себя сидящим в трясущейся телеге. Впереди, там, куда смотрел Колька, мерно покачивалась спина в потертом пиджаке... А еще он помнил глухую ночь. И ветер за стенами дома был так безотрадно, что Колька не хотел и этого помнить, но все равно зачем-то это ему помнилось. И в окошко их домика царпалась и плакалась кошка. Она замерзла и просилась внутрь. Мама открыла дверь, и кошка нырнула в комнату, в дымных сугробах морозного воздуха. И если что и было хорошего в этом оставшемся кусочке Колькиной памяти, то это мамыны руки... А вот ее лица он уже не помнил. Лишь ее руки. Ее пальцы. И в них парафиновый оплавленный огрызок свечи. Горячий огрызок скользит и подпрыгивает на Колькиных ребрах, и... И все это помнил Колька, но эта память ничем не соединялась в его голове с ним же, сейчас сидящим в больничном халате на кровати, в поселковой больнице.

«Наверное, мы переехали из того маленького дома в большой, – думал Колька, – Наверное, мы разбогатели. А почему нет? Другие тоже богатеют. Переехали в город, а то откуда у меня такой цивильный прикид?» – думал Колька и, без всякого усилия верил в это – так уж сильно ему хотелось в это верить. Так хотелось верить, что по мере того, как он населял воображаемую квартиру вещами и мельчайшими штрихами, как-то: сломанным выключателем на кухне или пятном на абажуре торшера в комнате, воображаемый мир приобретал в Колькиной голове все достоинства мира реального. И заполнял собой пустоту...

Как и прежде, все свободное время Колька проводил у Галины Валентиновны.

– Почему ты не чистишь зубы? – как-то поинтересовалась Галина Валентиновна.

– А что я раньше их чистил? – с сомнением повертел в руках тюбик с пастой Колька.

– Конечно, – не задумываясь, сказала Галина Валентиновна. – Все чистят.

И Колька стал чистить зубы утром и вечером и даже мыть руки перед едой...

И вот однажды случилось так, что Колька и Галина Валентиновна ремонтировали покосившийся штакетник палисада и привычно, без былого накала, поругивались. К этому времени Галина Валентиновна отчаялась заставить Кольку признать хоть в чем-то свою неправоту, а Колька устал огрызаться, да и голова его последнее время была занята совсем другими мыслями. Поэтому он, ввязавшись в очередную спор с Галиной Валентиновной, на этот раз метеорологический, и без всякого азарта произнес: «...и все равно в небе остаются дырки от ракет, и из этих дырок на головы льется вода», не мог представить последствий данного замечания.

– Прекрати дурачить мне голову. Никаких ды-

рок в небе не бывает... – привычно огрызнулась Галина Валентиновна, но тут ее осенило.

– Спорить вы горазды, как я погляжу, Галина Валентиновна, – примирительно заметил Колька, но тетка, вместо того чтоб ответить на выпад, загадочно улыбнулась и, торжественно отложив молоко, удалилась в дом. Колька проводил ее удивленным взглядом. Тетка вернулась через пять минут. Пряча руки за спиной, она остановилась напротив него.

– Так ты говоришь дырки? – ухмыльнулась Галина Валентиновна и со всей возможной значительностью извлекла из-за спины и приставила к Колькиному носу уже раскрытую на нужной странице потрепанную книжку. Если бы Колька умел читать, он бы прочел на обложке книжки ее название – «Астрономия». Это был старый учебник за десятый класс. Ну, а так как Колька читать не умел, но скрывал этот печальный пробел в своем образовании, то он молча уставился в белый прямоугольник страницы, густо испещренный вдоль и поперек черными непонятными значками. В повседневной своей жизни Колька обходился без умения читать. Он запоминал часто встречающиеся ему слова, их рисунки, контур и связывал их с тем, что они обозначают. Вот, например, короткое слово «банк». Колька запомнил внешний вид этого слова и знал, что оно присутствует всюду, где можно обменять одни деньги на другие. В этом своем умении помнить внешний рисунок, облик нескольких сотен слов он напоминал японца, держащего в уме тысячи иероглифов и помнящего, что обозначает каждый из них...

– Вот! – ткнула пальцем Галина Валентиновна в раскрытую книжку.

– Что «вот»? – попытался оттянуть нависшее разоблачение Колька.

– Читай!

– Ну... – Колька сделал было вид, что читает. Для большего правдоподобия он, имитируя усердие, даже покряхтел.

– Читай вслух! – потребовала Галина Валентиновна и подчеркнула ногтем в тексте необходимое место.

Если бы Колька не был таким упрямым, то он бы просто согласился с теткой, что дырок в небе не бывает, что дождь действительно образуется каким-то непостижимым для Кольки образом прямо из мокрого воздуха, но в том – то и дело, что он был упрямым.

Галина Валентиновна тоже была упряма и, понимая замешательство оппонента как нежелание согласиться с очевидным, решила идти до конца,

– Вот это что написано? Кон-ден-сат образуется... Ну?

У Кольки покраснели уши. Если бы он не спорил так отчаянно, он бы послал Галину Валентиновну со своей книжкой куда подальше. Но получалось, что тетка приняла условия игры, спорила с ним честно, на равных, ну или во всяком случае учитывала его мнение, несмотря на разницу в возрасте,

положении и вспыльчивый характер, и поэтому он не мог ее послать, не нарушив тем самым негласную договоренность и правила общения, сложившиеся между ними.

– Я не умею читать, Галина Валентиновна, – растерянно улыбнулся Колька; – Вот такие фигурки.

– Да? – не поверила Галина Валентиновна, но на всякий случай решила обсудить возникшую проблему с колькиным доктором.

Казалось бы, то обстоятельство, что Колька не умеет читать, должно было совершенно определенно лишить его иллюзий относительно жизни, которую он прожил и которую не помнил и не желал вспоминать, но получилось не совсем так; Колька с таким жаром бросился обучаться чтению, будто хотел доказать себе и окружающим незначительность пробела, обнаружившегося изъяна.

Потом, уже научившись читать по складам, Колька, в подтверждение своей правоты, бесхитростно объяснил доктору Валентину Андреевичу, что читать он и раньше умел, а потом забыл, как забыл многое другое...

С этого дня в Колькиной жизни началась полоса открытий. Выпестованная жизнью природная смекалка и цепкая память помогли ему за несколько дней освоить алфавит. Правда, как-то ближе к концу алфавита он вспомнил о своей неуступчивости и попробовал дать свое объяснение букве «Ю».

– Я ее понимаю как растопыренную «О», – однажды самоуверенно, заметил Колька.

Галина Валентиновна пресекла мятеж на корню, заявив, что если Колька такой умный, если он умнее Кирилла и Мефодия, то пусть он, Колька, сам для себя сочиняет свой собственный алфавит, а все нормальные люди тысячу лет пользуются именно этим алфавитом, где буква «Ю» – это «Ю», а не какая-то там деформированная идиотская «О». Сам довод был, по мнению Кольки, голословным, но таинственные Кирилл и Мефодий произвели на него впечатление...

Первой колькиной книжкой оказалась книжка-раскладушка величиной с ладонь.

– Мэ-ой... – забросив прополку и развалившись на меже, громко бляял Колька, – .. Ли-зочек так уж мал, так уж мал, Что из кы-ры-льев... крыльев... комаришки... сделал две себе манишки... Галина Валентиновна, что такое манишка?

Колька взял книжку с собой в больницу и вечером в палате долго разглядывал картинки и нюхал плотный картон. Книжка пахла типографской краской. Так пахли новенькие хрустящие денежные банкноты, которые раза два за всю его короткую жизнь оказывались в Колькиных руках. Это был солидный, торжественный запах.

Колька вспомнил о книжке, которую ему показывали в кладовой больницы, и выпросил ее. Кольке было интересно, что он читал в той, своей ухоженной жизни. Обложка у книжки была твердая, красно-коричневая. На обложке был нарисован одноногий пират с саблей в руке, а ниже больши-

ми буквами было написано «Р. Л. Стивенсон». В томике торчала закладка – желтенькая лощеная бумажка с календариком. На закладке было написано: «Скоро на Первом канале, на видеокассетах и в книгах «ТВИНИСЫ». Под надписью были нарисованы радостные маршутки...

Колька открыл книжку в том месте, где торчала закладка, и прочел по складам в самом верху на левой странице; «...и ругательства. Лихорадка его усиливалась. От этого я чувствовал себя еще более несчастным. Вдобавок перед...»

Колька перевел взгляд пониже и прочел; «Все было ясно. Кто-то раньше нас уже нашел и похитил сокровище – семьсот тысяч фунтов стерлингов исчезли».¹

По этим шести строчкам Колька догадался, что книжка достойная, вернул закладку на прежнее место и принялся читать ее с начала.

– Не ври мне, Колька! – пробовал пристыдить его доктор Валентин Андреевич, – Ты не умел читать до нашей встречи. Признайся.

– Книжек интересных у вас не попадалось! – не соглашался Колька и принимался, в который раз, со всеми подробностями рассказывать, в каком красивом доме он жил, какой у него был телевизор, какие расчудесные игрушки и даже какие замечательные люди были его соседи по лестничной площадке. Только о родителях он говорить отказывался...

Валентин Андреевич мог без труда поймать Кольку на противоречиях и доказать, что его выдумка не очень ловкая, но ему было важно, чтобы Колька понял сам, что он фантазирует. Доктор лишь переговорил с Галиной Валентиновной. Разъяснил ей вкратце ситуацию с пациентом Колькой...

– Бедный мальчик, – ужаснулась добрая тетка, – То-то я гляжу, он такой запущенный! Да, конечно, пусть поживет у меня это время. Все же лучше, чем в больнице.

После разговора с Галиной Валентиновной доктор выдал Кольке его вещи; джинсы, футболку и кроссовки. Выдал с условием, чтобы Колька не смел убежать. Колька и не смел. Все получилось само собой. Переодевшись в больничной кладовке в свою одежду и направляясь на новое место жительства к тетке, Колька наткнулся на плот. Он покачивался у берега, в том самом месте, где через ручей был перекинут мосток. Рядом, в траве, валялся шест. Да и не плот это был вовсе, а развилка тополиного ствола в виде буквы «У». Расходящиеся ветви кто-то соединил полуистлевшими досками, вот и все сооружение. Но будто что-то внутри Кольки, а не он сам, заставило его поднять с земли шест, стать на доски и оттолкнуться от берега.

Узкий ручей метров через пятьдесят превратился в пруд. Придерживаясь заросшего плакучими ивами берега, Колька преодолел открытое про-

¹ Здесь и далее цитаты из Р.Л. Стивенсона, «Остров сокровищ».

странство. Перетащил плот через широкий бетонный сток, устроенный в плотине пруда... Колька не удивлялся тому, что его руки словно сами знали, как и когда отталкиваться от приближающегося берега, что его ноги уверенно переступали по шаткому настилу, не удивлялся он ловкости, с которой, при необходимости, перебежал с носа на корму...

Колька не спрашивал себя, куда и зачем плывет. Просто ему было приятно чувствовать отполированную чужими ладонями поверхность шеста, было приятно ощущать, как покачивается «палуба» под ногами...

Наконец поселковые постройки отступили за деревья. Шум моторов и голоса стихли. Берега отодвинулись, и ручей превратился в небольшую речушку.

Колька остановился лишь тогда, когда налетел на мель. Он разулся, снял брюки и, прыгнув в воду, пыхтя, переволок плот через песчаную отмель...

На топком берегу паслись коровы...

Солнце, словно капля ртути, плавилось на дне зенита. И слепило. Колька зажмурился и вдруг почувствовал, что он что-то важное забыл. Это было неприятное, тревожащее его ощущение. Колька плеснул водой в лицо. Вода замечательно пахла водорослями... От этого запаха Кольке стало покойно. Он укрепил шест на «палубе», снял футболку и разлегся на досках, подставляя солнцу впалый живот. И задремал.

Когда Колька открыл глаза, ему хотелось есть. Плот прибило к берегу. Откуда-то тянуло горелым. Этот специфический запах заставил Кольку спешиться и вскарабкаться на взгорок. Ему открылось унылое холмистое пространство. Свалка! Она неуверенно дымилась, распространяя тошнотворный запах горелой бумаги, шерсти и прочей дряни. Ничего опасного не было в этом пейзаже, но у Кольки вновь стало тревожно на душе. Только теперь он знал, почему ему так тревожно. Как и во время первого побега ночью в гараже, Кольке вновь показалось странным и даже пугающим то, что еще пару минут представлялось естественным, – зачем он, Колька, здесь, на этой свалке? Куда он хочет уплыть? Почему он этого хочет? Неужели он убежал раньше, в той своей жизни, что забыл? Но вот ведь, он же помнит, что был хорошим. В это понятие «хороший» Колька вкладывал и обеспеченную сытую жизнь с родителями, и школу, и мебель в квартире, в которой он жил. Словом, все то, что он хотел бы чтобы было в его прежней жизни и во что он с некоторых пор беззаветно верил.

«А если тут ночевать одному, на свалке?!» – мелькнула мысль. Колька вспомнил выдуманный продавленный диван в своей выдуманной квартире, теплое ворсистое одеяло и то, как он любил вечерами, укутавшись в это самое одеяло, смотреть телевизор, и зябко поежился.

Но уже через минуту страхи отступили. Наверное, потому, что ночь казалась далекой, а главное потому, что Колька не хотел думать об этом. Он про-

сто прыгнул на свой плот и покинул замусоренный берег.

Весь нескончаемый день Колька провалился на плоту...

То он, выбрав дерево на берегу, бессмысленно и долго провожал его взглядом. То цедил сквозь утопленные в воду пальцы водоросли. Лишь урчащий от голода желудок заставлял его выходить из этой неподвижности. Тогда Колька вскакивал, растерянно оглядывался, как человек, который впервые очутился в подобной ситуации... Но затем, не представляя, как насытиться и куда бежать, чтобы насытиться, он вновь впадал в странную неподвижность. Если бы Кольке за целый день пути попало хоть какое-нибудь жилище, он, наверное, поступил бы как всякий потерявшийся семейный ребенок. Пришел бы, поплакался бы, объяснил про тетку Галку, про больницу и попросил, чтоб его накормили. Но жилище все не попадалось.

Мир был так неподвижен, что Кольке иногда казалось, будто он перемещается по фотографии.

На редкой для луговой речки стремнине плот развернуло поперек фарватера и боком увлекло под неширокий настил бетонного моста. Колька сосредоточился на управлении своим ненадежным плавсредством и упустил из виду окрестности. А между тем на мосту стоял с распахнутыми дверцами черный джип. Опустив ноги из авто на раскатанный асфальт, в пассажирском кресле машины скучал мужчина лет тридцати, в клетчатой рубашке. Одна рука его была пристегнута наручниками к ручке над дверцей. Из глубины салона поблескивал стеклами очков похожий на студента странный субъект с книжкой в руках. Рядом с машиной, облокотившись о перила моста стояли двое в черных кожаных куртках. Это были верзила Клон и художник Тик. Дождавшись, когда Колька на своем бревне вынырнет из-под моста, Клон очнулся;

– Эй, пацан! Подь, че скажу...

Колька оглянулся и после секундной заминки, причалил к берегу.

– Зацени, Андрюха, – отодвинулся Тик, давая возможность мужчине в наручнике видеть Кольку.

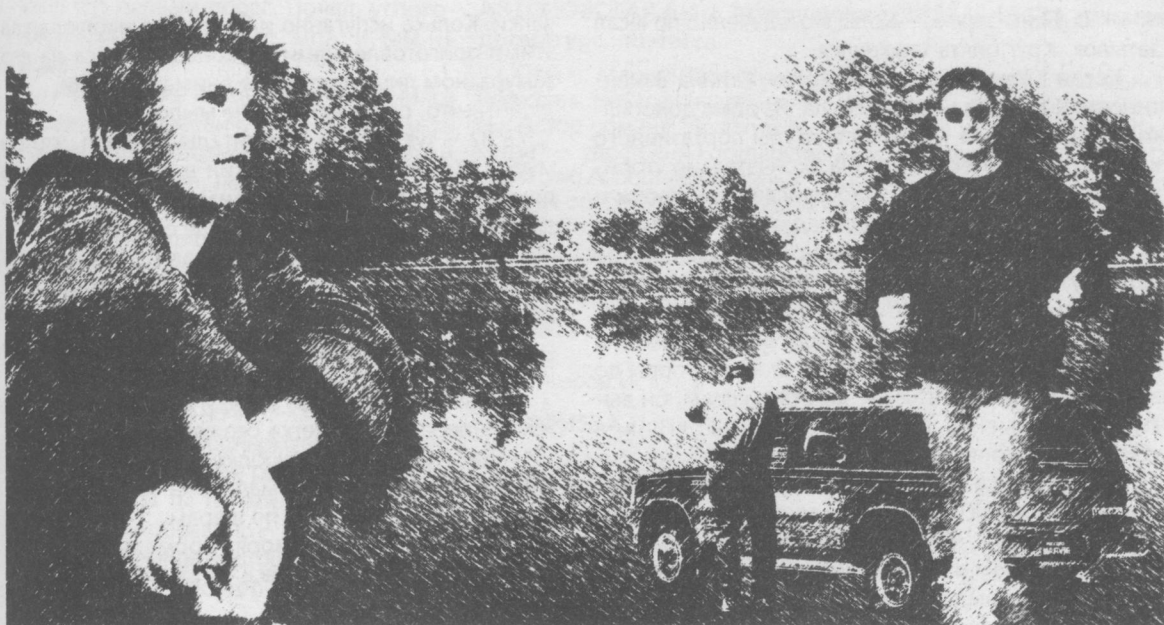
Андрей встал, потянулся, разминая ноги, и бросил ленивый взгляд на Кольку.

Колька спокойно наблюдал, как двое в кожанках, позвав его, тут же будто по команде оглянулись на возникшего над настилом моста парня в клетчатой рубашке. Лицо парня ничего не говорило Кольке, и тем не менее тот уставился на Кольку, будто увидел что-то невероятное. Впрочем, смятение длилось короткое мгновение. В следующую секунду парень скучно произнес;

– Первый раз вижу. Леди, кто следующий в нашем серпентарии? Вы мне собираетесь всех встречающих пацанят показывать?

– Заткнись!... – буркнул Клон, и парень исчез из поля зрения Кольки.

– Далеко до Белозерска? – поинтересовался у Кольки Тик.

– Очень недалеко, – вежливо ответил Колька, – Совершенно здесь, рядом.

Бандиты переглянулись и еще долго смотрели вслед уплывающему Кольке. Наконец Тик длинно плюнул в воду, цыкнул зубом и заявил;

– Не наш пацан. Этот продвинутый шкет, а наш босяк...

– Думаешь? – проворчал Клон, косясь на Андрее. – Ну чего нафуфлыжился? Не бойсь – жить будешь. Покажешь нам своего сопляка и дуй себе дальше.

Из глубины машины вдруг возник странный субъект в очках и взволнованно произнес, обращаясь к Клону;

– Vous etes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire...¹

Никто ничего не понял, но Клон на всякий случай попросил субъекта заткнуться. На это субъект проворчал «delirium tremens»², и покорно вернулся в автомобиль.

– А ля гэр, как а ля гэр, – заметил Андрей, что значило в переводе с французского «на войне как на войне», удивленно провожая взглядом очкарика. Но тот или не расслышал, или в произношении Андрея эта расхожая фраза не угадывалась...

– Кончай материться... – буркнул Клон. – «Хер, хер...» Я этого не люблю.

Настала ночь...

Колька причалил под обрывом. Тут, на узкой песчаной полоске земли, он чувствовал себя защищенно. Есть не хотелось. Голод жил в желудке. Желудок съежился, и вместе с ним съежился голод...

«А дома сейчас ужин...» – отрешенно подумал Колька и вспомнил маленькую кухню в своем вы-

думанном доме, четырехконфорочную газовую плиту, на которой в огромной белой кастрюле варится что-то вкусное...

И время стало тянуться. Колька сидел на плоту и старался не замечать, какое оно длинное. Старался не двигаться и не замечать ночь. Будто вот день. Ночь – это тот же день, но только темно. Да и не темно, потому что луна. Кольке хотелось думать, что если не замечать ночь, то и ночь не заметит его и пройдет быстро... Потом у него затекла спина.

«Искупаюсь! – решил Колька. – Что еще делать целую ночь? Хотя что-то буду делать...»

Вообще-то плавать он не умел, но неглубокая луговая речка катилась по ровному песчаному дну...

Колька улегся на воду. Раскинул руки-ноги. Звездное небо накренилось. Это неслышное течение качнуло Кольку. Но какая-то звездочка все равно не удержалась и свалилась с небосвода.

Неподалеку раздался металлический дребезг и словно голоса. Колька напружиненно вскочил. Прислушался. И ничего не услышал. Тогда Колька опять лег на воду. И закрыл глаза, чтобы не кренилось небо и чтоб с него не падали звезды. И лежал так, пока вновь не услышал голоса. Сомнений не было – где-то рядом люди. Колька вскочил и, разбрызгивая воду, бросился к берегу. Кричать он не решился. Да и как кричать – подойдет к обрыву, а он тут голышом. Колька торопливо напялил одежду и, цепляясь за торчащие из земли корни кустов и скальзывая, стал карабкаться вверх по обрыву...

Но к тому моменту, когда запыхавшийся Колька взобрался на берег, здесь, если кто-то и был, то ушел. Зато Колька разглядел вдалеке огни. Жилье! И он припустил в ту сторону. Налетел в темноте на заливной луг. Прыгая с кочки на кочку и разбрызгивая воду, пересек заболоченную низину и выбежал на шоссе. И в лунном свете прочел по складам на указателе у обочины;

¹ Кажется, вы директор компании, мсье. Не могли бы вы сказать... (фр).

² Белая горячка (лат).

– Пэ. Бело-зерск... – Колька озадаченно почесал затылок. Круг опять замкнулся.

Когда Колька постучал в дверь, Галина Валентиновна Селезнева еще не спала. Из дома доносился раздраженный треск клавиатуры портативного компьютера. Детектив Уткина окончательно утопила писателя Селезневу в многочисленных уликах и выводах. Следователь-ретроград, это необходимое украшение всякого детективного сюжета, устав ждать уткинских подсказок, возомнил о себе и предложил нравственно безупречный план расследования. И главное – убийца. Вот кто измучил писателя Селезневу. Вместо того чтобы до поры до времени изворачиваться и заметать следы, он вызывающе намекал с каждой страницы: «Ну я, я убийца, какого черта?»

Когда Колька первый раз постучал в дверь? писатель Селезнева набивала на клавиатуре компьютера такой текст; «Уткина подняла с тротуара расческу. В блеклом отсвете вечерних фонарей можно было прочесть выдавленную на ней золотом заглавную латинскую букву «D».

– Не иначе ее забыл на месте преступления Джексон, – подумала Уткина...»

«Как он мог?! – возмутилась писатель Селезнева, – Это же такое очевидное доказательство! Впрочем? Джексон всегда был эстетом и снобом. Мог и выронить. Эти его зачесанные назад, покрытые гелем длинные волосы, которые он любит расчесывать, пристрелив очередного бедолагу...»

Колька во второй раз постучал в дверь ...

«Где-то стреляют, – отметила про себя писатель Селезнева/ – А вдруг Джексон – женщина?! Тогда это объясняет его привычку наводить глянец. Этот процесс так успокаивает нервную систему... Джексон – женщина; сильный ход!»

– Джексон – женщина... Какой бред! – проговорила Галина Валентиновна и, оставив компьютер, подошла к окну и выглянула на улицу. У крыльца маячила неясная тень. В первый момент Галина Валентиновна решила, что это бедовый Джексон просочился в Белозерск. Но она тут же прогнала эту бедовую мысль.

– Это было бы слишком... – проговорила Галина Валентиновна. Нельзя было понять, что именно ее удивило; способность Джексона отыскать ее в Белозерске или неподконтрольный экспромт собственного воображения.

Колька увидел высунувшуюся в окно тетку Галку и сказал;

– Галина Валентиновна, я... можно, будет считаться, что я у вас сегодня уже ночевал?

– Это ты? – тетка недоверчиво осмотрела грязного Кольку. По сравнению с чистой Джексоном Колька являл собой разительный контраст.

«Такой никогда не потеряет расческу на месте преступления», – вздохнула тетка и впустила Кольку в дом.

Впустила в дом и велела раздеться у порога. И стала греть воду. И готовить черпаки, мыло и мо-

чалки. Колька испуганно и брезгливо наблюдал за этими приготовлениями. Наконец гримаса на его замурзаном лице привлекла внимание тетки.

– Ты что, разве никогда не мылся?

– Я? – тут Колька моментально понял, что он мылся. Конечно, если он жил в таком хорошем доме, где была кухня, телевизор и диван, то там должна быть ванная комната, где он мылся.

– Всем нормальным детям нравится мыться. Эх! – тетка поежилась, – Чувствуешь себя свежим и легким! Эх!

– Но я ведь уже зубы чистю, – на тот случай? если тетка что-то напутала, заметил Колька.

– «Чистю!» И зубы, и руки, и уши, и ноги, и все тело! – перечислила тетка безжалостно.

– Да? Нет, я мыться люблю... – поспешно согласился Колька, а сам подумал; «Эка ее забрало!», – Только меня мыло лупит по шарам...

– Боже! Разве так говорят нормальные воспитанные дети? – возмутилась тетка, загоня Кольку в таз.

– А че я такого сказал?

– «Лупит по шарам», – передразнила Кольку, тетка Галка, – Надо говорить: мыло щиплет глазки, – и стала поливать его из кувшина теплой водой.

– Мыло щиплет глаза... – проговорил Колька. – Все-таки, это как-то стремно – глазки...

– Не стремно – а неловко. Или – стыдно. Что за слово «стремно»? Разве так говорят воспитанные мальчики из нормальной семьи?

Мыло все-таки попало Кольке в глаза, но он мужественно промолчал, потому что с некоторых пор был мальчиком из «нормальной семьи», который должен был себя чувствовать «свежим и легким! Эх!»

Педагогический напор одинокой и бездетной Галины Валентиновны Селезневой попал на благодатную почву. Нельзя было представить ученика прилежнее Кольки.

«Нет, это какая-то ошибка, – иногда думала Галина Валентиновна, – Этого просто не может быть, чтобы мальчик с такими манерами был уличным! Он действительно семейный. И, несомненно, из благополучной семьи!»

Все колькины промахи, тяжелые словечки или незнание элементарных гигиенических норм Галина Валентиновна именно и списывала на его болезнь. Она хотела заблуждаться, и Колька помогал ей в этом. Он запоминал и тут же повторял правильные хорошие слова. Он так тщательно и с такой страстью чистил зубы! Он больше не икал за столом и не ковырял пальцем в носу. Он даже научился пользоваться вилоккой...

А утром пришел доктор Валентин Андреевич и стал вежливо мучить Кольку разными хитрыми вопросами.

– Ты вот убежал, – говорил доктор, – ты зачем убежал из больницы?

Колька покосился на тетку Галку, но та приложила палец к губам, и он понял, что доктор имеет в

виду его первый побег. Понял, успокоился и пожал плечами, мол, и сам не знаю.

— Ну, как же не знаешь. — огорчился Валентин Андреевич, — Ты же зачем-то убегал. Ты, наверное, привык к такой жизни — свобода, лес, река... А?

Тут следует сказать, что Валентин Андреевич кое-что о Кольке знал. И теперь решил для успешного излечения напомнить ему кое о чем из его, Колькиной, прежней жизни...

— Как это «привык», — отбивался Колька. — Чтоб совсем одному, что ли, в лесу? Это я не привык. И ночью? — Колька вспомнил, как неудобно и одиноко ему было прошлой ночью на берегу реки, и поежился.

— Но ведь ты так жил... — настаивал Валентин Андреевич, — Плот, река... А? Костер. Запечешь картошечки, она пахнет дымком... — доктор не удержался и сглотнул.

Колька подумал;

— А где я ее возьму, картошку, чтоб ночью запекать?

— На огороде.

— В лесу?

— Зачем в лесу? Днем накопаяешь на огороде.

— Значит, украду?

— Ты даешь... — доктор почесал затылок, — Зачем красть. Так возьмешь. Откопаяешь, никто и не узнает. Хозяева далеко. Подумаешь, делов-то.

Тут тетка Галка многозначительно закашлялась, и Валентин Андреевич спохватился;

— Я не призываю так поступать, но ты так делал.

— Уже и не знаю, на что вы намекаете, — вздохнул Колька, — Вы сами подумайте, Валентин Андреевич, зачем мне тащиться куда-то среди ночи на огород, если я могу открыть холодильник и набрать еды.

— Где этот холодильник, где этот дом, где эта улица, где я поселен... — устало махнул рукой Валентин Андреевич.

Ему впервые приходилось решать, помимо медицинской проблемы, еще и нравственную задачу — если больной пациент Колька являл собой образчик добропорядочного гражданина, то, вылечив его, Валентин Андреевич превращал пациента в здорового, но бездомного скитальца и мелкого воришку. И уж наверняка Кольке тогда будет не до книжек...

(Окончание следует).

АНТОНОВСКАЯ Анна Арнольдовна (1885 — 1967), прозаик, драматург, поэтесса.

Оконч. Мариинское женское училище и школу прикладного искусства. Начала печататься в 1918. Писала стихи, очерки, пьесы. Автор романа "Великий Моурави" (1-я кн. — "Георгий Саакадзе" — удостоена Государственной премии СССР 1942 г.) По сценарию А. поставлен фильм "Георгий Саакадзе". До 1976 года была не опубликована ее "Автобиография (1885 - 1944)". — РГБ ОР, ф. 198, 13.7.

КЛЭ; Тавизивили Г. Анна Антоновская. Тб., 1958.

АНТУШЕВИЧ Виктория Иосифовна (1858 —).

Врач ордин. зем. психиатрич. больн. в Колмове Новгородской губ.

Венгеров.Источ.

АНУФРИЕВА Л.

«Рассказы». Кн. 1. СПб., 1908.

Венгеров. Источ.; РНБ.

АНУЧИНА

Сотр. "Рус. Вестника", 1810-х гг.

Венгеров.Источ.

АНЦЕВА Татьяна Рейнгольдовна, авт. воспоминаний.

Педагог, заведующая школы. "Частное учебное заведение в деревне Усть-Рудицы Петергофского уезда". — Санктпетербургский земский вестник, 1905. № 11\12, с. 69-79.

ИДРДВ. Т.4, Ч.3. № 6213.

АНЦЫФЕРОВА Н. (псевд. Заблоцкая) М.Б. это Волохова Н.Н. (см.)

Масанов.

АНШУКОВА Т

Авт. кн. "Черногория". М., 1910. Изд. Сытина.

РНБ.

АПОЛЛИНАРИЯ (Анна Сергеевна Банина), в схеме Амвросия (1825 — 1906), мемуаристка.

Игуменя. "Автобиография". — Тверские епарх. вед., 1908. № 1\2 - 8.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 849.

АПОЛЛОНСКАЯ Инна Александровна (урожд. Стравинская), театровед.

Артистка Александр. театра. Авт. кн. "Театр Ибсена". СПб., 1910. — Рец. в журн. "Новое слово", 1911. № 4. С. 158; «Христианский театр». СПб., 1914.

Венгеров.Источ.; РНБ.

АПОЛЛОНСКАЯ М.А.

Пер. «Двое, рассказы» Т.Манна. М., 1928.

АПОЛЛОНСКАЯ Розалия Карловна

(См. Грот, Р.К.)

АППАКОВА Дарджия Сейфулловна (1898 — 1948), прозаик, драматург.

Род. в д. Байгулово Уфимской губ. Оконч. учительскую школу и раб. учительницей. В 1928-43 жила и работала в Средней Азии. Активно участвовала в движении за раскрепощение женщин. Этому посв. ее первые рассказы. Авт. пов. «Вилошники» (1932), «История маленькой Бану» (1934), «Люли» (1937), ром. «Михнат» (1933-35), пьес «Ильдус» (1952), «Враг» (1939) и др. произведений.

Дет. писатели; Писатели сов. Татарстана. Казань, 1957.

(Продолжение на стр. 59)

Сентябрь

Нам!

Такие губы тонкие
Бледные,
Но жаром всосались
Любовью

В холодные трубы.

И взгляды совсем не конкретные
Еловыми ветками
Хлопают

С видом совсем не прошедшей простуды

Ресницы,
Как лес,
Заблудиться в котором достойно медведя,
Совсем не считают тех взмахов,
Что нам махаон яркокрылый приметил.
Он с видом поруганной чести разметил,
С лукавым

Величием

Будущих

Клятв.

Разметил:

С чертёжной доской,
На которой кругами квадратами
Строится прошлое –
нашему здешнему вняв.

Петроград

Сияет проспект
Пасмурным холодом,
Оранжевым светом ночных фонарей,
Мокрой брусчаткой,
Подернутой пологом.
Валяются стены мирских крепостей.
И вспоминает булыжник изглаженный
Мягкие ноги столичных гостей.

Заулюлюкали,
Бросились,
Сцапали
Лунные стрелки мелькнувших колодцев.
Там, где каналы гранитными лапами
Гладят колени бетонных уродцев.
Ты не смотри,
Я в сереющей вольности
Вижу осколки петровских иллюзий.
Здесь же в болоте
Им всем свою боль нести
В несправедливом
Брачном
Союзе.

Мои злые вокзалы
Несметностью шпал
Погорели в кругу пилигримства
В паровозном дыму
Под шинелевый вал
Торгашей красноносое свинство
Над солдатскою грозной кирзовой толпой
Заскрипела каблучная подать

И в лузганье старушечьем
Сморщенный вой
Продолжал неразборчиво топать.
Тут и там
Сиплый скрип ненамазаных ртов
Перегрыз прицепные вагоны.
И назад,
Где на крик
За тяжелый засов
Чернокрылые лают вороны.

То же

Ты карандашом
По грифельной доске,
Белоснежной простыне,
Царапаешь запятые и точки.
А надо
Дланью метровой
На опасной полынье
Выкорчевывать постные денёчки.
Не советую...
Права не имею.
Но всё же,
Так хочется рассказать
О выгоревшей душе
И о целых
Глазах
Тоже...

Ключицы болят
Безумие.
Страшные спицы в ключицах торчат
Саркофаги гнилых фараонов
Вопят
О предательском
Цыке
Кудрявых
Ягнят.

Невыносимо
Скучно
Скучились стены.
Валом пробились
Кряхтя теоремы
С указкой
И пальцем
Серым ногтём
Пьяным нытьем
Вонзились гвоздём
В гроздь отблёванной пены.
Мочалками
Тапками шляются
призраки
Тех
Кто
Пытались исправить днем
Ночных randevу
признаки.
Но не смогли
Потому что не доросли
До фиолетовых лун.
А
Захлебнулись
Женскими
Визгами...

Андрей ЛЕОНОВ

Империя бога Асара

Первые древнейшие государства – Египет, Месопотамия, Малая Азия, Индия и другие – появились, по историческим меркам, практически одновременно на местах первобытных поселений и имели сразу высокоразвитую культуру. При этом основные элементы культур разных народов очень схожи друг с другом, как будто копировались с одной «матрицы». Из этого логично предположить, что создателями древних государств была некая единая группа «архонтов», представителей древнейшей высокоразвитой протоцивилизации. Это утверждение соотносится с древними мифами, легендами и апокрифическими трактатами разных народов, в которых важное место занимает тема «первого времени» или «золотого века», когда великие боги «спустились» к людям и принесли им основы цивилизации. На это указывали и античные историки. Например, Диодор Сицилийский пишет, что однажды с неба спустились Боги и научили людей земледелию, горному делу, изготовлению орудий труда, астрономии, искусствам, письменности и многим другим полезным наукам и ремеслам. Происхождение этих легенд, по моему мнению, самым тесным образом связано с древнеегипетским преданием о боге Асаре, более знакомом нам в греческом произношении – Осирис.

Асар (Осирис) – великий бог Древнего Египта, один из девяти богов гелиопольского пантеона, который, как считается, положил начало культу «воскресающих» богов у разных народов Древнего мира, например финикийского Адониса, фригийского Аттиса или шумерского Думузи. Именно он принес, по преданиям, цивилизацию в долину

Нила в ту далекую эпоху, которую египтяне называли зеп теги – «первое время» (начало цивилизации). Согласно священной традиции, Асар был первым правителем Египта и отцом египетского народа. Во время своего царствования он, при помощи супруги Исет (Исиды), привел людей от первобытной дикости и людоедства к цивилизованной жизни. Он научил народ земледелию и виноградарству, добыче и обработке металлов, обучил медицине, строительству, учредил культ богов и ввел первый свод законов. Об этих славных деяниях повествуют античные историки Геродот, Диодор Сицилийский и Плутарх, которые были знакомы с древними папирусами и беседовали с египетскими жрецами. Об этом же говорится и в герметических (религиозно-философских) текстах, например, в «Деве Мира». Эпоха правления Осириса на земле рассматривается как самая счастливая и благородная. Сами египтяне очень почитали своего бога Асара (Осириса). Вот выдержка из древнеегипетского текста «Воскресение Осириса» (цит. по книге М. Э. Матье «Древнеегипетские мифы», 1956 г.).

«Восходит Осирис! Чист скипетр! Высок Владыка истины!.. Слава тебе, Осирис, Владыка вечности, царь богов! Многоименный, дивный образами. Тайный обрядами в храмах, чье имя пребывает в устах людей, издревле сущий для всего Египта. Знатный, дивный, первый среди знатных, с вечным саном и укрепленной властью. Могучий, прекрасный для Девятки богов...»

Но самое интересное в преданиях об Асаре (Осирисе) – это то, что его цивилизаторская деятельность, судя по всему, не ограничивалась тер-

Продолжение. Начало в № 3, 4, 6, 7, 2005

Остатки древнего Осириса в Абидосе (Египет)

риторией Египетского государства в долине Нила, а распространялась на весь обитаемый мир. Об этой «миссионерской» деятельности бога Асара отчетливо говорится в трудах все тех же античных историков. По свидетельству Плутарха, Асар, внедрив цивилизацию на берегах Нила, странствовал, подчиняя себе всю землю, и совсем не нуждался для этого в оружии. Большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Диодор Сицилийский также рассказывает о том, что цивилизация, зародившаяся в Египте, стала распространяться по всему обитаемому миру по личной инициативе бога Асара. По словам египетских жрецов, на которых ссылается Диодор Сицилийский, Асар, задумав снискать своими благодеяниями славу и вечные почести, собрал великое войско и предпринял попытку пройти весь населенный людьми свет, в чем и преуспел. Также и Геродот отмечает, что в момент рождения бога Асара некий голос изрек: «Владыка всего сущего является на свет».

Из приведенных описаний видно, что бог Асар наделен чертами вполне конкретного исторического персонажа. Сами египтяне признавали, что великие боги Асар (Осирис) и Исет (Изида) появились как цари в человеческой форме. Легенды о мировой цивилизаторской деятельности Асара вполне объясняют упомянутую выше схожесть древних культур разных народов, восходящих как бы к одной «матрице». По моей версии, Асар не являлся сугубо региональным богом Древнего Египта, а был одним из наднациональных «архонтов», представителем неизвестной пока древнейшей высокоразвитой протоцивилизации, которая принесла культуру остальному миру. Это предположение может иметь принципиальное значение для понимания исторической панорамы Древнего мира, поскольку Асар мог быть первым «императором» в мировой истории,

объединившим все древние обитаемые земли и внедрившим на этих землях основы высокоразвитой цивилизации. Не исключено, что древнеегипетские номы (административные единицы) охватывали не только территорию Египта, а распространились по всему обитаемому миру. Эта первая священная «империя» Асара явилась эталоном для последующих мировых империй, которые перенимали впоследствии ее атрибуты. На мой взгляд, можно выделить несколько таких атрибутов, по которым видно, насколько широко «империя» Асара распространила свое сакральное влияние не только в Древнем мире, но и далее через тысячелетия.

Во-первых, это легендарный имперский знак в виде орла или сокола с распростертыми крыльями и солнечным кругом в центре. Наиболее древние из известных государств – Древний Египет и Шумеро-Аккадское царство уже изначально обладали этими «эмблемами». Там этот символ царского достоинства можно назвать крылатым солнечным диском, поскольку хищная птица, по мифологии, олицетворяет солнце. «На орлиных крыльях» покинули дети Израиля Египет. Также этим символом обладали Ассирийская, Хеттская и Вавилонская империи. Великая Персидская империя под знаком орла подчинила себе Древний мир. Древнегреческая, Древнеримская, Византийская, Монгольская, Российская и, наконец, наиболее современная Американская империи, хотя и разделены веками, неизменно используют эмблему орла как символ имперских притязаний и принадлежности к числу великих держав.

Еще одним атрибутом, связанным с богом-царем Асаром (Осирисом), является культовый монумент в его честь, который по-гречески называется Осирисом. В египетском городе Абидосе, который с глубокой древности считался престолом Асара, есть «циклопический» Осирис, который возведен в древнейшие времена из огромных блоков невероятного размера и массы. Монумент представляет собой заглубленную под землю каменную платформу – «остров», со всех сторон окруженную каналом, наполненным водой. Первоначально над этой платформой-«островом» имелась также крыша, поверх которой был насыпан холм и росли ивы – священные деревья Осириса. Таким образом, Осирисом представлял собой окруженный водами «подземный» остров, над которым возвышался холм-курган. Смысловая нагрузка этого священного сооружения малопонятна в рамках классической египтологии. Из преданий известно только, что платформа-«остров» связана с пребыванием там бога Асара и его дальнейшим воскресением. По моей версии, монумент Осирисом является эманацией (сакральным олицетворением) древней прародины бога

Асара. Эта древняя прародина представляла собой священный остров (или острова) среди вод древнего моря, как о том повествуют мифы всех народов мира. Поскольку эта древняя земля затонула в результате природного катаклизма, то и платформа-«остров» Осиреона символически располагается под землей. Холм над Осиреионом означал спасительную гору, к которой причалил корабль-ковчег «архонтов» после скитания по водам потопа. В едином комплексе монумент символизирует и затонувшую древнюю прародину «архонта» Асара, и его спасение-«воскресение» из вод потопа на легендарной горе. Соответственно монумент Осиреон так же, как и другие монументы курганного типа, можно отнести к древнейшей традиции «спасения из вод потопа», описанной мной в предыдущем номере «Уральского следопыта». Таким образом, Осиреон можно назвать первым монументом «воскресения» в череде таких сакральных сооружений, как курганы, обелиски, стелы, соборы и так далее. До недавнего времени предполагали, что Осиреон в Абидосе является уникальным. Однако в 1999 году недалеко от пирамиды фараона Хафра в Гизе был обнаружен подобный памятник. Соответственно плато Гиза именовалось «Дом Осиреиса, Владыки путей Роста». Древнейший египетский город Гелиополь, судя по описаниям, также являл собой Осиреон. По моему мнению, наличие монументов – «Осиреионов» не ограничивалось только Древним Египтом. Многие священные сооружения, возведенные в разных уголках планеты, на мой взгляд, можно отождествить с идеей Осиреона (сочетание «острова» и кургана), что подтверждает глобальную цивилизаторскую миссию бога-царя Асара. К Осиреионам можно отнести, например, священные бассейны, окружавшие зиккураты в городах Древнего Шумера. Или огромный медный бассейн с водой во дворе храма Соломона в Иерусалиме, который также символизировал священное озеро. Осиреионами являются «святые» острова с монументами на многих как великих, так и малых озерах мира (Тана, Титикака, Ван и другие). В Древней Месопотамии широкая петля, образуемая реками Тигр и Евфрат, превращала эту землю в остров. Соответственно она являлась огромным природным «Осиреионом». Арабы и сегодня называют ее Джезира, что созвучно слову Осиреон. У древних кельтов озера и пруды освящались как вход в подземное царство, другими путями в мир сверхъестественного были древние ирландские курганы (sidhe), где, как верили ирландцы, мирно живут Боги. И у славянских народов слово «озеро» созвучно слову Озиреон и, по всей видимости, изначально было близко ему по сакральному смыслу. В России, несомненно, идея Осиреона присутствует в легенде об островном граде Китеж, ушедшем под воду. Все атрибуты Осиреона в класси-

Древнеегипетский бог-царь Асар (Осирис)

ческом виде проявляются и в уральском монументе «Каменные палатки» на озере Шарташ в Екатеринбурге. Список «Осиреионов» очень обширен как в географическом плане, так и по части стилистического разнообразия. Я полагаю, что этот культ бога Асара, сопряженный с культом древней легендарной прародины в виде острова среди вод, был обязательным атрибутом во всем Древнем мире. Таинства этого культа были доступны только посвященным и поэтому сокрыты во мраке тысячелетий. Вот, например, свидетельство Геродота о мистериях в древнеегипетском Саисе (цит. по книге «Геродот. История в девяти книгах», Л., 1972): «Позади святилища... в ограде стоят большие обелиски, и вблизи находится озеро, окруженное каменной стеной в форме круга... На этом озере по ночам они [почитатели культа] воспроизводят события жизни этой личности; египтяне называют это Мистериями: но по этим вопросам, хотя я и вполне знаком с их подробностями, я должен хранить благоразумное молчание».

И еще мое внимание привлек тот факт, что имена национальных богов и исторических личностей, наименования городов, регионов и государств восходят к имени «императора» Асара. Я считаю это еще одним атрибутом «наследников» Асара. При этом, конечно, в разных диалектах меняется произношение (тем более, что в древних языках слова записывались только согласными, и их «огласовка» очень произвольная), но «привязка» к имени Асара видна сразу и по фонетике, и по смыслу. От имени Асара происходят, со всей очевидностью, имена ассирийского бога Асура, иранского бога Ахура-мазды, древнейшего ирландского бога Аесара, скандинавских богов Асиров. В Индии, в различных наречиях, Бог именуется как Еашур, Эсур, Исвур и Ишвара по-санскритски. Аесар на древнем этрусском язы-

ке означало Бог. У евреев Аза означает «озаренный». В летописях египетского жреца и историка Мането легендарный ветхозаветный пророк Моисей называется именем Асарсиф (Асар-сиф). Многие месопотамские цари носили приставку Асур (Ашур), как, например, Асархаддон (Асархаддон), Ашшурбанапал (Ашшур-банапал), Тиглатпаласар (Тиглатпал-асар) и другие. В Индии также известен великан и чародей Асурамая. С именем Асара связано наименование государств, например, Ассирии, хеттского государства Кассара (К-ассара), Азербайджана (Азербайджан). Легендарный город Назарет (Н-азар-ет) также связан с именем Асара, так же как и культовый библейский камень Авен-Езер. Архивы фараона Рамзеса II упоминают город Асир в Хаанае, который получил название от одного из израильских племен, вернувшихся с Моисеем. Список подобных примеров можно продолжать долго. Важно еще отметить, что разновидностью имени Асар является слово Сар, древнее значение которого во многих языках также связано с царским саном. Например, имя легендарного царя Саргона (Сар-гона) Древнего, основавшего первую семитическую империю, означает на аккадском языке «истинный царь». От «Сар» происходят английские титулы сир и сэр (sir). Имя жены Авраама Сарры означает «царственная особа, принцесса» и в Библии говорится, что «цари народов произойдут от нее». Соответственно и русское слово «царь» и по смыслу, и по фонетике происходит от слова Сар (Асар), а не является производным от римского слова «цезарь», как принято считать в настоящее время. Подтверждение этому можно найти в старых хрониках: «...Они [русские] говорят, что слово царь взято из священного писания {...}, а эти слова Tsisar и Kroll — всего лишь человеческие измышления» (цит. по книге «Россия 15-17-го вв. глазами иностранцев», Л., 1986).

Из приведенных в статье соображений видно, что в древние времена образ бога Асара (Осири-са) мог иметь совершенно иную трактовку, которая не укладывается в рамки канонической исторической науки. Во-первых, это был не национальный египетский бог, а божественный царь-«архонт», представитель древнейшей протоцивилизации, принесший культуру на обитаемые земли. Во-вторых, его цивилизаторская деятельность не ограничивалась только территорией Древнего Египта, а распространялась на весь обитаемый мир. Это был первый древний «император», и его легендарное имя символически перенималось в течение тысячелетий многими народами, претендовавшими на имперскую или цивилизаторскую миссию. И, в третьих, идея «воскресения» бога Осири-са связана не с природными циклами увядания и возрождения природы, а является собой отголоски преданий о Великом потопе, когда

представители затонувшей древнейшей протоцивилизации спаслись от стихии («воскресли») на легендарной горе. Это символически отражено в монументах — «Осирионах», посвященных богу Асару, которые возводились по всему миру в пределах его «империи». Таким образом, легенда о боге-царе Асаре являет собой еще одну «неизвестную» страницу древней истории, которая свидетельствует о единых древнейших корнях общемировой цивилизации.

«Крылатые» символы древних империй Египта, Шумера, Персии

Наталья ПАНЬКОВА

фото Арсения БОРИСИХИНА,
Максима ФИРСОВА

Феномен уличной культуры

«Экстремальный, продвинутый, стильный, молодежный, городской...» — слова, которые характеризуют современную молодежь. А что все это значит, что отражают эти термины, и как проявляют себя молодые люди в наше время? Все на самом деле просто и наглядно, стоило только присмотреться повнимательнее к носителям молодежной субкультуры. А так как и сама я являюсь никем иным, как представителем этой самой прослойки населения, то сильно усердствовать мне не пришлось, чтобы изучить всю эту стихию.

На самом деле самовыражение в наши дни очень актуальное понятие и очень активно используется молодежью как на словах, так и на деле. Примером может служить фестиваль «Сникерс-Урбания», проходящий уже пятый год подряд под девизом «Свободное движение». Это летний молодежный фестиваль уличной культуры, где собираются люди по самым разным интересам и создают тем самым общую атмосферу единения. Современным языком выражаясь, все это действие можно охарактеризовать как трансформацию энергии прогрессивного «молодого» поколения в цивилизованную форму. Заинтриговали новые понятия или, наоборот, увидели в них что-то знакомое? Ну, тогда, я думаю, можно смело начать наши размышления. А начнем мы с вами, как это ни банально, но с определения понятия уличной культуры, хотя оно совсем даже не банально!

Уличная культура – культура города, протеста молодежи против сложившихся устоев, традиций в обществе, а также выявления новых граней личностного развития каждого. Городская культура представляет собой смешение многих стилей и направлений самовыражения молодежи, таких как брейк-данс, скейтбординг, BMX street (экстремальный тип катания на велосипеде, специальном между прочим, но об этом чуть позже), ролики, хип-хоп и сама тусовка. А вот собственно о тусовке мы и поговорим поподробнее. Для чего молодые люди собираются вместе на улице и проводят таким образом свое свободное время? Может, потому, что им больше нечем заняться, или некуда податься, или вообще им негде жить? Нет, просто молодые предпочитают городские просторы в силу их свободы, безграничности возможностей и разнообразия досуга. Ведь помещению давит на человека своими стенами, толком, соседями. А тут кругом зеленые насаждения (если это лето), горячий асфальт (опять же в летний период време-

ни), скамейки и близкие тебе по духу и интересам люди. Не рай ли?!

Молодежь всегда пыталась протестовать против повседневности и серости жизни, поэтому зачастую выражение их метаний носит андеграундный характер, то есть подвальный или нелегальный. Своего рода это определенная субкультура, которая и отличает этих людей от остальных. Тем более интерес к данной культуре возрастает все больше, в зависимости от того, насколько дальше она уходит от привычного стиля жизни основной массы людей. «Ты не такой, как все, ты отличен от массы, ты личность, и здесь твой дружба» – вот они, стимулы к самовыражению молодых людей, которые как раз и определяют эту культуру улиц.

А для еще более четкого представления образа уличной культуры во всей ее красе можно вообразить себя на роликах или скейтборде, а лучше всего, на велосипеде, и не на обычном, а на BMX. Велосипеды, предназначенные для данного стиля катания, как BMX, невелики по размерам, я бы сказала даже, что очень малы, если сравнивать с обыкновенным велосипедом. Но, не смо-

«Что такое уличная культура?».
Михаил – велосипедист-экстремал, занимается BMX, 19 лет:

«Уличная культура – все то, что касается экстремального спорта, хип-хоп. Очень радуется, что люди приходят на фестиваль осознанно, а спортсмены с каждым годом все активнее. Ведь главное – не бояться, а пробовать, и все будет круто!»

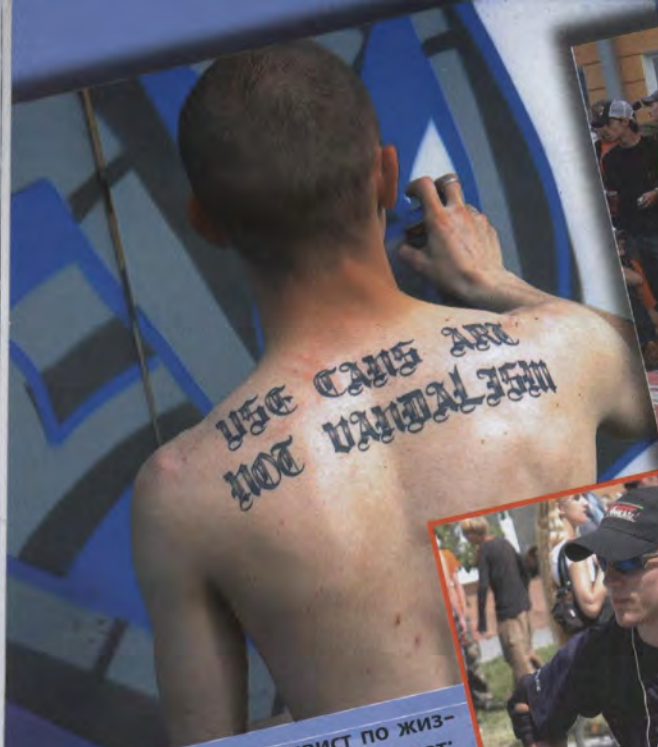
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Тря на его незначительные габариты, отчаянные ребята пытаются выучить на них немислимые трюки! Вот, например, такая экстремальная дисциплина, как BMX street, очень зрелищна и травматична, но, между прочим, очень востребуема среди молодых людей, что особо заметно на массовых мероприятиях, когда на огромной площадке ступить некуда по причине вездесущности этих велосипедистов. Вот таков он, притягательный дух адреналина, познания себя и мира вокруг, дух улицы!

Можно приводить еще массу примеров, которые бы отражали все многообразие уличной культуры как таковой, так и ее представителей, что, кстати, я и сделаю сейчас. Ведь именно эмоциям человека говорят за него, некий пережиток одного становится близким по духу для другого посредством все того же общения. Приведу несколько высказываний людей, которые сумели, как и мы, поразмышлять на тему

Марина – активист по жизни, танцует брейк-дэнс, 19 лет:
 «Уличная культура – массы молодых людей и подростков, занимающихся экстримом. Люди на улице с пользой проводят время, а не шатаются по подъездам, курят и бездельничают. Радует, что проводятся подобные мероприятия и появляются все больше участников, что заметно способствует развитию молодежи. Увлекающаяся молодежь ак-

росток также может и курить, и пить, и не иметь цели в жизни. Хотя все равно плюсов больше чем минусов».

Павел – велосипедист-любитель, 23 года:

«Уличная культура объединяет простых людей по интересам. Для меня лично это развлечение, тусовка. Я катаюсь на велосипеде для удовольствия!»

На мой взгляд, очень интересные мнения довольно-таки разных людей. На самом деле уличная культура может иметь свои достоинства, так и недостатки, как и любая сфера

жизни общества. Для одних уличная культура – это жизнь, стимул к развитию, например, для самих спортсменов, которые ежедневно тренируются, познают новые возможности реализации себя в данной среде. Для других это подобно хобби, увлечению, носящему временный характер, типа времяпрепровождения или помешательства.

Таким образом, понимание уличной культуры очень индивидуально и зависит от степени ее открытости для каждого из нас. И если твой друг вдруг решил стать «экстремалом» при покупке скейтборда, то это его личный выбор, на то и существует данная культура, которая представляет собой полную свободу выбора каждого человека!

тивна, тем самым они реализуют себя в спорте. Хотя есть и свои минусы, такие как, например, для многих экстрим – это всего лишь прикрытие, то есть на самом деле, катаясь на велосипеде, под-

Краткая биографическая справка

Осипов Вадим Вениаминович
родился 8 мая 1954 года в Свердловске.

По образованию инженер-металлург.

В настоящее время – доцент
Уральской государственной архитектурно-
художественной академии, где преподает
креативную фотографию. Поэт.

Первая публикация в «Уральском следопыте» –
в №8 за 1999 год (подборка стихотворений
«Неуловимо то мгновенье...»).

Антология сербской поэзии XX века

Искусство поэтического перевода кто-то сравнил с рискованным бредущим полетом на самолёте, при котором и следовать всем мельчайшим изгибам рельефа местности невозможно, и уходить на большую высоту в свободный полёт нельзя – такое уж задание.

В самом деле, переводчик должен по возможности адекватно передать образный строй, особенности ритмики, звукописи оригинала, но сделать это на другом языке, диктующем свои законы, и облечь перевод в безупречную поэтическую форму.

Вадим Осипов,
член Союза писателей России

Десанка МАКСИМОВИЧ

Копаящий колодцы

Копаящий колодцы – он со мной,
в глубины каждый день уходим снова,
под землю он, а я – во глубь души,
и каждый день встречаемся с обманом:
до дна души мне не достать живой,
а он воды не видит родниковой.

Мы глубже опускаемся корней
души и жилы наслоений многолетних.
Нет смены ни копателю, ни мне,
и каждый час опасность все заметней.

Ну, а вчера копящий погиб.
Земля туда живого не пускает,
где виден снов ее таинственный изгиб,
а небо дно души туманом укрывает.

Копаящий погиб, и, может, потому
я снова в глубину души спускаюсь,
где две-три мысли разгоняют тьму,
а я копаю и копаю, и –
ищу себя саму.

Небесное золото

Вы, в полночь уснувшие крепко,
откуда вам знать,
как слетаются звезды
и стаей кружатся вокруг колокольни.
И только тому,
кто бессонно
очей не смежает,
известно, какого небесного злата
исполнены ночи.

Птица, которая не могла взлететь

птица сомнения долго вертелась, дул ветер
крылья ее – две раковины
неподвижные и ломкие
и она не могла взлететь

Птица сомнения смотрела
невидящими глазами изумленного ребенка
но взгляд ее проникал куда-то
и она впитывала пепел разрушения
искаженные лица и разорванные виды
и судороги соединения навеки разлученных
она видела и дальше –
а в сердце своем носила боли,
которые пронзили человека

Птица эта давно родилась
и стара как земля
напрасно звала она на праздник плясунов солнца –
солнце-то скрылось
и певцов звала напрасно – песня еще не спета

не верила, что придут – и не приходили

не могли они войти в ее узкое тело
меж раковин двух, сомнением сжатых
и полететь во всю силу спины окаменевшей
и разбить ту ночь, которая не давала ей взлететь

Молчание вещи

Все упорней борьба с немостою вещей –
камня дерева трав
словно глухонемые они – и попробуй язык разгадать
что у них не спроси – сам за них отвечаешь
Их молчание так неприятно –
в нем исконный скрывается мрак
тишина валунов полускрытых в земле
Мысль из вещи возникла – и двинулась в путь
меж вещей
их увидеть вдали, рассмотреть
и вовнутрь проникнуть
и слова разгадать, что из прошлого
в завтрашний день перейдут
чтобы страх неизвестности нам побороть
и пройти через тьму напрямую.

Эврем БРКОВИЧ

Дуклянская тишина

На стены высокие нет и намека,
Один лишь изящный, отесанный камень,
Земля равнодушна, равна и жестока,
Но города имя не стерто веками.

Здесь нет ни ворот городских, ни скамейки,
Со львами герба высоко над дворцами,
Врата для царей утонули навеки,
Но города имя не стерто веками.

Не видно базилики в роскоши римской,
И стражи во мраке над быстрой рекою,
Рабов, толчеи неизбежного рынка,
Но имя осталось под вечной рукою.

Ни дома властей, ни публичного дома,
Патрициев нет с боевыми мечами,
Не слышно по камню копытного грома –
Но города имя не стерто веками.

Миодраг ПАВЛОВИЧ

На солнцепеке

Башмаки солдатские на шее, сам босой,
безоружный, расстегнувшийся, свободный,
через вольные, спаленные поля,
по минированным, грязным нашим нивам
из окопов возвращаюсь я домой!

А у дома нет ни крыши, ни окна,
в доме пусто – ни горшка, ни табуретки:
что солдаты не разграбили, за тем
приходили расторопные сельчане!

Я к развалинам спиною прислонюсь,
там, внутри, трава да жгучая крапива,
Ни к чему-то мне и каменщиков звать,
да и крышей бесполезно заниматься,

в одуванчиках на солнышке сажу...
Вот и думай, в чем же истинная радость:
то ли здесь на солнцепеке и заснуть,
то ли здесь, на солнцепеке – пробудиться!

Любомир СИМОВИЧ

Вши

И без приказов по главному штабу,
и без команды лихих командиров,
и без пинков по солдатскому заду,
воя горнистов и залпов мортиры!

Им не звенят кошельком из траншеи,
их не пугают суды полевые,
денег не платят, не крестят им шеи –
сами сражаются вши боевые!

Вши атакуют по швам и на марше,
вплоть до глубокого тыла толпятся,
там, где парадом командует маршал,
вшами коварно отложены яйца!

Варят в котлах у стены Текериша,
в пору осеннюю, мрачную адски,
варят с дождем и капустой прокисшей
вшивый мундир перепревший солдатский!

Варишь и гладишь, сжигаешь постылых,
вываришь, зелья бросая ковши:
маршалы стены пробьют крепостные,
но города занимают – вши!

Вшивы солдаты, но вшивы и прачки,
ползают вши по горячему трупу,
в небе над липой, – а как же иначе! –
ищутся ангелы, чешутся тупо.

Тот, кто напал, и держал оборону,
те, что погибли, преступны и живы,
воин святой – и забивший корову:
без исключения, вшивы и вшивы!

Будет испита превшивая чаша
всеми, достанется нашим и вашим:
свет пропадет в помертвевших очах –
кровь да навечно пребудет во вшах!

АПРАКСИНА Наталья Владимировна (1820 – 1853), автор путевых записок.

Дочь флигель-адъютанта В.С.Апраксина "Путевые записки во время поездки в Западную Европу", на франц. яз. Неопубл. – РГБ ОР. Ф.11. Разд.1, 49.25. "Воспоминания и дневники".

АПРАКСИНА Софья Петровна (урожд. гр. Толстая; 1800 – 1886), автор дневников.

Жена В.С.Апраксина, сестра обер-прокурора Синода А.П.Толстого. "Дневники". Неопубл. РГБ ОР. Ф.11, 38.9.10.

"Воспоминания и дневники".

АПРАКСИНА Юлия (псевд. Nixarba, Eibui).

Авт. кн.: Jllona. Paris, 1860; On a beau dire. Paris, 1860.

Масанов.

АПРАКСИНА-ЛАВРИНАЙТИС Софья Александровна (псевд. Мятужный, Сергей), драматург.

«Страна наша молодая: Комсомольская комедия в 15 эпизодах (По материалам кн. А.Зорич «Легкомысленная повесть»)». М., 1936. «Метель» Пьеса. По сюжету А.С.Пушкина. М., 1938. «Дядя Паша». Пьеса. М., 1938.

Масанов; РНБ.

АПРЕЛЕВА Елена Ивановна (урожд. Бларамберг; псевд. Ардов; 1846 – 1923), прозаик, переводчица, мемуаристка.

Родилась в Оренбурге, в семье генерала-геодезиста, Дом родителей посещала местная интеллигенция, включ. и полит. ссыльных; в доме бывал Т.Г.Шевченко. В 1854 году семья переехала в Петербург. Писала для детей, а в журн. "Семья и школа" печатала "Очерки Восточной Сибири". В 1872-75 гг., проживая за границей, общалась с дочерью Полины Виардо – Луизой Эритт, через нее познакомилась с И.С.Тургеневым. Один из первых лит. опытов – рассказ "Аполлон Маркович" – написан в Буживале и подписан псевд. Ардов – из анаграммы фамилии Виардо. Под воздействием Тургенева начала работу над романом "Без вины виноватые", При содействии Тургенева он был напечатан в "Вестнике Европы" (1877, № 7,8). Возвратившись в Россию, знакомится с И.Е.Репиным, которому позировала для картины "Царевна Софья". Печаталась в журнале "Дело", там опубликован и самый известный роман А. "Руфина Каздоева" (1884, № 1-5). В ее произв. критика отмечала гуманность идей и живость изложения. Представляют интерес воспоминания А. об И.С.Тургеневе, А.Ф.Писемском, А.Н.Серове, а также выдержки из писем Н.В.Шелгунова. Путешествуя с мужем П.В.Апрелевым по Украине, Крыму, Ср. Азии, печатала путевые заметки. Биогр. и портр. А. - в «Сборнике на помощь учащимся женщинам...». М., 1901.

Русские писатели (Ардов; портр); Венгеров.Сл.(Бларамберг); ИДРДВ. Т 3. Ч.4 (указ. имен); Шмаков.

АПТЕКМАН Дора (Доротей) Исааковна (1852 –).

Деятель револ. движ., врач. См. "Русская мысль", 1884. № 12. Псевд: "И – ва, Д." 0

Масанов.

(Продолжение на стр. 65)

НИ И Ч Ь Я

Фантастика

Все это хорошо выглядело в проекте: глубоководная лаборатория для исследования сейсмических колебаний морского дна. Звучит, а? В будущем вырисовывались интересные перспективы. Может, даже и землетрясения научимся предсказывать. Тот-то япошки «АтЛасом» так заинтересовались, даже денежку кое-какую подкинули. При наших ценах хватило аж на половину стоимости монтажных работ.

Только вот когда стены вокруг ходят ходуном, захлебывается пронзительным воем аварийная сирена, сыплются ворохом разноцветные искры, и, холодея, слышишь, как хлещет прорвавшаяся где-то вода, из головы разом вылетают все мысли, кроме одной: какой идиот решил строить станцию точно на тектоническом разломе?!

Жека очухался первым. Приподнялся на локтях, огляделся. Освещение погасло, работала лишь ава-

рийка, вполне акала. Понятно, что система понизила напряжение в сети – аккумуляторы не вечные же... но лучше б вообще не работала! Бледный, в мертвенную синеву отсвет аварийных ламп рождал причудливые тени.

Господи! Обстановка как в морге, будто и без того поджилки не трясутся.

Хорошо хоть нет такой же тишины: где-то вздыхает уже аварийный насос, а вот почти на пределе слышимости тоненько поют, надрываясь, сервомоторы. Автоматика блокирует какой-то из разгерметизированных отсеков, люк медленно ползет в паз, преодолевая сопротивление воды.

Надо бы посмотреть на схеме, где именно, но это потом, потом...

Сначала надо проверить, как там ребята? Трясло нас здорово. Боже, Машка, Дим...

– Эй, есть кто живой? Ребята!

Минуты за две перед первым толчком Машка

АЗИТА

забежала в пультовую что-то спросить. А они с Димом как раз возились с донными датчиками – насторожила его там цифирь какая-то. Не зря, выходит. Ничего, дай срок, накопим материала, будем землетрясения за полчаса предсказывать...

– Машка! Дим! Живы?

Тишина. Дыхание вроде чье-то слышно – или кажется только?

Так, Дим у дальнего пульта сидел, а Машка вон там была, у самого люка...

Девушка лежала неподвижно, свернувшись клубком. На виске багровела свежая царапина, еще мокрый с последнего погружения ежик коротких волос пропитался кровью.

Жека потряс ее за плечо:

– Машка. Машка... Эй, «машки-шоу», очнись...

– Что с ней, Жек? – послышался слабый голос. – Жива?

– Дим! Господи, Дим! Ты в порядке?

– Ничего вроде... Локтем вмазал куда-то со всей дури, да под ребром тянет. Ерунда. Что с Машкой?

– Не знаю... – Жека приложился ухом к груди девушки. – Сердце бьется!

В этот момент она зашевелилась, приоткрыла глаза.

– Машка! Родная! Ты как?

– Голова болит... – почти беззвучно пробормотала она. – Что случилось? Землетрясение, да? Ой, у тебя кровь!

Действительно. В суматохе Жека и не заметил – из раны на плече сочится красная струйка, а боли нет: так бы и ходил, если б Машка не сказала.

– Да, черт с ней! Главное, что с тобой все в порядке! Сейчас, потерпи.

Он осторожно поднял ее на руки. Машка застонала.

– Тихо-тихо... сейчас, сейчас все пройдет.

Жека аккуратно уложил девушку на узкую кушетку. Неизвестно кто и с какой целью притащил ее из медбокса в пультовую – все равно во время дежурств не до сна, – а теперь вот надо же, пригидилась.

– Дим, ходить можешь?

– Да вроде...

– Ребро не сломано?

– Жек, ну что ты, в самом деле! Не маленький я! Было б чего серьезное, я бы с тобой не разговаривал...

– Ладно-ладно. Посмотри, что там у нас. Хотя что-нибудь целого осталось?

Дим, кряхтя и морщась от боли, поднял с пола перевернутое кресло, уселся за пульт. Щелкнул тумблером аварийного питания, пальцы привычно побежали по клавишам.

– Наддув четко сработал, – сказал он через минуту. – Затоплены шестой и второй отсеки, но все перекрыто по аварийной схеме. Моментально. Не зря мы два месяца эту систему рассчитывали! Ворчали все: зачем, зачем... А она не подвела! Так, что там дальше... Насосы в порядке, можно радоваться

– в этот раз мы не утонем. Питание сдохло, пока тянем на аварийке, но это скорее всего обрыв в цепи, залатаем... та-ак... е-мое!

Дим осекся, нервно вглядываясь в дисплей, после паузы растерянно добавил:

– Хреновы наши дела. Жек, ты завещание написал?

Под димову скороговорку Жека суетливой наседкой хлопотал вокруг Машки, но, почуяв неладное в голосе оператора, резко обернулся:

– В чем дело?

Дим безвольно откинулся на стуле, вертел в руках полупустую банку кока-колы.

– Да, не тяни ты!

– А чего тянуть? Мы все покойники, ребята. Гарантированные трупы. Система жизнеобеспечения разбита вдребезги. И основная, и дубль. Даже если волнения наверху нет, если «Альтаир» крутится где-то поблизости и, поймав наш SOS, уже ломанулсся сюда, все равно доберется он только часов через тридцать.

– Точно разбита? Может, просто датчики откали. Надо проверить...

– Да, конечно... я схожу потом для очистки совести, посмотрю. Только вот камера в техзоне уцелела, и я сейчас ее, систему то бишь, вижу как на ладони. Вернее то, что от нее осталось.

– Та-ак, – протянул Жека. – Веселенькое дело...

– Жек, – Машка дернула его за рукав, – что-то не так?

– Наш аварийный запас, – выдавил из себя Дим, – если на троих считать, часов на двадцать-двадцать пять, не больше. И это при самой жесткой экономии – я знаю, сам расчеты делал...

– Да, я помню, ты говорил.

– ...Ребята с «Альтаира» найдут здесь только три посиневших трупа.

Жека сидел в медбоксе. Машке за пластырем пошел, да так и застрял. Мысли всякие одолели – куда без них?

«Хорошо, что по всей станции разбрелись. Не будем друг другу глаза мозолить. Выход есть, все его знают, только никто вслух не говорит. Еще бы! Как можно заметить лучшему другу или любимой девушке: на троих воздуха не хватит, а вот если одного исключить, если ты, например, умрешь, вдвоем мы дождемся спасателей.

Нет уж! Лучше я решу за всех. Командир все-таки.

Машка моя – самая лучшая на свете, зачем ей умирать. Я-то свое пожил уже, много успел, а она молодая совсем. Плохо ей будет, конечно, без меня. Зато останется жить... и, может быть, найдет наконец свое счастье».

– С детства мечтал, – неожиданно для самого себя произнес Жека вслух, – когда-нибудь повторить вслед за героем одного старого фильма: «Оказывается, в любви главное – не задумываясь, отдать жизнь за другого. Интересно попробовать».

«Вот и выпало попробовать. За Машку. Она намного лучше меня, у нее все впереди. Да и Дим – парень что надо, правильно будет, если он останется жить».

Жека стиснул в руке подаренную Машкой безделушку – подвеску из морской раковины, сглотив комок в горле.

Умирать не хотелось. Только другого выхода-то нет.

«Прости меня, Машка, и ты, Дим, прости... Вам будет больно, но вы поймете. Потом».

Где же здесь эти чудные острые скальпели?

Жека принес Машку в лабораторию. Полежи, сказал, не двигайся только – рана откроется, а я сейчас вернусь, сбегаю в медбокс, и вернусь. Залатаем, будешь как новенькая.

«Что-то долго его нет. Хороший он человек, Жека. Сам в крови весь, а в первую очередь обо мне думает. Как же я его люблю! Он самый добрый на свете... ласковый, самый лучший, он не должен умереть! Лучше уж я... Ради него я готова на все. Я существо никчемное, меня не жалко. Что я умею? Только нырять горазда, из костюма даже в городе не вылезая. Да таких тысячи! А Жека – один, самый-самый! Они с Димом справятся: восстановят станцию, и все опять станет, как раньше. Только без меня... Жеке будет, конечно, больно, зато он останется жить. Долго-долго».

Она поднялась, несмотря на головную боль, сунула в автоклав шприц. Потом поставила перед собой на столик жекину фотографию (вырезала тайком из «Сайентифик обсервер»), открыла шкаф с реактивами. Что бы такое смешать? Чтобы быстро и не больно?

Руки действовали сами, автоматически.

Странно, но ей почему-то вспомнился тот день, когда Жека, как обычно стремительный и неистовый, ворвался к ней, подхватил на руки и закружил.

– Решили, Машка! Решили, понимаешь! – восторженно кричал он.

– Да что случилось, объясни толком!

– РАН дал добро на станцию. Наш проект принят!

Неожиданно Жека остановил свой неуклюжий хоровод, взвесил Машку на вытянутых руках, заглянул в глаза и серьезно спросил:

– Поедешь со мной?

Машка стукнула его кулачком по плечу:

– Отпусти, медведище! Раздавишь!

– Скажи, поедешь или нет, – тогда отпущу!

– Да, куда ты без меня. Пропадешь ведь.

Пискнул автоклав. Машка вздрогнула. Ну, вот и готово. Надо торопиться, пока Жека не вернулся. Он все поймет сразу, постарается помешать, шприц вырвет, а то и, чего доброго, захочет то же самое для нее сделать ... Нет уж. Ему она умереть не даст.

Всю свою жизнь Дим считал себя эгоистом, думал о себе, о своих проблемах, карьере. А вот сей-

час решил сразу и бесповоротно – пусть ребята остаются.

«Лишнего, меня то есть, уберем, тогда им, голубкам, воздуха хватит. Они друг друга любят, все у них впереди. А я всю жизнь был один, стоит ли продолжать? Да и зачем? Хватит, Дим, покоптит воздух. Ребятам он нужнее».

Без подсказки решил, словно только и ждал такого момента. Жил ради него одного...

«Черт знает, какая-то подростковая чушь в голову лезет! Про подвиги думаешь, а, Дим? Брось, просто встань и сделай хоть раз в жизни что-то настоящее. Как? Да проще простого! Спуститься на два уровня вниз в рабочую зону – идти недалеко, хорошо, а то как бы не передумать по дороге... Потом

сам себя всю жизнь ненавидеть будешь».

Но почему-то он все никак не мог заставить себя встать. Если решил – надо делать быстро, пока Жеке не пришло в голову какой-нибудь общий сбор учинить или еще что. Тогда уж не до подвигов будет.

Как он, оказывается, тяжел, этот первый шаг в никуда...

«Ну, почему, почему в книгах все так просто!»

В рабочей зоне было пусто и спокойно. Карминовым глазком пульсировал аварийный сигнал, мерцала водная гладь бассейна, бросая на стены холодные голубые блики. В углу снулой рыбиной покачивался скутер.

«Помудрю со своим аквалангом – и вся недолга. Даже больно не будет, просто засну навсегда...»

Дим стащил со стеллажа акваланг, отсоединил регенератор. В неверном свете аварийки желтые цилиндры баллонов казались темно-рыжими, почти коричневыми. Как Машкины волосы...

«Она неплохая девчонка, конечно, только больно неприступная. Одному Жеке в рот и смотрит, ловит каждое слово. Невдомек бедняжке, что нужна она ему как рыбе зонтик. Он ее сюда притащил только потому, что привык к ней, так и сказал однажды: мне без нее, мол, работается плохо. Ага, как же. Жека и трубку привез с той же целью – хоть на станции курить и нельзя. Привык. Сидит, строчит отчеты, а люльку эту во рту мусолит. Его б воля, он и стол свой полутонный под воду бы спустил, чтобы все кругом на рабочий кабинет было похоже...»

А Машка еще надеется на что-то, глупенькая. Верность хранит. Тыфу!

Интересно, что ребята сейчас делают. Они же ничего не знают! Ну, про меня... про то, что я решил... Сидят, небось, горюют, помирать готовятся. Или любят напоследок. Как собаки. Обо мне и не вспомнят... неблагодарные!»

Его руки перестали затягивать клапан давления, остановились. Внутри закипало раздражение и ярость. Дим отбросил костюм в сторону, вмазал кулаком по стойке стеллажа.

«А с чего это я решил, что должен умереть? Ради кого? Ради этой безмозглой дуры, которая мне так и не дала ни разу, да еще и по морде засветила?! Или, может быть, ради хмыря Жеки, который всю свою жизнь задирает передо мной нос? Тыкает мне в лицо своими успехами, сволочь, улыбается... поглядывает свысока. Нет, он, конечно, ничего такого не скажет, но я же вижу – бездарь, думает, ты, Димочка. Бездарь и неудачник.

Ну, нет! Я еще лучше поживу. А этим голубкам самое место в раю, вот там пусть и воркуют.

Где тут их костюмы? Ага. Ничего ребятки, будет вам сюрприз».

Смесь с тихим, почти неслышным шипением стравилась до нуля.

«Датчик еще надо не забыть. Чтoб полный запас показывал».

Машка почти минуту неподвижно стояла над

давно уже готовым раствором. Рядом притаился шприц, блестел жалом, как охотящийся скорпион, ждал своего часа.

Наверное, в глубине души Машке больше всего хотелось, чтобы вошел Жека, понял все с первого взгляда, наорал бы, стукнул по руке, вырвал шприц, растоптал его, даже, может, ударил в ярости...

Как в тот раз, на Азовском море, когда она по глупости не рассчитала время, всплыла раньше срока, да и заработала кессонку. Хорошо хоть в легкой стадии. Жека тогда вlepил ей по первое число, отругал, грозился страшными карами. Обещал полгода в воду не пускать. Еле успокоили. А Машка слушала его громы и молнии и улыбалась: Жека волновался за нее! Значит, она ему небезразлична!

А Жеки все нет и нет. До медбокса – две переборки, куда он мог деться? Почему не идет?

Точно так же каждую ночь она, прислушиваясь к любому шороху, ждала его в неудобной подвешенной койке личного бокса. Каждую ночь она не знала, придет ли он сегодня, или снова засидится до утра со своими распечатками, уронит голову на руки да так и заснет.

Когда Жека позвал ее с собой на «АтЛас», Машка согласилась не раздумывая, поверив наконец в то, что он без нее не сможет, что она стала что-то значить в его жизни. Три года, с того самого памятного вечера в дайверском клубе, она ждала этого часа. И вот показалось, что дождалась.

Но здесь, на станции Машка четко поняла: она сама – лишь инструмент, привычный, знакомый, понятливый и исполнительный винтик жекиного научного энтузиазма. И ничего больше.

Ничего.

«Да какого черта!

Почему это я должна жертвовать своей жизнью? Ради Жеки? Дима? А почему не кто-нибудь из них?! Сволочи! Как и все мужики! Им даже и в голову не приходит отдать жизнь ради меня! Не смейся себя, девочка! Эти слизняки!? Один, напыщенный индюк, все талдычит, что любит меня. И где она, эта любовь?! Я, как последняя дура, поперлась за ним сюда в эту... черт, и слова нормального не подберешь... консервную банку, а он?! Целыми днями на меня и не посмотрит... все со своими бумажками возится... На меня – ноль внимания! Скотина! Только о науке своей и думает! Машка, сплавай туда-то... Машка, принеси пробы... Тыфу! Да я для него тягловая сила! Он на моем горбу нобелевки свои чертовы намылился строгать! Ну, нет! Не выйдет!

А второй! Этот похотливый гад Дим только и ждет момента, чтобы прижать меня в углу! Руки распускает, пришлось ему разок по морде врезать. Жаль, что следа не осталось! Мало я ему тогда дала. Надо было еще и коленом добавить...

Да эти ублюдки того не стоят! Нет, надо сделать по-другому...»

Машка зачем-то сунула пробирку в карман, подхватила с пола подводное ружье. Без этой пневматической игрушки она из станции не выходила,

– мало ли какая хищная гадость привяжется! Похуже, пришло время ее и на суше опробовать. Машка тронула кнопку перезарядки, стрелка, сверкнув оперением, скользнула в затвор.

«Сегодня я буду наносить визиты.

Сначала – в жилой отсек. Там уж точно один из этих... ошивается!»

Жека шел, сжимая в руке скальпель.

«Какая маленькая и безопасная с виду вещь! Наверное, подойдет. Вот и третий шлюз. Подождите, ребята, я уже скоро. Еще десяток шагов, и я – на месте. Тут хоть глаза вам мозолить не буду».

Звонко пыхнул гидравлический запор, уполз в стену массивный овал люка. Через порожек переборки хлынул поток воды. Она сплошным слоем покрывала пол тамбура. Астматически сипели насосы.

«Надо будет Диму сказать – течь в третьем шлюзе... Хотя чего уж теперь. Сам как-нибудь справится. Он мужик надежный и умелый. Мой лучший друг... Еще с институтских времен вместе. Прости, Дим, видишь, как все повернулось.

Нет, я точно знаю – все решил правильно. Мой

друг и самая лучшая женщина на свете будут жить дальше. Они того достойны».

Дим, потирая руки, вернулся в пульттовую. Здесь все осталось по-прежнему. Полутьма, изредка озаряемая красными всполохами аварийных сигналов, слабенькое мерцание немногих уцелевших дисплеев. Отчетливый запах озона, едва уловимый – духов «Шанель».

«Машка, стерва! Сколько раз говорили – не пользуйся косметикой, станция герметичная, голова уже болит твои парфюмы нюхать. Ну, ничего, недолго осталось. Ну-ка, где там наши пташки?».

Дим прогнал на мониторе картинку с уцелевших камер наблюдения. Кают-компания, она же столовая – пуста. Медбокс – пуст. Лаборатория... шлюзовая... рабочая зона....

«Стоп! А это что?»

Жека! Легко на помине! Дим даже присвистнул. На мониторе было хорошо видно, как он разблокировал третий шлюз, вошел в переходный тамбур. В руке у Жеки что-то подозрительно поблескивало.

– Ах ты, гаденыш! – вполголоса выругался Дим. – Ко мне, небось, идешь? Тоже жить хочется, паскуда? Ну, ничего...

Отшвырнув в ярости стул, Дим навис над пультом. Комп все еще разбирался с контролем повреждений. Трехмерная карта станции пестрила отметками о критических сбоях. Рядом медленно полз вверх список введенных в строй резервных и аварийных систем.

– Не время теперь, дорогуша. Сделай-ка вот что, – пробормотал Дим.

Проворные пальцы побежали по клавишам.

«Командный доступ».

«Введите пароль».

Дим отстучал намертво забытый в память аварийный код.

«Доступ разрешен».

«Шлюз 3. Блокировка».

«Операция выполнена».

«Шлюз 3. Деривационные насосы. Остановить».

«Полное затопление шлюза 3 через 130 секунд. Вы уверены?»

Дим выругался, с силой надавил клавишу «да»:

– Да, да, согласен я! Давай!

«Подтверждение получено».

И через мгновение:

«Операция выполнена».

Машка опоздала к третьему шлюзу минуты на полторы. Когда она подлетела к люку – было уже поздно. Рычаг надежно заблокирован, у потолка моргает багровое табло – «Разгерметизация». Машка досадливо ткнула кулачком в бронированную плиту.

«Черт, еще полчаса назад все было нормально! Что же делать? А-а, знаю! Вниз, в рабочую зону. К жилому блоку можно и вплавь пробраться. Даже лучше – оттуда эти подлецы меня точно не ждут».

Машка привычно, в три движения надела костюм, прокосолапила к бортику и беззвучно ушла под воду.

Холодно. И не видать ни зги – недавние толчки подняли со дна целые тучи ила. Только бы не заблудиться!

Она едва успела проплыть сотни две метров, как вдруг горло сдавило удушье. В ушах зашумело, легкие разрывались без глотка воздуха.

«В чем дело?! Нет, не может быть!»

Обезумевший взгляд вцепился в датчик давления – стрелка свободно колыхалась в зеленой зоне, у отметки «100%».

То-то баллон показался ей поначалу, на удивление, легким.

Дим увидел, как на маленьком мониторчике жизнеобеспечения несколько раз скакнула, потом суматошно задергалась и наконец вытянулась в нитку линия кардиодатчика.

«Ха! Вот и все, бедная «машки-шоу» сплавала в последний раз. А я выжил. Мне теперь воздуха аж на трое суток хватит!»

– Эге-ге! – заорал Дим почти в полный голос, – «Альтаир»! Можешь не торопиться, я подожду!

«Я буду жить! Это надо отметить».

Дим схватил с пульта недопитую банку кока-колы, влил шипучую газировку в пересохшее горло.

– Тьфу! Мерзость!

«Что за странный привкус? Выдохлась, что ли?»

Расплылись и побежали в разные стороны буквы на мониторах слежения, закружилась голова. Дим рухнул в кресло, хотел было встряхнуться, отогнать от себя неожиданную усталость.

«Головой, что ли, во время аварии приложился? Сотрясение? Вот черт, только этого еще не хватало...»

Неудержимо накатывалась темнота, мир лениво крутанулся несколько раз и исчез. Дим обмяк в кресле, банка колы вывалилась из рук, упала на пол, выплеснув на пластик немного мутной коричневатой жидкости. В дальнем углу валялась незамеченная Димом опустевшая пробирка, и все так же, едва пробиваясь сквозь запах озона, плыл по пультавой аромат духов «Шанель».

Жека с ужасом смотрел на поднимающуюся воду. Сначала он пытался отвернуть аварийный рычаг, сбил в кровь руки, но сейчас его словно парализовало. Вода все ближе... Вот она у горла, у губ, заливается в нос.

Обуреваемое инстинктом жить, тело требовало воздуха. Хотя бы еще один глоток!

Но поздно – несколько мгновений, и вода накрыла Жеку с головой.

В последнюю секунду он четко осознал, что самые близкие, самые дорогие ему люди, люди, ради которых он готов был отдать свою жизнь, безжалостно убили его.

АРАБАЖИНА Наталья Викторовна (псевд. Арабажин, Нат.), переводчица.

Пер. с польск. ист. пов. Г.Сенкевича "Крестоносцы". – "Сев. вестн.", 1897, № 2-6, 10-12; 1898, № 1-12.

Масанов.

АРАБЕЛЬСКАЯ Анна Александровна (псевд.: Ате и Бессо (в соавт. с Б.С.Ольшанским); Нью-Нью), драматург.

Авт. "Разбитое трюмо". Карт.-буфф. в 1 действ. Масанов.

АРАЙС Анна

Авт. пов. «Мой грех: Трагедия одного брака» Рига, 1934.

Алексеев А.Д.

АРАКОВА Е.

(См. Дмитриева Е.)

АРАЛОВА Мария Н.

Сост. сб. "Русские поэты о Пушкине: Юбилейный сб. стихотворений". (Спб., 1899). Авт. ст. «Пятнадцатый археологич. съезд в Новгороде» (Отт. из Изв. Археологич. комиссии. 1912. Вып. 44. Прибавление. С. 177-194).

Венгеров. Источ.; РНБ.

АРАПОВА Александра Петровна (урожд. Ланская; 1845 – 1919), беллетристка, мемуаристка.

Дочь Н.Н.Гончаровой от второго брака, жена шталмейстера И.П.Арапова. Авт. ром. "Загубленная" (Спб., 1910); "Кто же? Первобытная феминистка" (Спб., 1914); "Новые данные о деле 1 марта 1887 г." (отрывки из дневника). – "Каторга и ссылка", 1930, кн. 10(71), с. 137-143; автор статей о семейной жизни Пушкина; "Н.Н.Пушкина-Ланская". – В кн. М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с.265-267 (отд. изд. М., 1994).

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.2,ч.2, № 3273; т.3. ч.1, № 1329.

АРАПОВА Вера или Софья Александровна (урожд. Казакова).

Жена москв. обер-полицеймейстера. Авт. франц. книги о Троице-Сергиевой лавре (М., 1876).

Венгеров. Источ.

АРАПОВА Зинаида Васильевна (урожд. кн. Голицына; 1881 –), автор дневника.

Дочь дир. Московского Публичного и Румянцевского музея В.Д.Голицына, жена адъютанта ген. В.И.Гурко – П.А.Арапова. "Дневник" (1905, 1908-1917). Не опубликован. РГБ ОР, ф.12, 1.1 - 9.

"Воспоминания и дневники".

АРБАЧЕВА В.

(См. Горбачева, В.Н.)

АРБЕКОВА М.А.

Авт. сб. стихов "Деревенские досуги". Рязань, 1907.

Тарасенков.

(Продолжение на стр. 82)

Церковь св. Троицы
реконструкция фото Александра Галицких).

Храм в Билимбае

и его архитектор

Свято-Троицкая церковь в Билимбае необычна во многих отношениях, а ее архитектор считается одним из создателей уральской школы архитектуры. Сегодня здание церкви находится в аварийном состоянии, и о прежнем великолепии можно судить лишь по некоторым фрагментам здания и снимкам начала XX века.

Каменный Свято-Троицкий храм в заводском поселке Билимбае был заложен в 1820 году. Это был первый из трех «петербургских» храмов в Екатеринбургском ведомстве, в отличие от «уральских» и «московских» церквей. Вскоре также были возведены Никольская церковь в селе Кленовском и Михаило-Архангельская при Ревдинском заводе.

В краеведческой литературе создание проекта Свято-Троицкого храма приписывается зодчему А.Н.Воронишину. Аргументация же проста и незатейлива: «...ибо архитектура церкви была того же порядка, что и архитектура памятников Санкт-Петербурга». Такая точка зрения представляется ошибочной. Храм в Билимбае действительно был великолепен и самобытен – породу не спрячешь. И архитектор проекта замечательный – Иван Иванович Свиязев. Эскизы и чертежи Свято-Троицкого храма были созданы им в период с 1815 по 1820 год. Факт авторства подтвержден многими исследователями и сомнений у историков и архитекто-

ров не вызывает.

Иван Иванович Свиязев родился в 1797 году в селе Верхние Муллы Пермской губернии в семье дворового человека княгини Варвары Александровны Шаховской, урожденной Строгановой. Окончив полный курс гимназии в Перми, в 1814 году он поступил в Петербургскую Академию художеств, из которой через три года по указу Александра I был уволен – как крепостной. После этого Свиязев несколько лет работал домашним архитектором княгини Шаховской, пока Академия художеств не выкупила его из крепостной зависимости. С марта 1822 года Иван Свиязев был архитектором Уральского (Пермского) горного правления. Первый его приезд в Пермь совпал с периодом бурной реконструкции уральских заводов. После этого Свиязев несколько месяцев служил архитектором в новгородских военных поселениях. В Пермь он вернулся в 1826 году и десять лет работал архитектором Горного правления.

Сегодня Ивана Ивановича Свиязева считают ведущим архитектором Урала первой половины XIX века. Но его имя известно и далеко за пределами края. Он принимал участие в постройке храма Христа Спасителя в Москве, проектировал магнитную обсерваторию при Петербургском Горном институте, монетный двор в Екатеринбурге, реконструиро-

вал дом Пашкова (ныне Российская государственная библиотека) в Москве. В Перми им были построены: дом гражданского губернатора, комплекс зданий Пермской духовной семинарии, дом Благородного собрания, церковь Всех Святых на новом Егошихинском кладбище, колокольня Спасо-Преображенского собора. По проектам И. И. Свиязева построены церкви в Юговском, Билимбаевском, Ревдинском заводах, в селах Стефановском и Клевновском.

Будучи хорошим педагогом, Иван Свиязев издал первое в России «Руководство к архитектуре» и первый в России труд по отоплению зданий – «Теоретические основания печного искусства».

Иван Иванович Свиязев умер в октябре 1875 года, пройдя трудный путь от крепостного человека до тайного советника и академика. «Мы с полным основанием, – писал исследователь жизни и творчества архитектора А. С. Терехин, – можем считать И.И.Свиязева основоположником промышленной архитектуры..., одним из создателей уральской школы архитектуры и самым крупным теоретиком начала XIX века...»

Трехпридельная Троицкая церковь в Билимбае – одна из ранних работ мастера, она была спроек-

тирована Свиязевым еще в Петербурге. Вероятно, заказ поступил от Строгановых через княгиню Варвару Александровну. О связях Билимбаевского завода Строгановых со «своими» архитекторами и строителями свидетельствует и тот факт, что рабочие на нем были только из Прикамья, в основном из Соликамского и Оханского уездов.

Первоначально храм возводился как центрический. Такой тип христианского храма сложился в зодчестве Византии и был близок Свиязеву, являвшемуся одним из первых теоретиков и сторонников эклектики вообще и русско-византийского стиля в частности. Равносторонний крест основного объема завершен мощным аттиком – стеной, возведенной над портиками (галереями на колоннах или столбах), и подчеркнут циркульными вставками (без аттиков), заполняющими внутренние углы креста. Позднее к храму пристроили трапезную, на фасад которой был перенесен западный портик. Обрушившийся в 1823 году купол (скорее всего, причиной этого явилось строительство без участия архитектора) через десять лет был восстановлен. Трехъярусная колокольня была построена значительно позднее, в семидесятые годы XIX века.

Троицкой церкви, как и всем постройкам Свя-

Замена колокола 1912 г.
(реконструкция фото Александра Галицких).

Колонна Троицкого храма
(фото Анастасии Акифьевой).

зева, в той или иной мере присущи черты классицизма, господствовавшего в России в конце XVIII – первой трети XIX века, но с индивидуальным «почерком». Архитектура церкви монументальная, но при этом предельно точная и выразительная, необычна во многих отношениях. Это своеобразный образец позднего классицизма и ранней эклектики. Западный и восточный портики – одна из таких особенностей.

Западный портик шестиколонный, на всю ширину выступающего объема; восточный – тоже шестиколонный, но ложный; на северном и южном фасадах четырехколонные портики. Относительная идентичность решения западного и восточного фасадов является характерной чертой зрелого классицизма. Переменное расстояние между колоннами восточного и западного портика, резко сокращающееся к краям, *не имело аналогий ни в одном из сооружений того времени.*

Справочники по архитектуре до сих пор расстояние между колоннами считают величиной постоянной для каждой данной колоннады. Такое нетривиальное решение убедительно обосновывается разработкой участков стен между осями колонн – от полуциркульного проема в центре до глухой стены у крайних колонн. Подобная трактовка в известной мере нарушает строгость композиции и является своеобразным отступлением от норм петербургской школы, но подчеркивает *смелость и творческую свободу архитектора.*

Антаблемент – горизонтальная конструкция, лежащая на колоннах, не имеет фриза (то есть средней части, расположенной между артитравом и карнизом). Это в известной мере является отходом от канонов классической архитектуры. Зодчий сознательно не прибегает к нарочитым «украшательствам» – едва ли не единственные лепные украшения применены им только в отделке портиков.

Внутренний облик и убранство храма вполне соответствовали его внешности. Известный екатеринбургский общественный деятель и публицист Н.Г.Стрижев (родился в Билимбае в семье крепостного), в октябре 1919 года писал: «...Билимбаевский храм, особенно его средний придел, – величественное художественное здание, ... внимания заслуживают копии с картин художника Брюллова – Спасителя и Божьей Матери, оригиналы писаны Брюлловым для Преображенского собора, что на Аптекарском острове в Петрограде, где они находятся и сейчас. Копии художественные тоже, и писаны они, как отмечено в Билимбаевской летописи, местным художником А. С. Поповым. Но это неверно. Копии писаны усольским художником, крепостным гр[афа] Строганова...»

Другая особенность Троицкого храма – широкое использование в строительстве, отделке и интерьере здания художественного чугунного литья, изготовленного здесь же – на Билимбаевском чугуноплавильном заводе. Старожилы вспоминают, что художественно отлитыми плитами была выложена часть внутренних помещений церкви. Сегодня же в этом плане ярче всего заметны фундаментные плиты, а также основания и венчающие части колонн (капители), отлитые из чугуна. Их выразительность и пластика хорошо проработаны в металле и мало подвержены влиянию времени. Это и сегодня впечатляет так же, как и 180 лет назад.

А вот о состоянии всей церкви сегодня так говорить сложно – здание находится в аварийном состоянии уже многие годы. Да и разрушение в 30-е годы колокольни, а в 60-е годы купола основательно изуродовало творение мастера. Но до сих пор смотрит с портиков обезображенного храма всевидящее око, вселяя надежду если не в настоящее, то в будущее.

Памятная плита (фото Анастасии Акифьевой).

В ПОИСКЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПОЛЕТ НА ПАРАПЛАНЕ ИЛИ

Я подозреваю, что инструктор боялся лететь со мной, его смущала моя борода (вдруг запутается в стропах парашюта). Он долго мурзил меня, ссылаясь на ветерок (мое восприятие: ласковый). Ждал, не откажусь ли я, приехав по канатке на четвертый уровень — 2238 метров над уровнем моря — и глянув с этой высоты вниз.

Ждал, но не дождался.

Два года назад гидша по дороге на Красную Поляну традиционно завезла всю нашу экскурсию на пасеку, и я купил там пчелопродуктов. Хороших (диплом пчеловода давно имею и пасеку когда-то в Таджикистане держал). Потратился на пчелиную пыльцу да на маточное молочко. Но когда поднялись по канатке, я обнаружил, что с тогдашнего верхнего, третьего уровня (1500 метров) можно полететь на парашюте

(сидят и ждут с амуницией инструкторы, и очереди почему-то нет). На парашюте и даже без очереди — вот удача! Возликовал. Но вот незадача: до отлета на Урал оставался один день, и меня угораздило потратить на пасеке все деньги. Облом — говоря на жаргоне современной молодежи. Требовалась одна тысяча триста за экстрим на парашюте. Всего-то 300 рублей не хватало.

Два года я спал и видел не эротические сны, а видел себя парящим на управляемом парашюте, называемом парашютом. Это такое матерчатое летающее крыло, безмоторное и бесколесное, парящее в восходящих потоках воздуха и управляемое, если грамотно потягивать за стропы. И вот нынче полетел в Сочи только ради этого.

Аэрофлот предоставляет участникам Великой Отечественной войны льготу. Это не федеральная (деньгами замененная нынче), не бюджетная льгота, а благотворительная — толь-

ко в мае. Я четыре года пользуюсь ею, один из 70 оставшихся в поселке участников Великой Отечественной войны, руки и ноги у меня целые, а дырка в черепе позволяет и не то еще делать. Но лучше помалкивать, а то, — пусть инвалидность 2-й группы с 1944 года снятию уже не подлежит, — найдут куда направить. Хотя я там выкручусь, сам психиатр.

Нынче, записавшись на экскурсию до Красной Поляны, я на пасеке деньги не тратил, пчелиного маточного молочка купил пенициллиновый флакончик, не больше. Можно было, если бы знать, где посадка, добраться до Красной Поляны гораздо дешевле: из Адлера рейсовым автобусом, без экскурсии, всего за 33 рубля, но я поздно узнал об этом.

Высадившись из экскурсионного автобуса, бросился к павильону с соответствующей вывеской. Опять боялся, что будет очередь. Но очереди опять не оказалось. Узнал, что за два года канатный подъемник продлили до 2238 метров, на четвертый уровень. Поговорил с мужчиной, узнал, что это инструктор и зовут его Шишин Сергей. При нем достал из кармана свое богатство, которое значительно уменьшилось после фотографирования с мартышками на берегу моря в Адлере (но об этом особый и поучительный разговор). Пересчитал при нем: не посочувствует ли? Не посочувствовал. На халяву полететь не получается.

Странно, что на парaplане можно лететь без предоплаты. Удивился я. Но понял, что это оправдано. Заплатишь за ожидаемое удовольствие и поднимешься по канатке на 2238 метров, да как глянешь вниз с этой высоты, сообразишь, что памперсов с собой не имеешь, и раздумываешь лететь без такой "экипировки" и без самолета. Возись потом с возвратом денег за неполученное сладострастие экстрима и за невыделенный адреналин. Женщинам привычно оставаться без сладострастия, но я мужчина, эгоист и поэтому хочу получить все сполна.

Когда я рвался на гору Аибга, с которой надо, разбежавшись, оказаться в воздухе, я очень боялся, что потребуются медицинская справка, и последние кардиограммы, и еще что-нибудь (умеют у нас чиновники от здравоохранения придумывать бумажные препоны). Три года назад ударила мне в голову одна из физиологических жидкостей, задумал я прыгнуть с парашютом, обычным, с каким в стране и в мире десятки тысяч прыгали уже. Соблазнил объявлением аэроклуба в Екатеринбурге. Торопиться надо: прыжок стоил 200 рб, а потом подорожал. Пришел, отрекомендовался. Ответили: до 40 лет — "зеленая улица", а после 40 лет — индивидуальный подход. Я обрадовался принципу индивидуального

подхода. А то ведь у нас в поликлиниках как? Смотрят на анализ мочи, а на личность не смотрят. Ну, еще манжетку наматывают на руку и давление измеряют. Вместо того, чтобы поговорить. Разговаривать им некогда, терапевту и невропатологу дается 12 минут на одного посетителя. Не хочу их обижать, не ими предусмотрено, а системой. А ее создали и блюдут люди в других кабинетах, нездешних.

Приехал на аэродром в Логиново, где асбестовские спецназовцы прыгают. И что же? Да не допустил врач меня. Вот сволочь! (редакцию прошу не вычеркивать. Фактически-то я и более "нежные" выражения применил по отношению к нему, хотя обычно непечатных слов не употребляю). Ремесленник! Перестраховщик! А мне его рекомендовали

как кардиолога. Я имел предусмотрительно при себе кардиограммы за пять последних лет и спортивно-медицинские документы. Но он и не подумал в них заглянуть. Спросил, сколько мне годиков. У вас косточки хрупкие, сказал. Как будто я вознамерился свои грациозно-кривые и обмороженные (в горах, между прочим, на альпинистском восхождении) ножки сломать. Ну не сволочь ли?

Так что немудреный психоанализ объясняет мою мотивацию, тягу к прыжку с парaplаном. Пока еще не с самолета, а с вершины Аибга, высота которой втрое меньше тех вершин, на которых я десятки раз бывал с рюкзаком и пешком (ну, не всегда, но приходилось и лазанием карабкаться). Какие мои годы! Всего 80. Мой ровесник Джордж Буш-старший, писали, в этом году тоже собирался с парашютом прыгнуть. Вот так надо отмечать юбилеи! А какая-то англичанка в свои 86 лет прыгала. Тандемом. Но она женщина, а мне надо не в тандеме, таковы мои гендерные (полороловые) особенности.

Теперь нуждаюсь в психологической личностной реабилитации после травмы, нанесенной перестраховщиком.

Если кто-нибудь из людей с другой философией и другой психологией осудит меня, я отвечу стихами великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького:

*А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут.
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют.*

Я не только здесь сталкиваюсь с оценками меня по паспортному возрасту, с дискриминацией по возрасту. Стайка барышень, пробегающая мимо, не воспринимает меня как сексуальный объект. А зря! Им по 18, я их понимаю. Они судят обо мне по своим дедушкам, кашлюнам и кряхтунам. Но мы, седо-

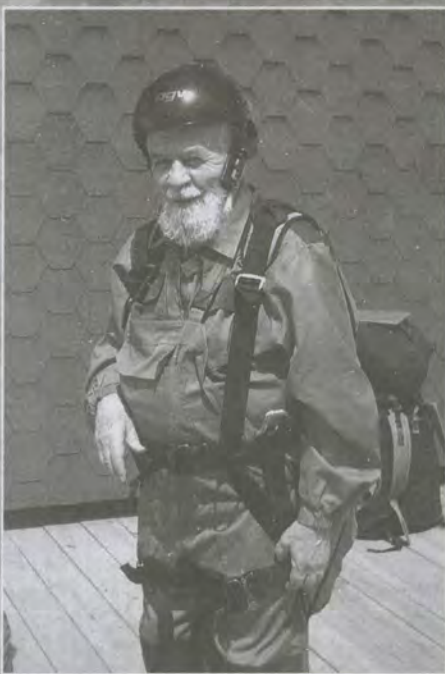
бороды, – разные. И прежде всего не по здоровью, а по отношению к жизни, к себе и к людям. По философии и по психологии.

Психология раньше была частью, разделом философии и только к концу 19-го века выделилась в отдельную науку, но остается тесно связанной с философией. Эти науки определяют стиль жизни, образ жизни, паттерн, модель поведения каждого из нас.

Я не ипохондрик, не стонота и даже не просто сангвиник. Я, скорее, гипертимный акцентуант. Объясняю. Есть психопаты, им трудно среди людей, и людям трудно с ними. Они – как зубчатое колесо, у которого вся окружность образована неправильными зубцами, представьте, как сложно складывается их сцепление с окружающими шестеренками в общественном механизме. Скрипы, треск, да и поломка возможна.

А может быть и так, что на окружности, в общем-то правильной, имеется один выступ, и только иногда выявляется несоответствие, неконгруентность с входящими в контакт шестеренками. Акцентуанты добиваются значительных успехов в определенной нише, но их постигает неудача, и они могут даже сломаться в нише неподходящей. Акцентуаций, как и психопатий, много. Перечислять не буду, пишу не научныйopus.

Гипертимный – значит мне свойственно повышенное настроение, нет склонности к унынию, а есть энергия, оптимизм, активность. Это приближается к свойствам шкалы 9 теста MMPI. Миннесотский опросник, в котором русскоязычный вариант содержит 566 вопросов, например: боитесь ли вы мышей? грозы? высоты? и понравилось ли бы вам охотиться в Африке на львов? Так вот, я высоты, как и грозы, и мышей, не боюсь, а на львов в Африке мне понравилось бы охотиться. Если и вы отвечаете на подобные вопросы так же, как я, поезжайте летать на парашюте. И памперсы вам не потребуются. Но 3000 рублей, увы, нужны. Плюс 600 рублей за подъем на канатно-кресельной дороге. Добираться

ся до Большого Сочи можно и не самолетом, а поездом, рейс Нижний Тагил – Адлер и другими.

Но что со мной было дальше?

Инструктор долго медлил с полетом. Я настаивал: полетим да полетим. Боялся, что погода может испортиться. Коварство погоды в горах, бывалый, знаю. Мне было приятно находиться на высоте, среди скал и снегов, но душа моя уже парила над ущельями.

Наконец он извлек откуда-то амуницию, два огромных рюкзака. Обрядил меня в комбинезон. Дескать, чтобы костюм мой не испачкать. Я про себя иронично подумал: может, вместо памперсов предусмотрено? Чтобы экологию горных склонов,

над которыми парить будем, не опоганить? Пряжки, застежки он на мне собственноручно застегнул. Закрепил на моей голове каску. К каскам я в альпинизме приучен. У нас на самую простую вершину без каски не пустят. Чтобы, если будут падать сверху камешки, разбивались бы они не об мою башку. Но здесь-то каска зачем? Когда будем парить, выше нас будет только небо. Представляете? Догадался я: чтобы не угадал в меня метеорит из космоса. Зарплата.

И задумался: а как же без страхового полиса?

В альпинизме без полиса, как в нашей поликлинике, ходу нету. Но все альпинистские вершины начинаются с 4000 метров, а здесь только 2238. Тут не сильно ушибеешься, если случится авария, шлепнешься с высоты этого бугра (пупыря, называют альпинисты) Постеснялся спросить Сергея, бывали ли у него и его товарищей несчастные случаи? Однако имею мысль для министра финан-

сов: как же можно упускать фискальный ручеек от моей страховки? Не спросил и о том, на какую сумму Сергей сам застрахован. Опережая события, скажу: слетал я без страховки.

Ни справки о здоровье не потребовалось, ни паспорта. Но спросил мои ФИО и год рождения. От-

вечая на этот вопрос, я затрепетал: а вдруг опять и здесь не гожусь?

Он достал лист бумаги: "Это инструкция, но читать не стоит. Лучше я вам сам расскажу. Но вы распишитесь". Я расписался. Я расписался своим врачебным причудливым почерком.

Когда мы свяжемся в тандем, я должен бегом бежать вниз по снежному склону, и больше ничего от меня не требуется. А я-то представлял, что он посадит меня на загорбок и... Ну, не в космос запустит, а в воздух.

Десятки зрителей на площадке четвертого уровня канатно-кресельной дороги и на прилегающем снежном поле смотрели на нас. Сергей расстелил на снегу парашлан и расправлял стропы. Я, альпинист, о чем он мной информирован не был, оценивал про себя это снаряжение. Строп, конечно, много, но тонюсенькие-то какие! Мои веревки на восхождениях толще, десятимиллиметровые или – вспомогательные – шестимиллиметровые, а этим шнурочкам можно ли доверить себя, любимого? Но молчу. Сами знаете: назвался груздем – полезай в кузов. Грозы и мышей ты не боишься, да и в Африке на львов стал бы охотиться. Но, конечно, еще не поздно отработать задний ход, спуститься вниз по канатке. Требуемые 3000 рублей я еще не заплатил. Но это я сейчас, рассказывая, приплел, а в действительности никаких медитаций насчет заднего хода во мне не было.

Хочу лететь!

Подготовка заняла, как мне показалось, полчаса. Если бы на мне были не обычные городские туфли-полуботинки, а какие-нибудь босоножки пляжного типа, топтаться в снегу было бы, сами понимаете, некомфортно. Так что учтите, если уже собираетесь.

Сергей подпятил меня к парашюту, прицепился ко мне сзади и скомандовал. Я рванул. Через несколько шагов по раскисшему глубокому снегу я сунулся в него носом. Инструктор на меня. Блин комом!

Но ни я, смущенный, не отказался от следующей попытки, ни он не отверг меня как участника. Снова расстилание парашлана, снова прицепился ко мне сзади инструктор (его еще именуют пилотом). Снова бегу вниз, волоча его за собой. Но через десяток шагов чувствую, что оторвался от склона. Лечу? Лечу! Вираз – и мы ныряем в проем между скал. Мы в воздухе! Пилот, натягивая нужные стропы, управляет летящим крылом, на котором мы вдвоем подвешены. Под нами два километра высоты. Сажу на лямках в некое подобии кресла, в мягкой лохани. Болтаю в воздухе свисающими ногами. Забавно. Когда обмундировывался, был разговор о туфлях. Не потерять бы в полете. Шнурки оказались достаточно длинными, обмотал выше лодыжки.

Вытаскиваю цифровой фотоаппарат, которым меня дома снабдили перед поездкой. Велено было, не ограничиваясь темляком, спрятать его в рукав комбинезона, чтобы не обронить на склонах Аибги. Фотографирую внизу ущелье, домики Красной Поляны. Люди-букашки, автомобили-букашки. Вытянув перед собой руку с аппаратом, фотографирую себя в полете. Конечно, только свою морду. Да и не

столько ее, сколько лишь бороду. И пилота захватываю. И край парашюта, несущего нас.

У Сергея в кармане телефон. Слышу, как кто-то с земли следит за нашим парением, сообщая параметры траектории. Снижаемся виражами. Как жаль: хорошо, но мало!

Парение длилось 25 минут, можно успеть выспаться в воздухе. Перед полянкой вытягиваю вниз ноги и мягко шлепаюсь на четвереньки. Сергей освобождает меня от комбинезона, от каски, достает из своего рюкзака мой пиджак с документами

и деньгами. Пишет записку в кассу, чтобы оплатить "за адреналин". Рукопожатие.

В павильоне две женщины впечатывают на компьютере в бланк выдаваемого мне сертификата мои анкетные данные. А я думаю, как бы на будущий год насоблечь опять рубликов, чтобы снова полетать. Повторить бы сразу, тут же, но... Проклятые мартышки!

Накануне, прилетев в Сочи (Адлер), я, конечно, прошелся по берегу моря, и попались мне парни с мартышками (или я им попался?). Предлагают сфоткаться с хвостатыми созданиями. А я давным-давно в Иркутске с чучелом тигра, обняв его, запечатлен был, но не с мартышками. За счастливый снимок моим же аппаратом — 100 рублей. Соблазнился я. А они (да еще попугай ара) ко мне не просто прижались, а суетятся, в нагрудных карманах шарят, пока я пылил в объектив. Когда вечером произвел ревизию своих финансов, недосчитался трех тысяч рублей. Дрессированные зверюшки! Одним словом, лопухнулся я. Так это называется на молодежном жаргоне? Или лоханулсся?

А если бы не мартышки, я, пожалуй, приземлившись, тут же захотел бы и смог бы снова повторить полет. Хотя он у меня, альпиниста, имеющего за спиной 55 горных вершин от 4 000 до 6 726 метров, выбросов адреналина не произвел. Но приятно. И парить в воздухе приятно, и сознавать, что, в отличие от многих, я парил, а не просаживал пятаки в игровых автоматах.

А на львов в Африке я еще, дай бог, поохочусь. Какие мои годы!

Вадим Викторович Касатский родился в г. Соликамске. После участия в Великой Отечественной войне в качестве лейтенанта артиллерии окончил мединститут в Перми. Ряд лет работал в колымских лагерях «Дальстроа» МВД. Имея десятилетний врачебный стаж, поступил на юридический факультет Ленинградского университета. Работал невропатологом медсанчасти главка «Севрыба» в Мурманске. На 4-м курсе юрфака был арестован госбезопасностью за статью «Против однокандидатности в советской демократии».

После шести месяцев под следствием, допросов в подвалах, попыток объявить его сумасшедшим был осужден по ст. 70 ч. 1 на семь лет строгого режима (высший предел санкции по этой статье). Вину свою не признавал ни на следствии, ни в суде. Освобожден в 1965 году, реабилитация последовала в 1989-м.

В последние годы занимался психологическим тестированием в Лаборатории прикладной физиологии высокогорья АН Таджикистана, одновременно работая сексопатологом Душанбинской консультации «Браки семья». Инвалид Великой Отечественной войны. Прозаик, поэт, автор многих поэтических сборников. Любит активный экстремальный отдых.

Ольга ВАКУЛЬСКАЯ
Иллюстрации Вячеслава МИКРЮКОВА

Но зверь ли он, с душою человека?
А человек, - в ком зверство есть внутри?
Не ошибись. Не прогляди подвоха
и выбором себя впредь не кори...

Из сборника стихов
"Израненные души"

Остров Тигра

Глава I

В России стояла осень, когда отчим повез нас с мамой к себе в Австралию. Мне было 17 лет. И я, достаточно взрослая, чтобы все осознать, считалась ребенком, который не имеет права голоса. В день отъезда, выскочив на улицу после объявления посадки, я замерла посреди крохотной тополиной аллейки, прощаясь с Родиной. Никогда еще не испытывала я такого безысходно-тоскливого чувства. Поднялся холодный резкий ветер. Он гулко зашелестел опавшими листьями, закружил их, поднимая над тротуаром, и проник мне в самое сердце. Пока оно выстывало, не победив беспомощность и обиду, палитра листвы обжигала взгляд. Обреченность осени только подчеркивала мое и без того тяжелое состояние. Взяв горстку красочных листьев, я прижала их к лицу, глотая слезы. Знала, что не смогу забыть их, как и всю прожитую здесь жизнь.

— Ты сошла с ума! — закричал отчим, хватая меня за плечи, — Заканчивается посадка!

Когда я вышла из самолета в солнечном и жарком Сиднее, в моей душе было мрачно и холодно. Я знала, что в австралийской столице мы пробудем всего день, а жить предстоит на западном побережье, в городе рыбаков и лангустов — Джералдоне...

Отчим был украинцем, хотя и родился на Абрэ-лосе, одном из скалистых островов западного побережья Австралии. Он — Петр Симко, но здесь стал Питом. Его поджарое смуглое тело вечно стремилось куда-то вперед. Руки были так же беспокойны. И жилисты, как у человека физического труда. Темно-русые волосы непокорно распались на прямой пробор. Он часто поправлял их, но как-то нервно, почти отчаянно. Видя этот жест, я всегда ощущала прилив искренней жалости к нему, но, конечно, старалась не показать этого. Самым тяжелым воспоминанием его юности была гибель на рифах отца и старшего брата, попавших в шторм

после вполне удачной ловли лангустов. И когда пришла пора выбирать дело, он решил жить в Джералдоне, маленьком, но очень богатом и симпатичном городке. Стал работать на одном из заводов по переработке лангустов. Для Лоры, его матери, такой выбор оказался спасением. После потери мужа и старшего сына она вновь воспряла духом. Карьера Пита на заводе складывалась на зависть многим, и уже через пять лет он продал домик на Абрэлозе и перевез мать к себе. Одним из значительных событий жизни, которым Пит любил похвалиться, стало и то, что в прошлом году он купил маленькую спортивную яхту и мог часами рассказывать о ней. А тому, кто слушал, стоило немалых усилий, поменять тему.

Дом в Джералдоне был прекрасным, но я, как дикарка, сразу забилась в комнату, отведенную мне, и не хотела выходить. Меня оставили в покое только первые три дня, а потом Пит потребовал, чтобы я подчинялась всем правилам давно сложившегося быта. Я спокойно стала завтракать, обедать, ужинать в отведенное время, но долго не могла смириться с тем, что он заставил меня ходить на курсы английского, в бассейн и на автокурсы. Ведь я довольно сносно говорила по-английски, нормально плавала, но ему этого оказалось мало, решил сделать из меня образцовую австралийку. Кроме того, даже в одежде навязывал свой вкус. Мама старалась во всем угождать ему. А я огрызалась, возмущалась, не желая становиться рабыней. Меня задевало, что Пит удивительно быстро превратился в своевольного и резкого человека. А от того милого и предупредительного мужчины, который старался угадать все наши с мамой желания и исполнить их (пока два месяца жил у нас в России), не осталось и следа. Возмущало и то, что он превратил мою маму, Екатерину Рубину, в Кэт. И я радовалась, что мое имя нельзя переделать на австралийский манер. И когда отчим попробовал называть меня Элис, сделала вид, что не слышу. Он очень громко сказал, что обращается ко мне. Тогда я отчеканила:

– Никакой Элис нет, а я – Альбина! Альбина Рубина! Прошу запомнить!

И ни прогулки по побережью, ни книги не приносили мне радости, я чувствовала, что все вокруг чужое. Меня тянуло в Россию так, как будто все мое существо осталось там, а здесь случайно оказалась лишь оболочка.

Желая показать красоты островной жизни, отчим однажды привез нас с мамой на Катрас, к своему другу Тому Линксу, с которым когда-то учился в колледже. Несмотря на уговоры Пита, Том не захотел жить в Джералдоне, а создал на острове свою небольшую компанию по ловле лангустов. Если дела шли хорошо и лангусты, сданные на завод Джералдона, приносили ощутимый доход, Том на несколько дней оставался погостить у Пита.

И теперь приезд Пита на Катрас был встречен

Линксами очень хорошо. Глава семейства был хмур и молчалив, а вот его сыновья – Кэвин и Тони, наоборот, все время глупо улыбались. По соседству с Линксами проживала семья Олдмэнов. Их сын Алекс, приехавший на неделю, учился в Сиднее, на экономическом факультете университета, где вскоре предстояло оказаться и мне, но на факультете биологии. Я не хотела учиться в Джералдоне, рвалась уехать подальше от отчима. Линксы, устроив ужин в нашу честь, пригласили в гости так же и Олдмэнов. Алекс оказался приятным парнем. И его родители мне тоже понравились.

После ужина, когда все беседовали о политике, экономике и погоде, я незаметно ушла на берег океана. На легких волнах покачивалось несколько баркасов. Светила ясная луна, и дул слабый теплый ветерок. Вскоре пришел и Алекс. Я так удобно устроилась на каменном узком пирсе, обхватив руками колени и вслушиваясь в завораживающий плеск, что скоро мне захотелось закрыть глаза и хотя бы мысленно, оказаться далеко. Конечно, мне грезилась родной российский берег...

– Как хочется поплыть на баркасе, – сказала я мечтательно. – Уплыть далеко-далеко...

Алекс встал, молча ушел в дом, а вернулся с Кэвином, который с важным видом взвошел на баркас Линксов. Мы с Алексом, улыбнувшись друг другу, последовали за ним. И я уже не отходила от Кэвина ни на шаг, желая научиться управлять баркасом.

– Зачем тебе это? У Пита замечательная яхта, учись лучше на ней! – крикнул мне прямо в ухо Кэвин, боясь, что я не услышу его из-за шума мотора.

Распрашивая Кэвина про множество островов, которые нам встречались, я иногда поглядывала и на Алекса. Он стоял рядом, внимательный и серьезный. Его умное и спокойно-сосредоточенное лицо было очень симпатичным, но немного грустным. Может быть, так только казалось на фоне хронически веселого лица Кэвина.

Мы вернулись, когда все в доме крепко спали. Заврашившись в постель, я принялась перебирать в памяти острова, которые увидела. Один из них, совсем крошечный, расположенный особняком, почему-то сильно меня взволновал. Захотелось побыть там хотя бы во сне...

Когда мой английский язык стал безупречным, автокурсы – окончились с отличием, а бассейн перестал вызывать раздражение своей обязательностью, Пит придумал новое испытание. Он захотел, чтобы я называла его отцом! Не имея родного отца, я, наверное бы, легко пошла на это, если бы он не обращался со мной так плохо. Часто кричал, устанавливал глупейшие правила, почти все запрещал, поэтому ничего кроме упорного сопротивления и неприязни не вызывал во мне. Однажды, читая в саду, я случайно услышала, как мама говорит с ним обо мне.

– Пит, дорогой, будь с ней помягче. Пойми, она

пошла в Рубиных, а там сплошь ученые, музыканты, художники... Она очень тонкая и ранимая, Пит. Я-то на работе допоздна, а ее воспитывала свекровь – патриотичная потомственная дворянка. Жизнь у старухи сложилась непросто, но из России не уехала... Что тут скажешь, глупость, конечно. За границей-то родственники есть, помогли бы. Но я, естественно, ни в чем ее не упрекала, она ведь нам всю себя отдала. А когда умерла, я просто перепугалась за Альбу! Они же были неразлучны... Ну будь помягче, Пит, умоляю...

– Надо было оставить ее в России, если не подхожу в отцы!

– Пит, не сердись. Постарайся понять. Мой первый муж, отец Альбы, был художником. И вечно противился всему устоявшемуся, незыблемому. Закостенелому, как он считал. Зато просто обожал вылазки на природу. Пока не забеременела, таскал меня за собой: и в лес, и в горы, и на плоту по рекам сплавляться. Я и тогда бы пошла, да он не взял...

– Как он погиб?

– На самый сложный уступ влез. Рисовал реку. Чусовая очень красива, но берега обрывистые, крутые, опасные... Поднялся сильный грозовой ветер. Вместо того, чтобы немедленно спускаться вниз, где безопаснее, стал спасать картину, палитру, вещи. И ливень начался страшный, камни сырые, скользкие. Не удержался и сорвался...

– Совсем один приехал туда?

– Нет, но друзья и его младший брат Анатолий внизу были, варили уху...

– Глупость какая!

– Альбе было пять лет... А скоро она стала проситься на природу с Анатолием. Ты можешь пред-

ставить маленького ребенка, который самостоятельно и упорно лезет в гору, отказываясь все время сидеть на плечах дяди? А когда, споткнувшись, падает в колючие кусты шиповника, даже не плачет, несмотря на расцарапанное лицо и ладошки... Я испугалась, а она хоть бы что. Цветочек мне тянет и еще просит, чтоб разрешила ей ягоду сорвать! Ты стал бы цветочком восторгаться в такой ситуации? Вот... Гора Волчиха, невысокая и легкопроходимая (для взрослого), так и осталась у нее любимой. Видимо, как первая, которую она покорила. И на Чусовую Альба поехала восьмилетним ребенком. Не остановило, что там отец погиб... Я все злилась, понять их не могла. Сидят, бывало, на какой-нибудь вершине, смотря вдаль, а в глазах такое неподдельное счастье, что я отворачивалась. Успокоюсь немного и думаю: дай тоже поозираюсь вокруг, может, пойму их блажь. А внизу только зеленая масса колыхается, как морская гладь, да кое-где черные прогалины вырубок борздят ее, и вышки высоковольтные застыли, как землемеры-великаны. Так и не поняла их щенячьего восторга перед каждым лопушком или светлячком. Уральские горы меня вообще изводили, изматывали. Никогда не любила по ним карабкаться. Правда, если привал, да и костер разведут, я успокаивалась, переставала раздражаться. Даже какую-нибудь похлебку, сваренную на костре, ела безропотно, лишь бы они подольше посидели на одном месте. А они-то в ресторане с такими восторженно-просветленными лицами не ели, как там. Ну блажной народец, нё от мира сего, что ж тут поделаешь... Анатолий-то вон как убивался, что Альбу увожу. Вот и запретила ему провожать нас...

Ты прости ей все выходки, Пит, она не виновата, что такая уродилась.

И отчим, не столько из-за уговоров мамы, сколько не желая отступать от задуманного, предложил прогулку на своей яхте, надеясь этим растопить мое сердце. Возможно, он понимал, что она уже снится мне по ночам.

Когда день настал, мы, рассекая лазурные воды океана, проплыли на прекрасной белой яхте мимо множества островов, ни разу не поругавшись в течение нескольких часов! Я внимательно следила за всем, что он делал, управляя яхтой. И сам Пит показался мне другим. О его крутом нраве напомнили только впалые суровые скулы, а темные глаза сияли истинным счастьем и невероятным спокойствием...

Причалив к одному из островов, отчим решил немного поплавать. А я мгновенно соскочила на берег и принялась обследовать остров. Он был великолепен! И не обжит. Но необитаемость только восхитила меня. Когда устала бегать, я улеглась на одной из прибрежных скал, глядя в неведомую, бескрайнюю даль неба и на океан, обворожительно красивый и спокойный. Мне не надо было мечтать о загаре, потому что кожа давно стала шоколадной, но я все равно потянулась к ласковому солнцу. Может быть, мечтала согреть свою одинокую душу...

Пит плавал у самого берега. Когда наскучило, вернулся на яхту и позвал меня. Я нехотя, но спустилась со скалы, чтобы не раздражать его. И тут обнаружила, что на мне нет шляпы. Побежала в заросли, крикнув, что скоро вернусь.

Продвигаясь осторожно, внимательно осматривая все вокруг, я услышала какой-то шорох за спиной. А оглянувшись, увидела в трех метрах от себя... тигра! Оцепенев и онемев от страха, остановилась, глядя ему прямо в глаза. Но взгляд хищника был вполне спокойным, что немного ободрило. Мы смотрели друг на друга несколько минут не шевелясь. Первой не выдержала я. И протянула навстречу ему руку, словно это была домашняя кошка или давно знакомая собака. Но удивительнее всего стало то, что он грациозно приблизился и, обнюхав, лизнул мне руку! Я была в полуобморочном состоянии. И, не соображая, вдруг погладила его по огромной голове. А он, обнюхав траву, невозмутимо улегся у моих ног, всем видом показывая, что не враг. И тогда я успокоилась окончательно. И, конечно, очень обрадовалась. Все мои познания в области зверей вообще и подобных этому – в частности, черпались из посещений (еще в детстве!) зоопарка и цирка. Но какое это могло иметь значение теперь, когда такой дружелюбно настроенный зверь почтил меня своим доверием? Я присела на траву и прислонила голову к спине тигра. Не скрою, мне было страшно, но в то же время и совершенно ни на что не похожий, просто неописуемый восторг переполнил меня!

Крики отчима заставили меня вздрогнуть, но

тигр остался спокоен и невозмутим. Я погладила его по крутым бокам и сказала с сожалением:

– Мне пора. Слышишь, зовут? Не хочется. Но Пит этого никогда не поймет. Если удастся, я снова приплыву на твой остров, дружище...

Он как будто понял меня, потому что, поднявшись, помотал мордой и снова лизнул мне руку. Я стремительно помчалась к яхте. А обратный путь запоминала в мельчайших деталях, потому что приняла твердое решение вернуться.

Глава 2

Какие-то сложности возникли у Пита на работе, и он пропал там допоздна. Я была предоставлена самой себе, и это несказанно радовало. Его депотичные манеры угнетали теперь не только меня, но и маму. Даже шикарные наряды, от которых ломились шкафы в спальне, уже не радовали. На ее милом лице, которым так восхищался Пит, пока жил у нас в России, все чаще появлялось обиженное удивление. Она перестала смотреть на мужа с обожанием, когда он пристрастился повышать на нее голос. А как-то утром – даже ударил! Я резко вскочила, назвала его австралийским чудовищем и, швырнув ему в голову большим ананасом, убежала в свою комнату. Он влетел следом и, схватив меня за шиворот, поволок обратно в столовую, вопя на весь дом.

– Если ты, мерзавка, посмеешь еще хоть раз сделать это, я утоплю тебя в океане!

И, утерев свой слюнявый и перекошенный злобой рот, добавил тише, увидев, что моя мама встала перед ним на колени, а ее глаза полны ужаса.

– Запомните обе: без разрешения вы здесь даже дышать не будете...

Старая Лора, высокая, дородная, с крупными чертами лица и прилизанными пепельными волосами, собранными сзади в клубок, неожиданно появилась на верхней ступени лестницы и с возмущением взирала на происходящее. Когда моя мама встала с колен, а я вырвалась из рук отчима, она сказала сыну, грозно сдвинув седые брови:

– Пит, ты забыл, чем все закончилось с прежней женой? Стоило ездить в такую даль, тратить на это огромные деньги, чтобы в конце концов Кэт тоже подала иск за грубое обращение. И получила наши деньги!

Отчим ничего не ответил, но с тех пор больше не распускал руки.

Когда стало известно, что я зачислена в Сиднейский университет, Пит пообещал мне недельную поездку в Россию. Но уже на следующий день заявил, что передумал, намекая на расходы. Расстроенная и обиженная, металась я по дому, ища ключи от яхты. Решила прокатиться до острова и вернуться к ужину. Погода стояла прекрасная. Океан был безмятежно спокоен и чарующе красив. Оставив свою машину на стоянке, я с замирающим сер-

дцем взошла на белую красавицу.

Когда остров Тигра замаячил впереди, вдруг подул сильный ветер, и начался шторм. Я поспешила в маленькую тихую бухту за скалистым мысом. Но мне никак не удавалось справиться с управлением. И тогда меня охватил страх. Шквалистый ветер чуть не опрокидывал яхту, а огромные черные волны старались накрыть собой не только эту маленькую скорлупку, но и весь остров Тигра, к которому я так упорно рвалась. Совсем потеряв надежду, когда рухнула мачта, я вдруг увидела, что какая-то чудесная и неведомая сила повернула яхту за скалистый мыс, а зычно ревушая, громадная волна немедленно подхватила ее и прибила прямо к острову. Нос яхты протаранил желтый песчаный берег и застрял в зелени травы и мха. Я укрепила, как смогла трос и сошла на берег, забрав с собой самые необходимые вещи, чтобы до окончания шторма расположиться на острове. Но поставить палатку не смогла. Накрывшись ей, как одеялом, уселась на крошечной поляне недалеко от берега и слушала рев волн, вздрагивая всем телом...

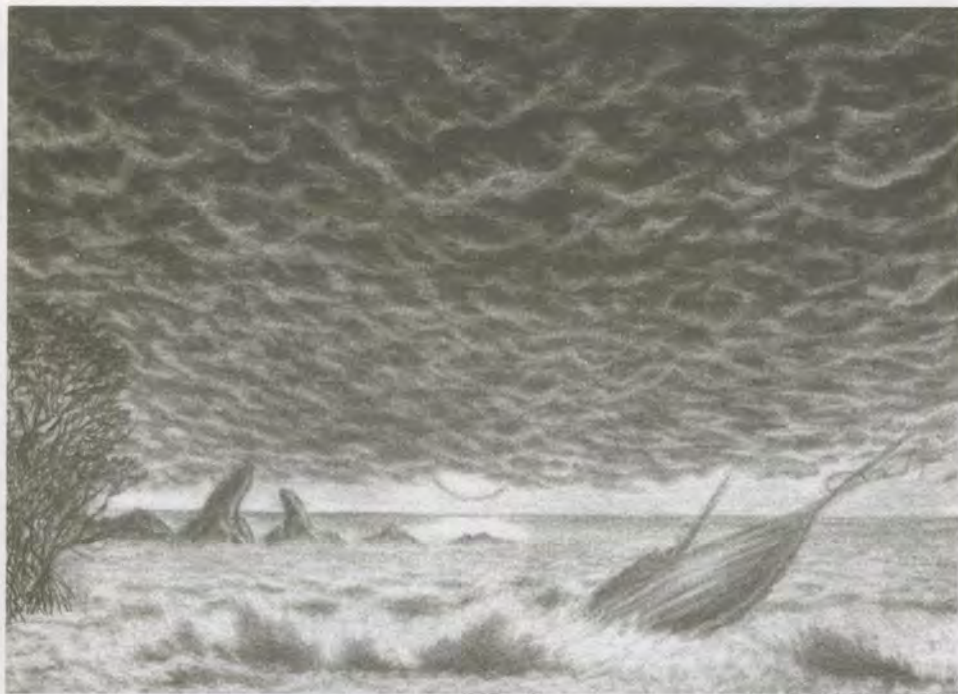
Я понимала, что меня начнут искать, только когда закончится шторм. А значит, предстояло пробыть на острове довольно долго. Много дольше того срока, какой я установила, отправляясь сюда. Вспомнив, что в рубке есть неприкосновенный запас еды, пошла за ним. С трудом вскарабкавшись на задранный нос яхты, я выпрямилась в полный рост. Но огромной волной, которая со страшной силой и диким воем рвалась на берег, а достигла яхты, накрыло и меня. Изо всех сил вцепившись в какой-то крюк, я сжалась от ужаса, но удержалась на палубе. А как только вода шумно отхлынула вниз, стремительно заскочила в рубку.

Нож, фонарь, спички, консервы, галеты, питьевую воду – нашла в непромокаемом пакете. Подняв его, поняла, что он слишком тяжел. Мне не дотащить его не только до поляны, но и до носа яхты. Отсортировав самое нужное, я стала выбираться из рубки. Дождалась, когда волна скатится обратно в океан, и резко бросилась к носу яхты, волоком таща сильно облегченный пакет.

Как только ярость штормовых набегов океана стала ослабевать, с небес хлынул проливной дождь. Он словно помогал шторму и грозил затопить весь остров, поломанную яхту и меня в придачу. Я огляделась по сторонам и увидела впереди холм, поросший деревцами эвкалипта. Срезав несколько длинных прочных веток, принялась устанавливать их внутри палатки, чтобы хоть как-то втиснуться в нее. Опять случилось чудо, и у меня получилось некое подобие убежища, высотой чуть больше метра. Я сразу влезла в него, уселась, не закрывая плотно вход, чтобы видеть яхту, а точнее то, что от нее осталось...

Шторм утих только к вечеру. Последние солнечные лучи, казалось, тоже обрадовались этому, и с готовностью осветили остров. Они скользнули по зелени растений, по одинокой разбитой яхте и по истерзанному штормом берегу. Не забыли и про скалистый мыс, обрамленный белой вздыбленной пеной. Поискрились, поиграли да и утонули в темных водах притихшего океана....

Рассвет встретил мое пробуждение смиренным покоем и ослепляющими солнечными лучами, которые, касаясь зелени листья, становились изумрудно-искристыми. Выбравшись из своего убежища, я побежала к океану. Плавая, все время смот-

рела: то на берег, то вдаль. Когда устала, пошла бродить по острову. Осмелевшие птицы наперебой выводили свои замысловатые трели, соревнуясь в мастерстве. Я заслушалась и натыкалась то на ветки, то на камни. Какое-то ползучее существо, похожее на варана, скользнуло мимо меня в узкую каменную щель. Я присела на корточки, пытаюсь заглянуть в расщелину, но ничего не увидела, кроме темного узкого лаза. Солнце стало уже нещадно жечь, когда я поднялась на огромную каменную глыбу посреди острова. Оглядев его сверху, решила вернуться к палатке. Мне показалось, что вблизи от нее зашевелился кустарник. Почти бегом добралась я туда, и мое сердце радостно встрепенулось.

Тигр лежал на траве, а при моем появлении поднял морду. Я мгновенно оказалась рядом с ним и, протянув руку, заговорила весело:

– Привет, дружище! Я скучала по тебе. Как ты? Где скрывался от меня вчера?

Не спеша полизывая мне руки и лицо, он показывал, что рад встрече. Нет, он не был диким. И, скорее всего, был прекрасно дрессирован, поэтому и так дружелюбен. Мне стало необыкновенно хорошо и спокойно. И лучше, чем в обществе некоторых людей.

Я назвала его Потти (составила из двух слов: покой и тигр.) Очень развеселило, что он сразу стал откликаться, и тогда я принялась бегать по острову, смеясь и крича с восторгом: «Потти, Потти!».

В конце концов мы оба устали. Я упала на ставшую уже родной лужайку, зажмурилась от яркого солнца. И он улегся рядом, уткнув морду в клочковатую траву. Мне вдруг подумалось, что скоро Пит будет на острове. Настроение сразу испортилось. Я поднялась и полезла в палатку. Выгребла остатки вчерашней еды, разложив консервные банки и галеты на плаще-дождевике. Потти подошел очень осторожно, обнюхал все и замер в ожидании. Открыв мясные консервы, я вытряхнула их, приглашая так друга к еде. Он понял, опять обнюхал. И стал есть! Когда мяса не осталось ни кусочка, облизнулся и улегся рядом с импровизированным застольем. Мясных консервов больше не оказалось, поэтому я открыла рыбные. Но он не захотел их. Тогда я навалилась на отвергнутую еду сама. А он улегся рядом, даже глаза прикрыл.

Когда я доела свой обед, за скалистым мысом мелькнул баркас. Я резко вскочила на ноги. Но тут же снова села, увидев, что он держит курс в противоположную сторону. Долго лежала, уставившись в бездонное небо. С каждым часом солнце уменьшало свой накал и скоро почти угасло. Я загляделась, как оно, в последний раз покраснев от напряжения и усталости, улеглось за горизонтом в огромное мягкое ложе. И сразу небо омрачилось печалью одиночества. И покрылось темно-серыми облаками, похожими на круги под глазами измученного человека. Остров Тигра послушно погрузился в наступившую тишину подкравшейся ночи. Я влез-

ла в убежище, а Потти сонно растянулся у палатки, удобно уложив морду на свои мягкие лапы.

Мне снились какие-то непонятно скроенные сны. Все в них было так необычно или невероятно, что я, проснувшись перед рассветом, задумалась, пытаюсь разгадать их. Приснившийся мне... живописный берег пруда и лилии на светящейся от солнца воде напомнили о России. Мужчина в лодке, срывающий лилии, был незнаком. Он протянул мне цветы, а они неожиданно посыпались на траву. Потти, непонятно откуда взявшийся, стал кататься по траве и по этим лилиям. Тонкие русские березки чередовались с экзотическими деревьями тропиков, а остров, где моя греза обитала и перевоплощалась в разные образы, да к тому же расцвечивалась прекрасными красками, был совсем не похож на реальный остров Тигра. И моя красивая белая машина стояла на самом краю странного острова. Пока шквал ветра, неожиданно налетевший, не снес ее в воду. В машине не было людей. А за руль зацепился белый, очень длинный канат. Он почему-то остался на поверхности воды, когда машину совсем скрыло. И вдруг она, как в замедленной съемке (но прокрученной в обратную сторону!), стала подниматься из воды и снова водрузилась на откосе острова. Белый канат все так же обвивал руль и вызывал полное недоумение и растерянность...

Когда наступило уже вполне уверенное утро и заставило проснуться весь остров, я захотела разыскать Потти. У маленького ручья, с трудом прорвавшегося из тяжелого нагромождения серых и черных каменных глыб, я и наткнулась на тигра. Он лежал рвал зубами мясо какого-то животного, видимо, павшего перед инстинктом голода более сильного соперника.

– Потти, – позвала я негромко, решив, не подходить слишком близко и не вызывать еще каких-нибудь животных инстинктов тигра.

Он оторвался от мяса, повернул голову на мой зов, облизнулся и встал. Затем, ухватив зубами добычу, волоком потащил ее в мою сторону. Я замерла, не зная, как поступить. А Потти дотасовал мясо до моих ног и, бросив, отошел. Я совсем растерялась. Пока до меня не дошло, что он отдает свою пищу мне! Помня, что и я кормила его. Опустившись на колени, я вытянула руки и позвала его. Он послушно приблизился, но вдруг замотал мордой. Указывая на мясо, я постаралась объяснить, что его должен есть только он. Потти послушно улегся и стал снова медленно отрывать куски, иногда все же поглядывая на меня. Может, ждал, что передумаю? И я благодарно погладила его по теплому боку. А потом помчалась к океану, чтобы тигр спокойно насытился.

День уже набрал свою богатырскую силу, когда я вылезла из воды и растянулась на желтом раскаленном песке. Сначала увидела в океане полицейский корабль, выплывающий из-за мыса. Потом услышала звук вертолета. А скоро и его пропеллер затарахтел прямо над головой. А приземлилась

“железная стрекоза” на самой большой поляне острова. Я помчалась к Поти, чтобы успеть попрощаться. Тигр почувствовал мое взволнованное состояние. Прислушался к крикам: “Альба! Альба!”. Медленно и грациозно подошел ко мне вплотную и улегся в ногах.

Два крепких полисмена выскочили из зарослей и остановились, застыв в оцепенении. Увидеть тигра, а тем более мирно лежащего у моих ног, они не только не ожидали, но и представить не могли, что такое вообще возможно. Когда я поздоровалась с ними спокойно и даже весело, один из них, самоуверенно красивый и отчаянно решительный, заговорил:

– Мисс Альба, как вы? С вами все в порядке? Мы отвезем вас домой...

– Скажите, на полицейском корабле мой отчим? Ох и расшвирепает он. Яхта – его счастье...

– Не беспокойтесь ни о чем, мисс Альба, главное, вы живы, – заверил меня красавчик, назвавшийся Брэдом Логаном.

– Поти, дружще, – начала я, присев на корточки, – Нам пора прощаться, но я обязательно вернусь, поверь...

Неуклюже уткнувшись щекой ему в нос, я на мгновение закрыла глаза. А когда открыла их, то снова увидела перед собой умные, добрые и абсолютно преданные глаза тигра. Мне почему-то подумалось, что в прошлой жизни он был человеком. И скорее всего, женщиной. Слишком хорошо чувствовал все происходящее. Нежно лизнув меня в подбородок, он быстро скрылся в зарослях. Я со-

брала свои вещи, а полицейские торопливо уложили их в вертолет.

Когда отчим увидел меня, то хотел ударить. Но Логан успел схватить его за руку. Пит понял ошибку, сразу обнял меня, а заговорил даже взволнованно:

– Альба, почему не сообщила по рации, где находишься? Кэт чуть не умерла с горя...

– Рация сломана, управление яхты тоже. Я чудом не разбилась о скалы. Шторм был таким жутким, что я отчаялась. Думала, не смогу и на берег выбраться. Но, слава Богу, мне удалось...

Брэд Логан усадил меня в вертолет, и мы взлетели. Я видела, как остров Тигра уменьшается в размерах, отдаляясь от меня, оставляя снова в одиночестве. Когда слезы просохли, я спросила Логана о том, как меня нашли. Он объяснил, что они несколько раз обшарили все острова, минув этот. Он закрыт огромным мысом, поэтому решили, что мне ни за что сюда не заплывть, не разбив яхту о скалы. Но когда Тони Линкс сказал, что за мысом есть прекрасная тихая бухточка, в которую и он частенько заплывал, спасаясь от шторма, полицейские направились именно сюда.

– Да, я чудом уцелела...

– А как вам удалось подружиться с тигром? – поинтересовался Логан.

– Не знаю, я ничего специально не делала. Он сам меня выбрал в друзья. А я только рада этому...

– Вы все еще чувствуете себя чужой в Австралии, мисс Альба? – спросил меня уже другой полицейский.

– Да, потому что это действительно так. Моя душа осталась в России, и с этим нельзя ничего поделать...

Больше меня ни о чем не спрашивали. Когда я увидела крыши Джералдона, а вскоре и маму, горестно склонившую голову в ожидании своей пропавшей дочери, сердце мое сжалось от любви и раскаяния.

Глава 3

Отчим решил выдать меня замуж за Алекса Олдмэна, как только мне исполнится 21 год. А старая Лора почему-то представляла меня женой Тони или Кэвина Линксов. Мама же была без ума от тридцатилетнего Брэда Логана! Она была уверена, что замуж мне надо выходить за взрослого мужчину, а не за ровесника. Я смеялась, слушая их споры, ведь мне едва исполнилось восемнадцать.

После нашего знакомства на острове Тигра Брэд часто приходил к нам, а недавно вдруг заявил, что не позволит мне выйти замуж ни за кого другого! Я побледнела, чувствуя, что тоже хочу этого. Хотя и сама не заметила, когда влюбилась в крутого полицейского. Сначала думала, что он просто приятен мне, потому что связан с моим спасением. Потом мама засомневалась в этом, слишком сильно я волновалась, видя его. И вот когда он заговорил о нашей свадьбе, я и поняла, как люблю его! Теперь не было дня, чтобы я не думала о будущей жизни с Брэдом. Она представлялась такой счастливой, что я немного побаивалась чем-нибудь сглазить свое счастье. И даже тосковать по Родине стала меньше. Хотя и заявила Брэду, что выйду за него, если в свадебное путешествие мы поедем в Россию. Он рассмеялся, напомнив, что до свадьбы еще целых три года.

Строя планы семейной жизни, я не забывала и про своего лучшего друга Потю. Но лето так быстро заканчивалось, а предстоящая учеба в университете лишила возможность видеться с ним.

Брэд почти сразу выяснил, что это за тигр обитает на одном из незаселенных островков западного побережья. Оказалось, цирковой, дрессированный тигр! Его отправили на остров, чтобы не усыплять, когда выявилась неизлечимая болезнь крови. Дрессировщик даже периодически сбрасывал с вертолета мясо своему любимцу, зная, что тот не сможет добыть пищу сам. А кличка, которую тигр носил в цирке, была Понтс! Вот почему он сразу стал откликаться и на новую, такую созвучную с прежней. Я была ошеломлена. Брэд, утешая меня, пообещал регулярные полеты к Потю. И действительно, мы навещали друга. Когда до начала занятий в университете осталось всего три дня, полетели к тигру, чтобы я попрощалась. Потому что в дальнейшем только Брэд будет прилетать на остров...

Еще в прошлый раз я заметила, что Потю сильно

похудел, стал медлительным, вялым. А то мясо, которое мы привозили, ел с неохотой, часто отдыхал. Теперь мы нашли тигра лежащим у ручья. Позвали, но он даже не повернул головы. Почувствовав беду, я бросилась к другу. Ухватив его за шерсть и прижавшись щекой к впалой морде, заплакала. Он с трудом приоткрыл глаза, и я увидела, как они мутны и несчастны.

– Потю, дружище, я с тобой. Мы с Брэдом с тобой, Потю. Тебе совсем плохо, да? Смотри, Брэд привез вкусной еды...

Я что-то говорила и говорила без остановки. Хотелось поскорее вдохнуть в него веру в утраченные силы, вернуть желание жить, не поддаваться болезни. Он тяжело дышал и очень старался не закрывать глаза. Столько выстраданной боли было в них, что я снова подумала о нем, как о человеке. На морде и на усах, обвисших и пожелтевших, запеклась кровь. Я поняла, что он хотел дотянуться до ручья, но, видимо, силы оставили его. Кровь шла горлом уже не в первый раз. Я принялась обтирать ее следы смоченным платком. Потю не сопротивлялся, иногда только обессиленно прикрывал глаза, а усы его болезненно вздрагивали. Не сразу, но я уговорила Брэда забрать тигра с собой и отвезти в ветлечебницу. С большим трудом мы уложили его в вертолет.

Когда прилетели в Джералдон, я наклонилась к Потю. Он открыл глаза и слегка лизнул меня в щеку. Ветеринар осмотрел его очень быстро и развел руками.

– Отправляйтесь на восточное побережье, – сказал он мне уже на улице, видя, как я расстроена. – Везите в Сидней, там лучшая ветлечебница. Может, тогда и поживет еще ваш тигр. Он же совсем не старый...

Ожидая Брэда у входа в лечебницу, я обратила внимание на машину, припаркованную неподалеку. Это была машина Алекса Олдмэна. Он вышел из кафе, и наши взгляды встретились.

– Альба, что ты здесь делаешь? У тебя же нет ни кошек, ни собак... – заговорил он так радостно, что я смутилась.

– Мы с Брэдом привезли Потю, ему очень плохо... Советуют отправить в Сидней, но как это осуществить практически, не знаю. С ним же ни квартиры, ни номер в отеле не снимешь...

Алекс на минуту задумался. Его симпатичное, умное лицо отражало искреннее сочувствие. И продолжил он очень заинтересованно:

– Постараюсь помочь. У меня в Сиднее тетушка. Уверен, она согласится приютить и тебя, и тигра. У нее огромный загородный дом. И еще квартира в самом центре Сиднея. Завтра же скажу все совершенно точно, в деталях, хорошо?

Алекс вселил в меня надежду на спасение друга, и я разрыдалась, бросившись ему на грудь. Брэд вышел из лечебницы и подошел к нам. По его лицу красноречиво разлилось недовольство. Но я так и не отошла от Алекса, а, вытирая слезы, тихо всхли-

пывала.

– Брэд, знаешь, Алекс хочет помочь. Если получится, повезем тигра в Сидней, там у Алекса живет тетушка...

– Тетушка? – переспросил недоверчиво Брэд.

– Да. Ее зовут Кристи Финч, – просто ответил Алекс, нежно поглаживая меня. – Она сестра мамы, живет на Данкен-стрит.

Брэд как-то странно пожал плечами, кивком головы согласился с предложенной идеей. И вдруг ледяным тоном попросил меня ехать домой с Алексом, потому что ему уже давно пора быть на работе. Больше не взглянул на нас и уехал, даже не попрощавшись.

Но поздно вечером позвонил. А то, что сказал, стало для меня громом среди ясного неба. Он потребовал, чтобы я никуда не ездила с Алексом. И вообще прекратила с ним общаться!

– Как ты можешь, Брэд?

– Выбирай! Если поедешь с ним, – потеряешь меня!

– Брэд, но мы хотим спасти Потти! При чем здесь твоя глупая ревность? – спросила я, негодуя, и обижаясь.

– Тебе я или Алекс нужен? И зверь дороже, чем я, да, Альба? Решай, сегодня же! Мне больше нечего добавить...

Набежавшие слезы задрожали у меня в глазах, как отражение луны на речной глади при порывах налетевшего ветра, губы обиженно затряслись, а сердце защемило тоскливо и больно.

– Жаль, Брэд, – выдавила я и глотнула воздуха, потому что стало трудно дышать, – И имей в виду: человек, спасающий друга, заслуживает понимания, а не мелочной и глупой ревности...

В трубке раздались гудки. А мои стоны, разрывая оскорбленное сердце, скоро перешли в рыдания. Ночь показалась невыносимо длинной. Но как только появилось солнце, снова зазвонил телефон. Только теперь это был Алекс. Он, оказывается, чувствовал, что я совсем не спала, и сразу перешел к делу...

Мы вылетели в Сидней на самолете "Green peace". После укола снотворного Потти лежал на носилках, распластав свои ослабевшие лапы. Он выглядел таким жалким и беззащитным, что я с трудом сдерживалась. Вспомнилось, каким он был красивым, сильным и грациозным, когда я впервые встретила его на острове. Заметив, как мои глаза тонут в слезах, Алекс взял меня за руку. И твердо заверил:

– У тебя больше не будет никаких потерь, обещаю.

– Но ты не можешь этого знать, – сказала я, кусая задрожавшие губы.

– Могу. И я это точно знаю. Плохое у тебя уже было?

– Да, – выдохнула я с обидой. – Сначала лишили отца, потом – бабушки... Отняли Россию... А теперь потеряла и лю...

– Вот видишь! – не дал мне договорить Алекс. – Значит, как раз и пришел черед только хорошего! -

АРБЕНЕВА Надежда Николаевна (1890 — 1954), переводчица.

Редактор Пермского обл. издательства. Личные архивные фонды, т.3.

АРБЕНИНА О.

(См. Гильдебрандт О.Н.)

АРБОРЕ-РАЛЛИ Зинаида Земфирьевна (1875 -).

«Лиу-Ганг-Янг. Как борется китайская работница за свою свободу». М.-Л., 1926; «Женский труд на Востоке». Под ред. и с предисл. В.Каспаровой. М., 1926; «Мать и дитя в Советской России». М., 1920.

РНБ.

АРБРОВА Т. (псевд.; наст. имя Држевецкая Тамара Иосифовна)

Авт. "Записки Оли Петровой" (Пг., 1916); "Сестрица Ольга". Петроград, 1916; 2-е изд. Пг.-М., 1917.

Масанов; РНБ.

АРБУЗОВА Мария Алексеевна (псевд. М.А.), переводчица.

Перевела (с участием М.Калашниковой - см.) с франц.: "Дети аббатства", англ. роман, соч. Мари-Реджины Де-ла-Рош. М., 1802-1803; пер. "Таинственный замок", англ. пов. М., 1803, 2 части. (См. Геннади. Список рус. анонимных книг. СПб., 1874).

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров.Сл.

АРГАМАКОВА Вера Федоровна (1880 -)

«О нескольких неогонимых морских ежах о. Сахалина». Л., 1934; «Материалы к познанию герцинской брахиоподовой фауны Урала». Л., 1934.

РНБ.

АРГАМАКОВА М.И.

«Систематический обзор преподавания рукодел и ремесел». СПб., 1898.

РНБ.

АРГАМАКОВА Олимпиада Васильевна (1817 — 1886), автор воспоминаний.

Жена П.И.Аргамачова, соседка И.С.Тургенева по имению. "Семейство Тургеневых. (Отрывок из воспоминаний). — "Ист. вестник", 1884, т. 15, № 2, с.324-336. (какая-то ее публ. была в № 11, 1883 г.) Венгеров.Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ч. 4. № 7620.

АРГАМАКОВА Серафима, автор пьес и книжек естественно-научного содержания.

"Жертвы тьмы" Драма в 5 дейст. Полоцк, 1908; "Беззащитные", драма. Полоцк, 1914; "Недостатки современной системы обучения как причины неправильного развития индивидуального духа" Полоцк, 1907; "В чем состоит признанное доктором Пабстом влияние луны на обурозование и перемещение минимумов" (?). Полоцк, 1908; "Слабая борьба с сильными заблуждениями в современном воспитании". Спб., 1900; "Действительность, мечты и рассуждения провинциалки". Спб., 1897 (рец. — "Рус. Бог.". 1897. № 11. С.28-31, авт. Короленко В.Г.); "К вопросам этики в современном браке". Полоцк, 1895. — Рец.: "Рус. мысль", 1896, № 4. С.176; Красота, ее значение в жизни людей и общества». СПб., 1899; «Детские забавы: В былые годы», драма. Полоцк, 1913; «В дополнение к теории О.Вейнингера». Полоцк, 1910; «Темы для научных открытий». Полоцк, 1907.

Венгеров.Источ.; РНБ; Книга Беларусі, 1517-1917. Зводны каталог. Минск, 1986. С.316.

(Продолжение в следующем номере)

Устами младенца

Исполнительный ученик

Родители Дениса, заботясь о развитии сына, не жалели денег на детские книги в хорошем издании. Каково же было удивление отца, когда однажды он обнаружил в портфеле сына папку с аккуратно сложенными страницами, вырванными из дорогих книг.

– Для чего мы тебе покупаем книги? – негодуя воскликнул отец.

– Читать, – не поняв гнева родителя первоклассник.

– А ты что сделал? – тряхнул вырванными страницами отец.

– Я и понес читать. Учительница велела приготовить отрывки из хороших сказок.

Поверил на слово

В школьной столовой стала исчезать в неизвестном направлении посуда.

Однажды приходит из школы угрюмый Денис, явно чем-то сильно озабоченный, и со слезами в голосе говорит:

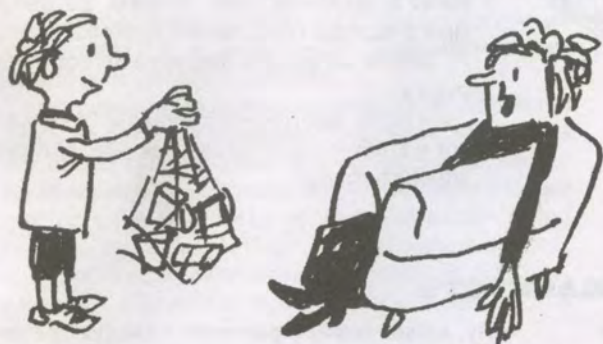
– Я завтра в школу не пойду!

– Почему? Что случилось? – обеспокоилась бабушка.

– Не случилось. Случится. Нам завтра кровь из носа пускать будут, – всхлипнул первоклассник.

– Что? – от удивления бабушка чуть не села мимо табурета.

– Да, – шмыгая носом, прояснил ситуацию Денис, – учительница сказала: «Кровь из носа, принести стаканы!».

Оригинальная мысль

Будущий врач Сергей по дороге из садика делится впечатлениями дня.

– Знаешь, мама, мы сегодня рассуждали, откуда берутся дети.

– И до чего додумались?

– Да кто что говорил. А, по-моему, пузатые тети рожают девочек, а пузатые дяди – мальчиков. Да, мам?

Ангелочек

Маленького Вовочку, моего внука-того племянника, года в четыре первый раз привели в церковь. Ему настолько там понравилось (красиво, как в сказке, по его словам), что он своим высоким, звонким, прямо ангельским голосом стал подпевать. Прихожане и священник, разумеется, обратили внимание на такое явление «ангела» народу. Священник кончил проповедь, перекрестил прихожан и персонально Вовочку и, помахивая кадиллом, пошел по церкви. Наш «ангелочек» пристроился ходить непосредственно за ним, а потом дернул за руку: «Дядя, дай помахать!».

На готовенькое?

Маленькую Леночку привезли на похороны в деревню. Лето. Жарко. Во дворе много народа, гроб, венки. Девочка устала.

Зашла во двор и подошла к гробу старушка.

– Папа, смотри, – всхлипнула Леночка, – вот и старенькая бабушка пришла, которую хоронить будут!

Материальность

Урок в первом классе, но уже в конце года. Тема: «Аполлон побеждает Пифона». Задача урока – ввести понятие материальности: гора каменная тяжелее воды, вода тяжелее и плотнее воздуха. Помимо познавательной цели, сюжеты мифов используются и для решения чисто технических задач.

Ровно через пять минут радостное сообщение: «Я уже нарисовал!» К большому своему удивлению, вижу одинокий крест на пустынной земле.

– Ты почему крест нарисовал?

– Аполлон Пифона победил. Вот он его и похоронил.

– А где море? (Действие мифа происходит на гористом острове).

– Ну, волны могилу размоют, – следует резонное замечание маленького художника.

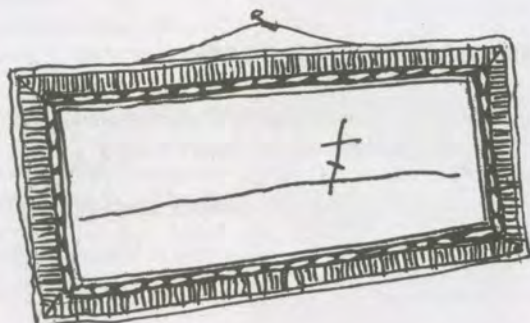
– А горы почему не нарисовал? – спрашиваю, так как не могла сообразить, чем ему горы помешали.

– Кто же в горах могилу роет? – поясняет автор недогадливого педагогу.

– А где Аполлон? (Пифон, понятно, уже в земле лежит.)

– Аполлон Пифона победил и на свой остров улетел. Вы же сами сказали. Сказали, да?!

– Сказала, – соглашаюсь я, вконец обескураженная такой логикой.

Ординский селенит

Урал знаменит многими драгоценными, полудрагоценными и поделочными камнями. История одних – это триумфальный успех, другие известны лишь специалистам, у третьих – череда то взлетов, то падений. Именно такой стала судьба редкой разновидности гипса – селенита, месторождения которого располагаются в Ординском районе Пермской области.

Иренские гипсы

С 1820 года и по наши дни для камнерезного промысла в нашем крае используются гипсы. Они широко распространены по всей территории района, но наиболее удобные для добычи территории находятся на правом берегу реки Ирени. Здесь встречаются и гипсы обеих модификаций: алебастр и селенит (волоконный гипс с отливающим красивым шелковистым блеском, часто его называют шелковистым гипсом, сатиновым шпатом, в англоязычных странах именуют «атласный шпат»; а в странах средневекового Востока селенит носил имя «афрусалинус» - «слюна Луны»), и ангидриты всевозможных цветов и оттенков.

До революции крестьяне-камнерезы добывали гипсы на десятках маленьких рудников. Многие из них имели своеобразные имена. Например, между Захаровкой и Федоровкой есть «Бирюльки» (оно же – «Над шумом»), «Над поповым лужком», «Над дьякона лужком»; у Павлово – «Ромашкин лог», «Мерзлый лог», «Копанец», «Коженково болото», у Ясыла – «Тришина гора», «У поскотины» и т.д. В конце XX века камень добывался на пяти карьерах: Федоровском, Яковлевском, «Левушкиных и Егоршиных ямах» (между Сходской и Федоровской), «На шуму», «У старой распилки». По официальным данным общие запасы поделочного гипса в районе составляют 1930 тыс. тонн.

Селенитовый промысел исторически связан с группой сел и деревень правого берега Ирени. Это Покровский Ясыл, Сходская (народное название – Богомолово), Тураево, Овчинники, Воронино, Зеленкино, Яберево, 2-е Ключики, Опачевка, Чураки. Однако многие из них в 1922 году сменили свои названия на имена местных жителей, погибших в гражданскую войну. Центр волости Покровский Ясыл был переименован в Красный Ясыл, Тураево

стало Захаровкой, Овчинники – Павлово, Воронино – Федоровкой, Зеленкино – Андреевкой, Яберево – Денисовкой.

Алебастр для Зимнего дворца

История иренских гипсов началась не с селенита, а с алебастров. В 1834 году директор Екатеринбургской гранитной фабрики отправляет поисковую партию М. Портнягина для «отыску совершенно чистого в досках квадратного аршина» алебастра. Четырехлетние поиски увенчались успехом в 1838 г. Лучший на Урале белый гипс был найден на правом берегу р. Ирени, недалеко от Ясылского лога, близ д. Сходская. В отчете М. Портнягин писал: «Алебастр найден залегающим в горе совершенной стеной... Пласт... совершенно белый и плотный, о котором должно думать, что будет навсегда заменять италийский гипс, покупаемый к делу досок и прочия к украшению в императорский дом скульптурные вещи». В рапорте Портнягин упоминает и о срочности заказа для «возобновления Зимнего дворца» в С-Петербурге. Дело в том, что в 1837 году он серьезно пострадал в результате пожара.

Экспедиция обратила внимание и на еще один гипс нашего края. В том же рапорте написано: «Кроме сей скалы, найдено другое месторождение около провалов, в виде валунов разновидности величины, заключающихся в глинах. Сие месторождение гипса в валунах находится ... близ деревни Апачевки на немаловажное занимаемое пространство, из

Скала на берегу Ирени у дер. Федоровки

него напилено и доставлено в кабинет Его Императорского Величества до 120 той же меры (полуаршинных) квадратных досок. Он весьма против первого крупнозернист и более мягкой нежности, цвет его бело-розовый или желтовато-белый.» (Цитирую по книге В.Б.Семенова «Уральский камнерез» П. 1981).

О дальнейшей судьбе плит гипса известно мало. По пути в Петербург часть плит поломалась. Прибыла лишь 201 плитка. В столице они карьеры не сделали. Возможно, их забраковали. А может, они и поныне украшают стену одного из залов Зимнего дворца в окружении итальянских алебастров. Во всяком случае, заказов на иренские гипсы из столицы так и не поступило. Я думаю, что главную роль в этом сыграло то, что никто не взялся за их коммерческую «раскрутку», так, как это случилось с малахитом и родонитом.

Фиброзный гипс обретает имя

Спрос на селенит рос медленно. Первыми его стали использовать камнерезы Екатеринбурга и села Мраморское. Мастерской Екатеринбургской гранильной фабрики В.А.Свечников (1820 г.) считается пионером селенитового промысла. Добывался камень в Ключиковском логу, на Молебной и Гришиной горах и в Иренском бору, а позже – еще и на Абакшиной горе. Все эти места – на Ирени недалеко от д. Сходская. Добычей занимались местные крестьяне, которые использовали два способа. Они либо углублялись шахтой или траншеей в обнажение селенита в скале или овраге, либо копали колодец-«дудку» зимой, чтобы не мешали грунтовые воды. Глубина колодца составляла 12–18 м, а добытый селенит поднимали на поверхность воротом, как из обычного колодца. К концу XIX века в год добывалось до 10000 пудов (160 т). Первоначально весь добываемый селенит везли в Екатеринбург и Мраморское на обработку. Попытка земства в 1880 году открыть в Покровском Ясыле учебно-показательную камнерезную мастерскую для обучения крестьян оказалась неудачной – губернское собрание отвергло этот проект. Неизвестно, кому из мастеров или первых торговцев пришла в голову блестящая идея: камень, именовавшийся фиброзным гипсом, приобрел новое имя, гораздо более удачное – селенит. С ним он и начал свою коммерческую «карьеру».

Крестьянский промысел

Среди екатеринбургских камнерезов, использовавших селенит, начинает выделяться А.В.Свечников. В 1890 году на Казанской выставке изделия В.П. и П.М. Свечниковых были удостоены похвального листа. Поскольку селенитовые поделки были ориентированы на покупателя среднего достатка – купцов, мещан, зажиточных крестьян – они были весьма неприятными. Это «рога изобилия», спичечницы в виде дамского сапожка, бокальчики, рамки для фотографий, пепельницы, ложки, пас-

хальные яйца и т.п. Чтобы закрепить свои позиции в селенитовом деле, А.В.Свечников в 1892 году, кроме мастерской в Екатеринбурге, открывает вторую. В д. Сходская он арендует под мастерскую помещение у крестьянина. Здесь работало шесть мастеровых из Мраморского и три члена семьи домохозяйина. «Директор филиала» Ф.И.Субботин всячески стремился не подпускать крестьян к секретам камнерезного дела. Теперь основную часть селенитовых изделий у Свечникова давала не городская мастерская, а деревенская.

Однако сохранить монополию не удалось. Крестьяне быстро поняли выгоду камнерезного промысла. Зачем возить селенит в Екатеринбург и дешево его там продавать, когда можно самим изготавливать поделки. Сотни крестьян наряду с сельским хозяйством подрабатывали изготовлением селенитовых изделий. В 1896 году, к примеру, из 100 домохозяев во 2-х Ключиках ими занимались 50. Приработок давал им в среднем до 100 руб. в год.

С расширением числа кустарей селенитовый бизнес быстро рос. Большинство крестьян поделки сами не продавали, а сдавали скупщику. Часть их были местные зажиточные крестьяне: Н.Зеленкин, Б.Тохтуев, В.Ваганов, Т.Орлов. Кроме того, крупные закупки осуществляли московский торговец Анцелевич и уже известный нам А.В.Свечников. Скупать и перепродавать оказалось гораздо выгоднее, чем производить самому, и в 1905 году он закрывает мастерскую в Сходской.

В эти же годы появляются и другие крупные частные мастерские. Первая из них была открыта в 1894 г. в д. Воронино. Ее хозяином был М.С.Бабушкин. Первоначально в ней работали сам хозяин, его сыновья, брат и мастер из Екатеринбурга, совмещавший обязанности главного мастера и учителя. Доход Бабушкина вскоре достиг цифры 5096 рублей в год. В 1895 г. открываются частные мастерские в Зеленкино, во 2-х Ключиках, в 1896 г. – в Губанах. Из селенитового промысла выходят камнерезы Екатеринбурга и Мраморского. Пуд селенита в Сходской стоил 30-60 копеек, а в Екатеринбурге – уже 2 рубля. При таких ценах они просто не могли конкурировать. Теперь за селенитовый рынок бились сотни кустарей и крупные «акулы» – Бабушкин, Каданцев, Теплых, Колесников, Зобнин. Они активно участвуют в зарубежных выставках (Чикаго, Париж, Лондон, Эдинбург, Берлин, Порт-Саид) и всероссийских, рекламируя свою продукцию.

Трудные десятилетия промысла

В первую мировую и Гражданскую войны камнерезный промысел почти угас, однако в 20-е годы он переживает новый расцвет. Конечно, из игры выбыли представители первой волны селенитового бизнеса, но им на смену пришли предприниматели второй волны – полукрестьяне, полунэпманы. Уже в 1922 году работают частные мастерские П.В. Негодных, Е.Е. Орлова, И.П. Орлова, М.И. Хлюпина, Д.Е. Шумилова. В 1927 году в Красном Ясыле и Сходской было 147 мастерских, во 2-х Ключиках –

Покровская церковь в Красном Ясыле

104, в Бурмасах и Хорьках – 48 мастерских. По сути почти каждый крестьянин имел побочный приработок – изготовление селенитовых поделок, адресованных в первую очередь городскому и мещанскому населению среднего уровня доходов.

В годы «большого перелома» камнерезный промысел попал в струю. Тогда СССР всевозможными путями зарабатывали твердую валюту, вплоть до продажи за бесценок картин Эрмитажа. Поскольку камнерезные изделия Иренского края имели за рубежом спрос, государство берет этот промысел под свой контроль. Камнерезы-кустари добровольно-принудительно объединяются в артели.

Самой мощной была Горно-Иренская артель (возникла 12 апреля 1928 года), которая сразу занималась только камнерезными изделиями. В Павлово сначала был создан промколхоз – 24 марта 1931 года, но он вскоре разделился на колхоз и промартель. Павловская артель тоже изготавливала поделки и дополнительно имела еще известково-помольную установку. В Опачевке промартель (1930 г.) тоже некоторое время входила в состав колхоза, от которого позже отделилась. Сначала она занималась производством хирургического гипса и алебаstra, но позднее тоже стала производить поделки. 8 марта 1937 года в Красном Ясыле и Сходской возникла самостоятельная артель инвалидов «Вперед», в 1941 году переименованная в «Камнерез». Из Павловской артели в 1936 г. выделилась артель «Горняк», которая занималась только добычей камня в карьерах возле Павлово, Опачевки, Чураков для камнерезов Кунгура и 2-х Ключиков.

В ассортименте артелей происходят значительные изменения. Огромную роль в этом сыграли два человека – И.А. Семериков и П.М. Кремлев, профессиональные художники-камнерезы, выпускники Екатеринбургской художественно-промышленной школы. Первый до революции работал художником кустарного отдела Пермского земства, второй руководил Камнерезной мастерской Фаберже

на Каравайной улице. В 1930 году они открыли в Красном Ясыле школу художественной обработки мягкого камня. Она именовалась «Курсы профессиональной подготовки резчиков-художников». Какие поделки были самыми популярными в те годы? Это все те же разнообразные брошки, пепельницы, рамки для фотографий, слоники, яйца, фигурки зверей и т.д.

Особняком находились 2-е Ключики. Здесь в 1929–1932 гг. был цех Свердловской гранильной фабрики «Русские самоцветы», в 1932 году ставший самостоятельным заводом. В 1934 г. он именовался: Ординская экспортная фабрика № 4 треста «Русские самоцветы». В этом году на ней работали 433 человека,

производившие в основном чернильные приборы, лампы, ночники, пудреницы, причем 50 процентов продукции шло на экспорт.

В конце 30-х гг. у Красного Ясыла появился шанс на получение огромного правительственного заказа. Дело в том, что в 1937 г. камнерезы нашего края совместно с ленинградцами и свердловчанами создали большую мозаику «Карта индустриализации», а в 1939 г. уже самостоятельно – модель Дворца Советов. В Москве иренские гипсы произвели благоприятное впечатление, возникла идея использовать их как облицовочный материал для строившегося с 1934 года на месте взорванного храма Христа Спасителя Дворца Советов (планируемая высота – 416 м). В 1941 году принимается решение строить в Красном Ясыле завод по производству такой плитки, однако до войны успели сделать лишь проектно-сметные работы.

Осенью 1941 года власти закрыли все камнерезные артели, кроме Опачевской. Последняя должна была ежемесячно отгружать для госпиталей 50 тонн хирургического гипса. Но уже в январе 1942г. открывается вновь 2-Ключиковский завод, по-прежнему производящий письменные приборы. За ним открываются и остальные артели. Что же они производят?

К примеру, артель «Камнерез» в 1942 году производила: мундштуки, брошки, фоторамки, свистки, пепельницы, слоников, птичек. В войну все это имело хороший сбыт. В 1944 году артель добавила к ним каменные пуговицы для одежды, солонки. Таким же был ассортимент и других артелей. Районная газета за 1944 год пишет, что 2-Ключиковский завод отгрузил на экспорт в США изделий на 600 тысяч рублей. Немаловажным был и тот факт, что значительная часть рабочих того времени – инвалиды Великой Отечественной войны. Трудоустройство и социальная адаптация их находилась не на последнем месте среди причин поддержки промысла государством в войну и после нее.

Художник А.М.Овчинников

«Уральский камнерез»

В 50-е годы в камнерезной отрасли произошли серьезные изменения. В 1954 году Павловская, Опачевская, Горно-Иренская артели, а также «Горняк» объединились в Уральскую камнерезную артель (с 1960 года – завод «Уральский камнерез»). Самостоятельность сохранил только 2-Ключиковский завод № 4, изменивший название. Теперь он именовался Ординский завод ангидритовых изделий, позже – «Русские самоцветы». В 1958 году на «Уральском камнерезе» работали 700 рабочих, на «Русских самоцветах» – 333. В используемом сырье стабильно возрастала доля селенита – ангидритом за рубежом было трудно кого-то удивить, а «атласный шпат» (селенит) продавался неплохо.

«Уральский камнерез» и «Русские самоцветы» производили одно и то же: письменные приборы, пепельницы, пудреницы, вазы, лампы и т. д. Широкое распространение шариковых ручек в конце 50-х ударило было по заводу. Однако художники предложили решение, прекрасно себя оправдавшее, – анимализм. Миниатюрные и среднего размера фигурки животных, разработанные А.И.Шадриным и Е.И.Львовой, стали широко известны в СССР. Но всех оставил далеко позади себя Анатолий Моисеевич Овчинников. Он автор более 600 изделий, из них 200 шли на экспорт.

В 1964 году оба камнерезных завода объединились в комбинат «Уральский камнерез». 70-е годы минувшего века были наиболее удачливыми. Главным кормильцем по-прежнему оставалось камнерезное производство. Оно давало 71,5 процента доходов. Значительная часть продукции шла на экспорт. Если в 1966 г. за границу ушло изделий на 28 тыс. руб., в 1968 г. – 75,7 тыс. руб., в 1972-м – 280 тыс. руб. Надо учесть, что это не простые рубли, а инвалютные. По официальному курсу того времени за 1 доллар давали 62 копейки. Экспортные поставки шли в 44 страны мира. К примеру, в США изделия, продаваемые у нас за 110-120 рублей, реализовывались за 450 долларов. Вот сколько долларов СССР заработал на

иренских гипсах. В 1982 году здесь трудились 890 человек.

«Уральский камнерез» оказал помощь в становлении целого ряда «дочерних» предприятий: фабрике художественных изделий в селе Борнуково (Бутурлинский район Арзамасской области), Кунгурскому заводу художественных изделий, Гросс-Куренскому янтарному заводу, Ходжохскому и Архангельскому камнерезным заводам, Печерской фабрике, камнерезному промыслу Нижнего Тагила и Читы.

И снова трудные годы

За стремительным взлетом часто следует головокружительное падение, в этом вскоре убедились камнерезы. С 1982 года начался кризис завода, обусловленный падением продаж.

Руководство начинает реформы с целью оздоровления. Но распад СССР и радикальные реформы 90-х разом обвалили все наметившееся улучшение. Голодное население не спешило покупать каменных ежиков и птичек, а контракты с другими странами рвались один за другим. В какой-то момент прекратился экспорт даже в Японию, которая была самым верным потребителем наших изделий. Несколько лет комбинат балансировал на грани жизни и смерти. По стране закрывались один камнерезный завод за другим.

Молитвы ли верующих спасти промысел (в Красном Ясыле даже в самые застойные годы многие семьи сохранили глубокую религиозность), дефолт ли 1998 года, но спрос снова начинает расти, администрация Пермской области (комбинат – областная собственность) сменила менеджмент, выделила кредиты. Зарплаты по-прежнему низкие и платятся с задержкой, но производство растет, в газетах вновь появляется реклама изделий ясылских камнерезов, печатаются красочные буклеты. Областное государственное унитарное предприятие «Уральский камнерез» учится работать и выживать в новых условиях.

Однако 90-е годы – это еще и время, когда сотни камнерезов начинают изготавливать камнерезные изделия на дому. Работают чаще всего в банях (каменная пыль – бич промысла), не всегда камень куплен, многие не регистрируются в налоговой инспекции. Словом, все как и по всей России. Наиболее раскупаемы то каменные церкви, то шахматы, то крупные фигурки зверей, то мозаики. Кто продает сам, развозя изделия по городам России, кто оптом сдает перекупщикам. Кто-то сводит концы с концами, кто-то хорошо зарабатывает. Наиболее успешные постепенно расширяют производство, нанимают рабочих, заключают контракты. Одним словом, история словно вернула край на сто лет вспять, к той ситуации, что была в начале XX века. Плохо это или хорошо, но камнерезный селенитовый промысел жив. Искра, занесенная мастерами Екатеринбург и Мраморского, не угасла.

Образцы селенита из коллекции В.Пелепенко

ЧИТАЙТЕ В СЕНТЯБРЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

...Леса, богатые пушным и хищным зверем; реки, полные рыбой; обилие полезных ископаемых – все это издавна привлекало людей в эти края. Кушцы-вотчинники Строгановы копали и плавили медные и железные руды, добывали соль. Отсюда начались походы Ермака по рекам Чусовая и Сылва...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

...Передо мной открылся огромный глинистый карьер. Я спустился вниз, к бурному потоку, осторожно пройдя вдоль крутого глинистого берега к упавшему подвесному мосту. Вдруг в отвесном коричневом слое блеснула светлая россыпь. Да ведь это серебро! Видно, эту малую толику песчинок вымыли дождь и река...

АЗЛИТА

...В священном коридоре уже было светло – слепотелы принесли прожектор и установили его у входа. Гномы не протестовали, сидя в углу, а только подслеповато моргали глазами. Пррак находился в том же положении, в каком его и оставили...

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

ХИМТЕХ
СТРОЙ

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2005, №8 (578)